

СЛОВО. Том XXIX

Двукнижие:

Смута и раскол

Удивительное дело, патриархом Тушинского вора, Лжедмитрия II, являлся родоначальник династии Романовых — Филарет (Федор). Но и первое его повышение по службе еще при воцарении Лжедмитрия I является не менее загадочным. Из простых монахов, куда Федор Никитич Романов попал за покушение на жизнь Русского Царя, он взлетает в качестве архимандрита на одну из трех самых важных кафедр в России — Ростовскую. И это все притом, что глава будущего царского рода Романовых никогда и священником-то не был. Странно?

Но и первый из царей этого рода Михаил, избранный якобы всенародно, отличается подобного же рода странностями: выписывает себе в качестве личного лекаря сына знаменитого чернокнижника Джона Ди, придворного алхимика Английской королевы Елизаветы II, — Артура Ди, который, во времена несения своей здесь в России таинственной службы, пишет алхимический трактат. И все это в самой Москве — мировой цитадели Православия! Странно?

Но и сменяет его на посту ну никак не менее значительный во всей Западной Европе алхимик — поверенное лицо самого Валентина Андреа, автора розенкрейцеровского манифеста «Химическая свадьба Христиана Розенкрейца в году 1459», — Венделин Сибеллиста. Его сменяет, уже при Алексее Михайловиче, алхимик Фон-дер-Гейден. Которого, в свою очередь, замещает алхимик Энгельхарт. При Петре Первом при дворе появляется новая плеяда масонов: Прокопович, Лефорт, Меншиков, Брюс.

Так кто же они такие — Романовы? Кому русский народ, как считается, клялся в верности в 1613 г.? Неужели же масонам? А если так, то действительна ли и по сию пору эта клятва?

Патриарх Тушинского вора

Западня «клятвопреступления»

Итак, что волнует сегодня подавляющее большинство истинно русского населения России, как разрешить вопрос с клятвой Михаилу Романову на Соборе 1613 г.? Стоит ли вину за произведенное ритуальное убийство Царской Семьи снимать с ритуальных резников инородцев и переписывать всецело на русское население России, якобы и совершившее революцию в своей стране? Стоит ли русскому народу, вообще не

причастному к заговору его высокородной великовельможной верхушки, насквозь пропитанной масонством, каяться в преступлении, которого он не совершал?

И сто́ит ли каяться в нарушении клятвы, данной боярами семибоярщины, казаками Трубецкого и присягнувшими на верность Тушинскому вору священниками, типа нынешних, а отнюдь не русским народом, достаточно странной постоянно прерывающейся неканоническими браками «царской династии», чей родоначальник так и вообще являлся патриархом Тушинского вора, чье разноязыкое воинство кощунственно штурмовало главную цитадель Православия в центре Московии — Троице-Сергиеву Лавру? И, самое-то здесь главное, имеет ли кровное родство семейство первых Романовых, Федора, Михаила, Алексея и Ивана, к тем «Романовым», которые появляются на Русском троне после воцарения Екатерины II? Ведь фамилия Романов уже у Петра III — это просто миф, а уж тем более у Павла I, который к родословной свергнутого его матерью правителя, что выясняется, возможно, и отношения никакого не имел.

Сначала о том, в чем нам и действительно требуется покаяться.

Во-первых, это в излишней доверчивости. Ведь враждебная нам пропаганда вот уже 400 лет кряду, после захвата именно Филаретом Романовым власти в нашей стране, обливает ушатами грязи наших истинных народных героев, при этом воздвигая помпезные столпы лицам, претворяющим в жизнь мероприятия по развалу нашей страны, по уничтожению столь ненавистного масонской закулисе подножия Престола Господня — Святой Руси.

И на сегодняшний день эта политика уже привела к полному развалу в прошлом мощнейшей Державы: заводы и фабрики стоят, армия развалена, а детей начинают распродавать на Запад на органы и для утех извращенцев. Неужели это конец? Кто виноват в происходящем, и каким образом поставить всему этому предел?

Для того чтобы понять как выбраться, например, из незнакомой местности, следует сначала определить наш маршрут движения и что нас заставило свернуть с наезженной трассы и забрести в неизвестные дебри, из которых теперь не видно и выхода.

Вот и прикинем, как мы умудрились, выйдя из безкрайних светлых просторов Святой Руси, лелеемой теперь лишь в сладких грезах, забрести на нынешнюю свалку западных, да теперь еще и восточных отходов производств, с вывернутыми карманами и без какой-либо возможности влиять на события в собственном же государстве, растаскиваемом нуворишами на аулы.

А ведь сегодняшний совершенно безрадостный день начинал подготавливаться еще 400 лет назад. Захватившая власть в стране клика, первым еще делом, озаботилась подменой как нашей богослужебной литературы, так и нашей истинной русской истории. И если для усвоения исторической о нас лжи потребовалось пройти векам, то искажение богослужения сказалось незамедлительно — впервые за всю историю в царствование Алексея Михайловича, в 50-е гг. XVII в., Русь, веком ранее Святую, посещает всякой реформации обычно и сопутствующий незванный гость — чума. Потому сменивший романовских ставленников Никон, попавший в тот момент в Патриархи достаточно случайно, пытается вернуть Руси ее не замаранное переделками патриарха Тушинского вора богослужение. Но царь Алексей, поняв свою ошибку, вынуждает Патриарха уйти со своего поста. Но богослужение, в основном, к тому времени уже вернулось в свою первозданность. Полная же неразбериха того времени, кто прав во всей этой с переделками книг истории, а кто виноват, порождает раскол. В то же время происходит и раздробление общества на классы по имущественной принадлежности. Дробление ширится и усиливается вплоть до прихода к власти Николая I, а затем и Александра III. Потому уже Николай II создает прецедент полного возврата общества к своему естественному состоянию — Святой Руси.

Но верхушку общества лечить, что в ту пору выяснилось, было уже поздно. Она к тому времени сгнила и давно разложилась. А потому именно эта часть российского общества, высшее, под руководством тайных сил готовит государственный переворот. Массонство поражает своими метастазами все наиболее значительные руководящие страны посты. Опутывает: прессу, армию, Думу и даже членов царствующей фамилии. Духовенство же так и вообще — первым признает Временное правительство и предписывает принять его вместо законного Царя всему русскому народу. И именно набожность народа превращает его, по воле облеченных церковной властью предателей, в безгласную марионетку в руках заговорщиков. А заговорщики — масоны.

Какое к этой организации отношение имеет Русский народ, на который сегодня пытаются свалить вину: как за государственный масонский переворот, так и, конкретно, за убийство Царской Семьи?

Так перечислим же хотя бы фамилии действующих лиц этой «русской» революции, чтобы определить — кому и в чем следует каяться.

Сначала назовем фамилии людей, оказавшихся у руля государства после «революции», а точнее закулисного государственного переворота, февраля. Это масоны: Львов, Керенский, Алексеев, Рузский, Крымов, Савинков, Коновалов, Терещенко, Некрасов, Милюков, Гучков. То есть вообще все лидеры февраля являлись масонами. Ставленниками этой же организации являлись и члены Синода, огорошившие послушный священству народ принуждением клятвы верности Временному правительству.

Но то было лишь прелюдией сдачи законопослушного народа русского в плен клике инородцев, усаженной на его шею в тот злополучный момент. О чем более чем отчетливо сообщает нам список масонов следующего тайнодействия все той же организации — Октября: Ленин (Бланк-Сруль), Зиновьев (Апфельбаум), Каменев (Розенфельд), Штейнбок, Троцкий (Лейбо Давидович Бронштейн), Радек (Сабельсон), Свердлов (Янкель Мовшевич Гаухман). Именно они захватили власть под достаточно странным для их «девичьих» фамилий наименованием — «русской» революции. И за их отъем в свою пользу власти мы, извечные «стрелочники» истории, обязаны каяться!?

У русских людей, уж извините, таких экзотических фамилий не бывает.

Не бывает у нас и фамилий конкретных убийц Царской Семьи. Потому назовем и их.

Ну, во-первых, кто отдал приказ о ритуальном убийстве. Это Бланк-Сруль, Бронштейн, Гаухман.

Во-вторых, вот как удивляюще не по-нашему звучат имена и фамилии непосредственных исполнителей этого злодеяния в Екатеринбурге: Петр Лазаревич Войков (Вайнер Пинхус), пассажир ленинского опломбированного вагона, Рейнгольд Берзин, Белобородов (Янкель Вайсбарт), Шая Исаакович Голошекин (Фрам Исаак), Янкель Мовшевич Юровский (Янкель Хаимович).

А вот как выглядят фамилии самих исполнителей, за что, по странному желанию нынешнего церковного руководства, обязаны каяться вовсе не их потомки, но якобы наши. Царскую Семью ритуально убивали в подвалах Ипатьевского особняка, а если точнее, в масонских подземельях Вознесенской горки, под руководством самого Янкеля Шиффа — еврейского банкира, прикатившего в Екатеринбург на личном поезде: Лаонс Горват, Анзельм Фишер, Изидор Эдельштейн, Эмиль Фекете, Имре Надь, Андреас Вергази.

То есть шесть резников и банкир, через которого Ротшильды-Рокфеллеры субсидировали масонский переворот в России, поименованный пропагандой некоей «русской» революцией. А потому:

«Возложение ответственности за цареубийство в сознании не участвовавших в революции поколений русских людей на решение “русского” Уралоблсовета (управлявшегося кучкой жидов), имеет то же значение легитимизации незаконного присвоения царской харизмы неизвестным правообладателем, что и демонстрация “револьвера Юровского” в качестве оружия цареубийства в музее революции в первые годы большевицкой власти вместо действительных орудий ритуального жертвоприношения — четырехгранных стилетов (шваек), имитирующих орудия Божественных Страстей — святые гвозди и копие, следы от ударов которыми были обнаружены на стенах Ипатьевского подвала» [285] (с. 75).

«Непризнание ритуального характера убийства Царской Семьи и роли изуверного жидовства как организаторов и совершителей преступления канонизационной комиссией Священного Синода РПЦ позволяет жидам переложить вину за убийство русского Царя на русский народ и плату за священную царскую кровь вложить в талмудический гешефт по дальнейшему разложению и ритуальному истреблению русского православного народа» [285] (с. 307).

Так в чем же нам каяться, после всего вышеприведенного, так настоятельно все-таки требуется?

Ну, во-первых, в попытке непротивления переименования «русскими» настоящих убийц нашего законного Царя и его Семьи, иноземных нашей страны захватчиков: Вергази и Эдельштейна, Хаимовича и Фрама, Бронштейна и Гаухмана. То есть в попытке перекинуть ожидающие их за это злодеяние угли на самих себя и своих детей, благодаря ими же и вводимой ювенальной юстиции предназначенных для переправки за кордон для разборки на органы.

А, во-вторых, и действительно — каяться. Но отнюдь не в том, к чему нас склоняла и склоняет пропаганда, как усвоено, исключительно желтая. А вот в чем:

«Русские люди будут каяться в смертных грехах, **что допустили жидовскому нечестию в России...**» [118] (с. 372).

Вот чему следует каяться! А не вешать на себя грехи подлых. Тех, кто заявил Пилату: «Кровь Его на нас и на детях наших». На них же и кровь нашего Русского Царя.

И может быть именно этим покаянием мы и смоем свой кровавый позор 70-летнего пленения?

Почему бы и нет? О том имеются и пророчества:

«Известны пророчества, — пишет А. Тускаров (1993), — некоторых святых о восстановлении на Руси Православного Царства на малое время перед самым воцарением антихриста. Но, как указывают архим. Константин, иером. Серафим (Роуз), возможность эта не безусловна, а условна, т.е. может осуществиться лишь при наличии **минимума духовно пригодного человеческого материала...**» (там же).

Но откуда, спросите, такой материал взять? Ведь мы сегодня раздроблены на просто невообразимое количество партий, движений и религиозных толков. И если в эпоху Минина и Пожарского у русского человека, даже одержавшего победу над врагом, власть все равно каким-то образом из рук враги наши умыкнули, то как мы сможем объединиться теперь, когда, кроме в ту пору обетовавшего в Московии исключительно русского православного населения, появились:

а) атеисты: большевики-ленинцы и большевики-сталинцы, сахарово-ковалевцы и баркашовцы (раздробленные в свою очередь на несколько частей и вероисповеданий); западники пацифисты и патриоты нигилисты и т.д.;

б) верующие в торжество нечистой силы: колдуны и шаманы, целители всеразличных толков, сниматели порчи и сглаза, наводящие порчу и сглаз, эзотерики всех мастей и т.д.

в) верующие, как им кажется, в Бога: мусульмане и буддисты, кришнаиты и брахманы, и т.д.

г) христиане западных толков: католики и ариане, адвентисты и баптисты, молокане и духоборы, и т.д.

д) православные:

1/ деление на всеразличные толки:

староверы и катакомбники; РПЦ Кирилла Гундяева и не присоединившаяся к ней часть РПЦЗ; переставшие после пометки храмов номерами посещать их: сторонники синода Диамида и сторонники архиепископа Сергия, иные переставшие посещать безблагодатные храмы оставшиеся верными вере своих предков русские люди уже не доверяющие ни Сергию, ни Диамиду.

2/ деление на партии и движения:

«память» Васильева; «черная сотня» Штильмарка; РНЕ Баркашева и т.д.

И все они, опять же, делятся на верующих в наступившую апостасию и пребывающих в эйфории восстановления храмов времен «перестройки»: кто посещает храмы Гундяева, а кто нет. А кто метнулся: к староверам или катакомбникам, зарубежному РПЦ или в синод Диамида.

Как из всей этой удивительно разноцветной палитры создать что-либо общее?

Если не создадим, то конец и нам, и миру — встречайте долгожданное — Апокалипсис. А он, между прочим, уже на дворе...

Но не все до такой степени мрачно. Ведь все мы сегодня разошлись по разные стороны баррикад исключительно из-за незнания своей истории и имени своего Бога, Которое, как это ни удивительно, чтобы мы в том ну никак не смогли ошибиться, написано на нас самих. Что даже в Библии зафиксировано:

«...Господи!.. Твое имя наречено на городе Твоем и на народе Твоем» [Дан 9, 19].

Город же этот, что общеизвестно, — Ие **Руса** лим (дом Бога Русы). Потому человек Бога Небесного, Творца небу и земли, и именуется, как принадлежащий исключительно Ему, — Русский.

И лишь из-за незнания Правды, которую у нас похитили влезшие в наши книжные запасники вражеские историки, наш народ, растерявший память об имени своего Бога, оказался вовлечен вражескими манипуляторами в уход к верованиям наших в прошлом рабов, проклятых Ноем — хананеев. Нам же приписан и их бог — нечистот и нечистой силы — Ваал-Перун.

Однако ж Правда, похоже, именно в самые что ни есть последние времена, благодаря открывшимся сегодня необычайно легкодоступным информационным потокам, потихонечку вырисовывается. И не просто обозначается достаточно ощутимо видимыми, контурами, но и записывается. Это расследование сведено в серию книг СЛОВО. И вот почему имеет именно это наименование. Ведь Слово Русы, как легко вырисовывается в видении картины мироздания, — это Слово воплощенное — Иисус Христос (Ие с уст [Бог с уст: «да будет Мне по *с л о в у* твоему» [Лк 1, 37]] Крест осм [восьмиконечный]).

Открывайте тома этих книг, на сегодня, март 2012 г., их насчитывается 23 тома, и все замазанная масонами наша история, приготовленная ими уже было для полного ее окончательного уничтожения, всплывет перед вами без грима и ретуши. Сразу станет понятным, куда нас столько лет вели с завязанными глазами и куда хотят спихнуть (и уже пихают) сегодня. И без понимания здесь раскрываемых прописных истин разобраться в сегодня происходящем совершенно невозможно.

Но выход из нынешнего нашего просто ужасающего положения в этой серии книг, чего страстно желают обнаружить все жаждущие, почему-то не указан. Случайно ли?

Вовсе нет. Ведь появится он лишь после образования из некоторой части нашего народа «МИНИМУМА ДУХОВНО ПРИГОДНОГО ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО МАТЕРИАЛА». Что случится лишь после того, как этот минимум, ознакомившись со СЛОВОМ, поймет свое предназначение, после чего и займет предназначтанное ему в предстоящей битве место. То есть битва с врагами может начаться лишь тогда, когда появится само войско. До этого момента нас будут продолжать убивать ежегодно миллионами: наркотиками и водкой, синтетическими продуктами питания и упавшей до уровня Гвинеи Бисау медициной. И все это будет продолжаться до тех пор, пока мы не поймем, наконец, что лишь срочное неотложное объединение и не просто людей, но истинно русских людей, связанных единой целью — борьбой с бесами, не объединит русского человека.

Но и все рецепты для победы можно будет давать лишь тогда, когда это войско обозначится на белом свете.

А пока не то что до минимума этого еще слишком далековато, но даже те, кто воспринял эти работы вполне адекватно, до конца так пока не все еще осознают, как не то чтобы других, но самого-то себя на этот минимум вывести. Ведь над собой для этого работать требуется: перестать материться, бросить курить, начать поститься, молиться, заняться поисками священника, у которого можно причаститься Святых Таинств. А окружающие, при всем при этом, продолжают материться, плевать, подличать. И если перестанешь быть как все они, многие пугаются, можно в коллективе своем стать изгоем.

И происходит это вовсе не потому, что они не способны осознать им предназначающейся необходимости следовать Правде Своего Творца. Но лишь из неверия малому числу победить большинство.

Но пусть не волнуется это «малое стадо», «яко с нами Бог». А потому — «Трепещите языцы».

Однако ж армия нужна. Без нее победа невозможна.

Но для конечного сбора всего этого пригодного человеческого материала придется каждому преизрядно попотеть и над преодолением самой главной своей собственной проблемы, которая будоражит каждого человека. Этой проблемой является, как это ни странно, обыкновенная гордыня.

А как же? Ведь нас всю жизнь чему-то учили; ведь мы очень много знаем; кто и чему нас может еще научить?

Практика показывает, что мы, в лучшем случае, можем только догадываться — в какую сторону идти искать Правду, которую от нас надежно спрятали. Потому многие ее ищут, но не многие находят. А на сегодня как раз и воссоздался такой удивительнейший момент, когда она, Правда, в силу определенных обстоятельств, оказалась, как никогда ранее, очень даже распознаваемо открытой.

Но открыта она, что следует заметить, вовсе не для того, чтобы над ней потешались или тут же, узнав ее, предавали забвению. Но чтобы ею следовали. Потому, чтобы попасть в тот самый пригодный для воссоздания Святой Руси материал, следует преизрядно попотеть, в том числе и над своим собственным воспитанием. То есть каждому над самим собой. Ведь не всем и не всегда хочется расставаться с давно усвоенными традициями взгляда на окружающий их мир.

Но не следует как-то по-особенному этой микроскопической неприятности бояться — боль от теряемых приоритетов будет не долгой. Ведь иллюзиям свойственно улетучиваться так же легко, как они когда-то легко входили уверовавшему в

непогрешимость его учителей ученика. Учителями же были, что мы обычно старательно списываем со счетов, марксисты и масоны.

Вот что пишет на эту тему, например, Никитина Татьяна Евгеньевна из деревни Брод Нижегородской области:

«Ваши книги шокируют, но это как в реанимации — удар и прозрение. К сожалению, все меньше людей, желающих прозреть. Но на все Божья воля. Видимо, дано нам пройти “пустыню”...» (письмо от 17.10.2011).

Вот куда ведет сегодня всеобщая апатия и нежелание работать над собой и забитостью своей головы ученическим мусором Всеобуча. Как мы уже определили, чисто масонской пропаганды. А потому, при недостаточности минимума готовых прозреть, доведем, весьма благополучно, уже вершащиеся события до Апокалипсиса.

Или все-таки лучше выбрать реанимацию? Пусть сначала и больно, и страшно. Но это все же лучше, чем сидеть и дожидаться «пустыни», пытаюсь примерить на себе не по росту сидящий подлатанный гнилыми нитками неоязычества зипунок истории, предложенный нам когда-то самыми злейшими нашими врагами — немцами. А навесить они умудрились на самый грамотный в прошлом народ не просто историю по истории, все в духе той же тысячелетней рабы, но никогда ему не присущие в древности качества: пьянство и тупость, безграмотность и ленивость. И эта неумная сказка, которую заглотил словно наживку наш народ, сегодня, благодаря все той же пропаганде, уже становится бльвью: от некогда цветущей страны к нынешнему дню остался один мираж...

А чтобы реанимация нас как-то все же из шокового состояния вывела, следует знать причину революции, приведшей к сегодняшнему дню.

Николай Сербский:

«Беда в России произошла не по грехам русского народа, а по грехам части русской интеллигенции, точнее **из-за иудействующей русской интеллигенции...**» [282] (с. 137).

А иудействующей интеллигенцией аккурат и являлось масонство. Ведь вроде бы и русские фамилии подкопавшихся под государственную власть масонов, чуть позже, сменили уже масоны с несколько иными фамилиями, явно обозначив нам границу совершенного тайной организацией предательства.

И каяться-то нам следует аккурат в том, что наши предки не распознали волков ряженных под овечьими шкурками думских демократов. Что не подняли вооруженного восстания против интервентов, как сделали это 300 лет до того Минин и Пожарский.

Однако следует все же обмолвиться, и сейчас-то многие недопонимают — в какую сторону требовалось в ту пору направлять свое оружие: большинство и по сию пору считают, что стрелять надо было в красных со стороны белых — что на сегодня выяснено — таких же масонов, как и сами красные. Сами же вожаки красных, чьи фамилии, как правило, были заменены русскими, иным казались все же меньшим злом, чем все те же белые, отстаивающие вовсе не интересы русского человека, что видно было за версту. Но и все иные воинские соединения той поры не представляли собой стороны русского человека, а лишь посягнувших на его Царство сил зла, направляемых за огромные деньги с Запада. И никакие националисты или анархисты не были также за народ: ни Петлюра, ни Махно. Пусть враждующих группировок было в ту пору много, но третью силу, то есть русский народ, никто в те времена не представлял. Как все это можно было распознать тогда, чтобы принять сторону, защищающую интересы русского человека, если единственно верное решение, отстаивать своего Царя, было отобрано у набожного в ту пору народа лишь одним заявлением синода о подчинении народа Временному правительству?

«...Св. синод признал новую власть еще до отречения Николая II от престола, которое состоялось в ночь со 2 на 3 марта» [283] (с. 202).

«...решение было принять “к сведению и исполнению” и во всех храмах империи отслужить молебен с возгласением многолетия “Богохранимой Державе Российской и **Благоверному** Временному Правительству”...

Тем самым было изменено церковно-монархическое учение о государственной власти, которое исторически утвердилось в богослужебных книгах русской Церкви и до марта 1917 г. было созвучно триединой формуле “за Веру, Царя и Отечество”. Изменение смысла заключалось в “богословском оправдании” революции, т.е. в богослужебной формулировке тезиса о том, что “всякая власть от Бога”» [283] (с. 205, с. 213–214).

То есть русский народ тех времен, что и понятно — необычайно набожный, был поражен ударом с той самой стороны, откуда он удара меньше всего ожидал. Мог ли он в тот момент распознать врага в членах собственного Св. синода, которому всецело доверял? Мог ли он перечить батюшкам в церквях, к которым подходил для получения Святых Даров?

Так что удар был и действительно в спину — с самой на тот момент неожиданной стороны.

Так что вовсе не безбожие тех лет, что на нас сегодня пытаются навесить наши на сей день такие же красные попы, русского человека той поры сгубило. Но именно непомерное доверие к священству, проходившее сквозь набожность.

Чем масоны так прекрасно и воспользовались. Потому столь легко и была ими взята самая неприступная крепость всех времен — Русское Православие. Оно было застигнуто врасплох: в спину из черного хода...

Кто мог в тот момент что-либо опасное рассмотреть именно с этой стороны?

Никто. Потому все случившееся далее является виной не отречения человека Русы от своего Бога, но, наоборот, вероломным отречением Его служителей в пользу сил масонской закулисы, которым удалось провести в руководство Св. синода своих людей. Сами же русские люди или поняли происходящее слишком поздно, или и по сей день всего случившегося так и не поняли, не определив врага, свергшего его власть в его стране.

Так ведь о том и разговор, что для определения врага требуется сначала разобраться в произошедшем. А когда все станет предельно ясно, тогда и обсуждать особо не потребуется — как же нам возвернуть теперь обратно некогда утраченное — Святую Русь.

Ведь здесь с определением давно всем известных основных постулатов Истины гадать не требуется. Ведь в чем заключалась некогда вся сила мирового государства Бога Русы — Святой Руси?

В святости ее жителей. А что есть святость?

Способность противостоять инфернальным силам — бесам.

И как же, интересно бы знать, смогут объединиться в единую силу собирающие этих бесов силы и силы им противостоящие?

Да никак.

Но если всем временно отошедшим в стан погромщиков Святой Руси людям, в совсем недавнем прошлом людям своего Бога, то есть Русским людям, просто одновременно вернуться из путешествий, куда их к последним временам увели заманчивые речи вражьей пропаганды, тогда и смогут они подойти к возможности восстановления, словно сказочного града Китежа, нашего исконного государства — подножия Престола Господня.

И, опять же, требуется покаяние. Но не в том, что наши предки соделали. Но в том, чего они сделать или не захотели, или, на что куда как более походит, просто не сумели. И все потому, что не знали ни силы вражьей пропаганды, ни способов борьбы с нею.

А самое-то главное, что они Правды еще не знали.

Но вот прошли годы, начали всплывать ранее неверно освещенные события. Появилась возможность все заново собрать и переосмыслить. Для того и публикуются материалы расследования под общим заглавием СЛОВО.

И результаты этого расследования, расставив все приоритеты по своим законным местам, уже позволяют всем ранее сбитым с толку лживой пропагандой людям вернуться в строй защитников Святой Руси. Потому снова уже можно становиться под единые знамена всем тем, которые желают выступить в поход не с белыми против красных, и не с красными против белых, но с Божьими людьми, с Русскими, то есть с Богом. Против всех тех, чей лагерь находится на стороне диаметрально противоположной — с бесами: Ротшильдами и «Мемфис Мицраим», Лениными и Гитлерами, Рерихами и Асахарами, колдунами и экстрасенсами всех мастей.

А потому мы вправе, в случае подобного возврата потенциальных защитников Отечества, ожидать следующего исхода надвигающихся событий.

Николай Сербский:

«...сила иудействующих в России не означает их победы, но только прелюдию к русской победе...» (там же).

Схиархимандрит Лаврентий Черниговский:

«Россия вместе со всеми славянскими народами составит могучее Царство... Господь Святую Русь помилует за то, что в ней было страшное и ужасное предантихристово время... Россия — жребий Царицы Небесная, и Она о ней заботится и ходатайствует сугубо... Русского Православного Царя будет бояться даже сам антихрист. При антихристе будет Россия самое мощное царство в мире. А другие все страны, кроме России и славянских земель, будут под властью антихриста и испытают все ужасы и муки, написанные в Священном Писании...» [118] (с. 372).

Но, опять же, повторимся:

«...возможность эта не безусловна, а условна, т.е. может осуществиться лишь при наличии **минимума духовно пригодного человеческого материала...**» (там же).

Так что если не хотим создавать себе лишних проблем (и еще каких!), следует все же заняться подготовкой этого самого материала.

Начинать же, как и обычно, следует с себя. В том СЛОВО и является наиболее действенным реанимационным средством. Ведь пусть сначала и будет несколько дискомфортно (придется расставаться с когда-то хорошо усвоенными аксиомами взгляда на окружающий мир и себя в нем), но зато впоследствии, когда все персонажи нам некогда поведенных рассказней займут свои законные места, моральное выздоровление узнавшего о себе правду тела пойдет просто непредсказуемо быстро. Вот, пишут письма, что даже мгновенно. Иные же сообщают, что после узнавания всех ранее сокрытых от них тайн, столько лет в качестве табу покоящихся на раскрытии подноготной разрекламированных пропагандой манекенов, становится жить много веселее. Мало того, сразу обнаруживается ранее упрятываемый от нас смысл земного бытия. Так что реанимация эта для кого-то проходит не просто безболезненно, но заряжает оптимизмом в совершенно безрадостные наши апостасийные времена. Однако ж это касается лишь тех, кто к данным материалам уже достаточно подготовлен. Кто уже находится в лагере, противостоящем бесам.

Всем же остальным путь узнавания истины достаточно не прост.

Но когда материал станет освоен, тогда бывшие язычники и кришнаиты, колдуны и духоборы, коммунисты и адвентисты — все поймут, что спасение от ими же и собранных легионов бесов лишь одно...

Только вот не придет ли это понимание слишком поздно?

Подмененное слово

И вот до чего ж удивительно сходно с большевицкой производилась та еще самая первая революция, заряд которой тлел с эпохи первых Лжедмитриев:

«...при Алексее Михайловиче делали наградные и парадные царские знамена неизменно **красного цвета**» [240] (с. 143).

Причем, и на похоронах Алексея Михайловича именно такого цвета знамя несли во главе похоронной процессии. Свидетельствует очевидец — Бальтазар Койэтт, прибывший в тот момент в Москву в составе голландского посольства:

«Затем явился патриарх... перед ним несли большое **красное** шелковое знамя...» [395] (с. 433).

Так что и попы в эпоху «Тишайшего», после свержения им Патриарха Никона, были такими же красными, которые подготовили уже и последующие произошедшие у нас революции (см. второе издание «Красной чумы» [готовится к печати]). И вот похоронное шествие в эпоху Алексея Михайловича полностью собою напоминает нам шествия под предводительством красных попов в эпоху февральской революции, когда утренний молебен плавно переходил в митинг в защиту «жертв революции».

То есть первыми Романовыми использовались те же цвета знамен, что затем будут использоваться как красnobантниками февралистами, так и большевиками октябристами. Так что вновь нами обнаруживаются многочисленные параллели вроде бы и всенародно избранной нами династии с масонскими на нас нашествиями: Петра и Наполеона, декабристов и ленинского интернационала.

Но где истоки этого столь странного «гласа народа», который стал решающим при избрании царей, всего в несколько десятков лет одевших многовековое ярмо на народ, весьма опрометчиво доверивший себя этой новой династии?

Ну, во-первых, начинаем наш поиск среди наиболее фантастических версий тем простым постулатом, что в каждой бочке лжи обязана быть хоть ложка истины. С которой, собственно, этот ушат грязи обычно и начинается. Ведь для изобретения на сегодняшний день разросшейся в некую чуть ли ни науку версии исторического математика Фоменко и К^о требовалась точка отсчета, когда и могли быть изобретены нынешние мифологемы, помпезно именуемые сегодня «русской историей». А времена, когда вполне возможна была подмена основы наших исторических понятий, аккурат и указывают, между прочим, на вполне подходящий момент для воцарения во всем мире единой ереси — смуту в России начала XVII столетия. Ведь папа римский протацил тогда на русский трон своего ставленника. Таким образом, и действительно у злоумышленников появлялась уникальнейшая возможность изобретения своей собственной версии о ходе истории. Мало того, появлялась возможность более эффективной борьбы с нашим СЛОВОМ именно путем разуверения нас в действительном ходе событий мировой истории.

А под новую версию фальсификаторы и решили подвести некое якобы первородство латыни и эллинского наречия, изобретя для них и соответствующую мифологему происхождения. Хотя известно, что:

«Слово “древний” может... применяться к более архаичному состоянию языка, т.е. к такому его состоянию, когда формы в нем ближе к своему начальному образцу, и это вне всякого вопроса о датировке. В этом смысле можно было бы сказать, что литовский язык XVIII в. древнее, чем латинский III в. до н.э.» [241] (с. 195).

То же относилось и к Священному Писанию, первоуродными текстами которого объявлялся некий такой «библейский» язык, являющийся, на самом деле, туземным наречием чернокожего населения Палестины. Наш же язык, используемый в те еще времена повсеместно, было решено отеснить на задворки, а его владельцев посадить на дерево и вручить им в руки банан с пальмы.

И вот, судя по всему, что следует сказать о той странной истории по истории, которую принято считать нашей:

«История России в ее современной версии создавалась в угоду династии Романовых, окруженных иностранными придворными...» [36] (с. 252).

А потому:

«Основные труды по русской истории написаны иностранцами и инородцами. Единственным русским историком следует считать Татищева, однако его “История” бесследно исчезла, и ныне мы имеем дело лишь с черновиками, изданными Миллером» (там же).

И для постоянной реанимации этой написанной про нас нашими врагами истории о городе Глупове заинтересованными в том силами происходит:

«Систематическое уничтожение надписей и памятников древности как в России, так и за рубежом» (там же).

Вот один из примеров. Найдено не соответствие знаку зодиака года рождения Иоанна Грозного знаку зодиака, вырезанному на его троне:

«Задумаемся на мгновение. Если русские летописи являются подлинниками — как думают историки, — то возможно ли представить себе, что все они ошиблись на четыре года в дате рождения царевича, будущего Ивана Грозного?.. Как же мог летописец ошибиться в дате такого события НА ЧЕТЫРЕ ГОДА? Причем еще и месяц перепутать и число месяца? Еще труднее предположить, что год, месяц и число рождения царевича перепутал не один, а сразу все летописцы, писавшие свои летописи в совершенно различных, сильно удаленных друг от друга местах России. Причем все они сделали, как по указке, одну и ту же ошибку. В точности повторив друг друга. Ясно, что такого быть не могло. Это — очевидная бессмыслица.

Но если, как утверждаем мы, имеющиеся сегодня русские летописи были изготовлены в XVII–XVIII веках в узком кругу лиц — в основном иностранцев, допущенных Романовыми к очень важной для них деятельности по созданию ложной версии русской истории, то картина приобретает совершенно другой оттенок. В этом случае подобные ошибки в летописях не только возможны, но даже очень вероятны. Более того, нет ничего удивительного в том, что одна и та же ошибка, раз возникнув, оказалась повторением сразу во многих различных летописях. Ведь все эти летописи, как мы понимаем, вышли, так сказать, из одной мастерской. Поэтому их нельзя считать независимыми. В них вполне могли многократно повторяться одни и те же ошибки, сделанные редакторами — “улучшителями истории”, в XVII–XVIII веках.

Обнаруженный нами на престоле Ивана Грозного зодиак свидетельствует в пользу нашей точки зрения: имеющиеся сегодня русские летописи являются поздними редакциями, изготовленными в XVII–XVIII веках в узком кругу историков-фальсификаторов. Деятельность которых направлялась и оплачивалась царствующим домом Романовых» [242] (с. 27–28).

Многие же и иные нестыковки возраста царевича удивляют не менее. Например, Воскресенская летопись, называя дату участия юного Ивана Грозного при освящении

церкви Параскевы Пятницы, выходит на возраст, который ну никак не мог соответствовать его присутствию на длительном богослужении. Ему было в тот момент всего три месяца.

И подобного рода факты, прорывающиеся, буквально, из всех щелей, которые становится уже невозможным умалчивать далее, не смотря на всю странность выдвинутой Фоменко теории, просто не позволяют долее продолжать сомневаться в явных кем-то произведенных умышленных перетасовках в освящении мировой истории:

«...в средние века латинский язык не был разговорным ни в одной части Европы. Его с трудом понимало подавляющее большинство населения даже нынешних романоязычных стран Европы, не говоря уже об Англии. Примечательно, что Турский... собор... датируемый 813 г. [Фоменко с компанией этот православный собор перефутболивают аж к 1510 г. и переименовывают в католический — А.М.]... рекомендовал читать проповеди не на латыни, а “in rustikam romanam linguam”, т.е. “на деревенском романском языке”, как обычно переводят эту фразу» [40] (с. 36).

Удивительно?

Вот расшифровка этой столь на первый взгляд странной привязки нашего языка, первоязыка человечества, к какой-то весьма невразумительной для его значения *сельской местности*. Римский закон, как свидетельствует Дионисий Галикарнасский, предоставлял право:

«...рабам и иноземцам предаваться занятиям возчиков и ремесленников... и никто из урожденных римлян ими не занимался.

Два только занятия оставил Ромул свободным — *земледелие и военное дело...*» [276] (кн. 2, гл. XXVIII).

Вот почему русский язык именуется сегодня языком крестьянским.

«Современное ит. *rustiko* действительно означает “сельский, мужицкий”. Это *отыменное* прилагательное, то есть производное от имени существительного. Однако исходного однокоренного существительного в романских языках *нет*. Поэтому “*рустика романа*” означает, скорее, *руско-романское* наречие. В этом нет ничего удивительного, поскольку русско-романское наречие и есть греко-романский диалект праславянского языка» [40] (с. 36).

Однако ж языка, что мы уже определили, именно исконных хозяев «Итальянского сапога» — русских («сапог» этот, что выясняется, во всяком случае в эпоху Гомера, находился в Африке). Но уж никак не проживающих сегодня в данном регионе потомков грузинского покроя аборигенов или освободившихся некогда из-под нашей власти рабов.

Вот как объясняется уже появление их языка — некоего европейского эсперанто — общепризнанного наречия их «науки»:

«Весьма вероятно, что литературная латынь была создана ни кем иным, как *Данте Алигьери*, жившим по традиционной хронологии якобы на рубеже XIII–XIV веков. Великий Данте был не только поэтом, писателем и философом — он стал первым *западноевропейским* просветителем, написав трактат “О народной речи”. Его считают создателем литературного итальянского языка, как и Пушкина создателем русского литературного языка в России...» (там же).

И вот почему именно пушкинский стиль искажения древнейшего на земле СЛОВА стал общепризнан и вытеснил язык Адама из официального наречия страны, представляющей собой подножие Престола Господня:

«Членом масонской ложи “Овидий” А.С. Пушкин стал в мае 1821 года. В сохранившемся отрывке Кишиневского дневника Пушкина есть запись: “4 мая был принят в масоны”» [136] (с. 258).

Теперь-то становятся понятны как странности в его творческом пути и в его слишком уж подозрительно тесном единении с масонами, так и странности его смерти: убитые на дуэлях Православной Церковью приравняются к самоубийцам.

А вот как он был похоронен:

«Вяземский положил ему в гроб перчатки (масонский ритуал погребения собрата). Наталью Николаевну Жуковский и Вяземский, видимо, устранили от этой обязанности, — обычно это привилегия вдовы» [257] (с. 303).

«Пушкин не случайно был поставлен во главе литературного ареопага новой России: усердие вольных каменщиков, имевших главенствующие позиции в русской словесности (Жуковский, Карамзин), вознесло его на пьедестал властителя дум» [136] (с. 263).

И с помощью гения Пушкина масонство, наконец, расправляется со столь ненавистным ему языком, на котором рекомендовал читать проповеди, как теперь выясняется, еще Турский собор.

Таким же новоделом является и язык итальянский, вытеснивший наше древнее («деревенское») наречие с Апеннин:

«...литературный *итальянский* язык сложился лишь к XVII веку на основе флорентийско-тоscanского диалекта. Расцвет литературной *латыни* приходится именно на XVI–XVII века (Весьма вероятно, что Данте Алигьери (ит. Dante Alighieri) в действительности жил и творил не в 1265–1321 г., а примерно на 260 лет позже — в 1525–1584 г.)» [40] (с. 36).

На это указывает и то обстоятельство, что итальянский писатель Джованни Боккаччо, биограф Данте, в своих о нем высказываниях сообщает, что:

«...Данте выше всех поэтов ставил Гомера, *хотя и не читал его, поскольку не знал греческого языка, а переводов Гомера на латынь еще не было (!)*. Это означает, что такие *переводы* (а скорее всего, только что написанные произведения Гомера) появились только после смерти Данте, т.е. реально *не ранее конца XVI в...*» [40] (с. 69).

Поясним: переведенные с нашего древнего языка сочинения древних авторов на модную по тем временам общеевропейскую мову — искусственно изобретенный язык, типа сегодняшнего эсперанто, — латынь. Переводчики же, что и понятно, наделяли все ими перекладываемые на латынь произведения древности своим очень в ту пору, пору эпохи возрождения язычества, модными верованиями и воззрениями на жизнь. Уничтожалась и связь этих произведений с самими авторами — древними жителями мира, заключающегося изначально еще в тесных долинах Междуречья, Северо-западной Африки и Сиро-Палестинского региона.

Далее:

«...переводчик “Божественной комедии” на русский язык М. Лозинский в своих комментариях к переводу пишет, что Данте *предвосхитил* события, упомянув о *красной кардинальской шапке*, поскольку такие шапки для кардиналов были введены только *после* смерти Данте...» [40] (с. 69).

Вот и еще один очень серьезный прокол в сфабрикованной масонами ко временам «первопечатника» Федорова версии. А вот и следующий прокол все в той же цепи:

«Книгу о Троянской войне, откуда Данте и мог почерпнуть многочисленные подробности этой войны, написал на латыни *Гвидо де Колумна*. Эта книга стала известна не ранее XV в. *в печатном виде...*» [40] (с. 69).

То есть сразу, минуя оригинал, появляется уже распечатанной во множестве экземпляров. Но и по времени аккурат в ту пору, когда легендарный Данте, якобы с ней ознакомленный, уже давно лежал в гробу.

Вот очередной прокол фальсификаторов, который так и вообще — из области анекдота:

«Данте в “Божественной комедии” упоминает *Испанию* и *Австрию*, названия которых *впервые появились* только в конце XV века» [40] (с. 69).

То есть несоответствий фальсификаторы наделали ничуть не меньше, чем их коллеги при изобретении мифа «о тысячелетней рабе» в своей истории города Глупова — дошедшем до нас «экземпляре» «Повести временных лет».

«Однако только название *Австрия* является ключом к пониманию предела Европы в XV в. Немецкое название Австрии *Osterreich* недвусмысленно означает “Восточная империя”. И Австрия действительно расположена к востоку от современной Германии, ср. также англ. *Austria*, фр. *Autriche*. Заметим при этом, что праславянский корень (*в*)*ьт*, содержащийся в слове “восточный”, имеет также смысл “внешний”...

Однако *славянское* название Австрии, например чешское *Rakousko*, ясно указывает на современную Австрию как на бывшую провинцию средневековой славянской *Дубровницкой* республики, столицей которой был г. Дубровник... Латинское название г. Дубровник — *Ragusa...*) [40] (с. 84).

То есть *рогожа*. А название Австрии, *Rakousko*, — рогожка. Вот куда направлялась наша соль через учрежденную Иваном Грозным *Ямскую Рогожью слободу*, современный Ногинск, и *Рогожскую заставу* в Москве. Ведь именно в тот момент, когда морское сообщение с нашими солевыми приисками, ввиду экспансии густо окруживших нас тогда враждебных государств, становится невозможным, и появляется этот для нас столь странный сухопутный маршрут. И лишь зимний санный путь легко доставляет этот безценный груз через заснеженные отроги Карпат и Альп к нашим братьям славянам этой Дубровницкой республики, где на побережье Далмации находится город со столь удивительным названием, несущим в себе меру веса соли. Да и сама Австрия, откуда соль затем и расходится по Западной Европе, несет в себе то же наименование. А очень возможно, что в основе наведенной на нас масонами бурной волны Лжедмитриев и лежал скрытый от нас историями историков *солевой бунт* Запада.

«*Австрией* бывшая славянская земля стала называться только при Габсбургах, причем не ранее XVI века» [40] (с. 85).

Так кем же был этот «предвосхитивший» столько удивительнейших наименований общепризнанный на Западе «гений»? Изобретатель латиноязычия был, прежде всего, посвященным масоном:

«Сам Данте был одним из руководителей ордена тринитариев, унаследовавшего традиции тамплиеров, и он недвусмысленно говорит о симпатиях к храмовникам» [294] (с. 114).

Так что изобретатель латыни, что выясняется, был таким же масоном, как и сам Пушкин — изобретатель языка, общепринятого сегодня за русский литературный.

Имеется и множество иных несовпадений или удивительнейших «находок» древних авторов, ранее почему-то никому совершенно не известных. Лишь в XVIII веке ни на чем не основанная, то есть не имеющая более ранних произведений, вдруг:

«...расцветает французская поэзия, и в монастырях тут же внезапно обнаруживаются творения *труверов*, “французских певцов раннего средневековья”, а сборник песен *вагантов* “случайно обнаруживается” у баварских монахов-бенедиктинцев вообще только в начале XIX в. и тут же датируется XIII веком! Между тем бродячих певцов-вагантов в XVII веке во Франции называли *голиардами* (*goliards*), т.е. по-русски “голый род”, известный по нашим сказкам как “голь перекатная”» [40] (с. 85).

Вот и еще очередной прокол Запада. Ведь изобретая некие якобы чрезмерно древние произведения своих «бардов» они даже название им не удосужились какое-нибудь свое особенное сочинить, но содрали просто-напросто у нас уже существующее — готовое,

совершенно не понимая при этом, что оно может на нашем языке означать что-либо конкретное, то есть иметь осмысленный перевод своего звучания.

Такое же онемечивание, то есть внедрение папуасских диких культур, произошло и во всех иных странах, где власть на «белом континенте» захватили красные знамена Ермона картавых Израилевых колен (слово Европа означает: возвращение евреев), произошедших от чернокожих служанок хананеянок жен Якова-Израиля — Ваалы и Зельфы (см.: [198]).

Вот, например, откуда появляется наречие наших учителей по нашей же истории — немцев:

«...только в XVI веке образовался литературный или книжный немецкий язык, вытеснивший употребление наречий и сделавшийся общим языком нации. В основе этого общего языка лег перевод Библии, сделанный Лютером, и первая грамматика немецкого языка, принявшая в руководство язык Лютера, вышла в 1578 году» [377] (с. 7).

Так что на момент, скажем, взятия Иваном Грозным Казани и Астрахани никакого языка у этих сидящих еще по тем временам на дереве папуасцев вообще не существовало. То есть наречия-то, кой какие, все ж имелись, но писать на них они пока не умели. Удивляет?

Удивляет другое. Каким же все-таки образом этот невообразимый сброд наречий и диалектов, получивший свою письменность, чисто к тому времени еще формально, нам сегодня нашу же историю преподает!?

Кстати, вот когда они вообще начинают свои буквы корявыми не привыкшими к этому занятию пальцами только еще пытаться выводить:

«Только в XVIII веке начали упражнять их сочинениями на немецком языке» [377] (с. 8).

Однако ж, лишь спустившись с дерева и переложив из правой руки в левую банан, они тут же берутся за сочинения этих всю плешь нам проевших историй по истории:

«Основоположниками русской исторической науки были немцы, которые со времен Петра I поставили себе задачей создать историю Руси. Они не знали и сотой доли того, что мы знаем теперь, да и не могли знать уже и потому, что некоторые из них, писавших историю Руси, не знали даже русского языка! (Байер, например)...

Выводы, к которым пришли ученые немцы, стали своего рода каноном, в достоверности которого сомневаться считалось что-то вроде святотатства» [140] (с. 84).

И зря кто-то думает, что все вышеизложенное представляет собою какое-то такое недоразумение. Ведь если бы безграмотных немцев, залезших в те эпохи в наши книжные запасники, и действительно интересовала история, то значение ими прочитываемого можно было бы легко выяснить у любого русского человека, не имеющего отношения к верхним классам общества. В конце концов, у любого дьячка: русский народ в те времена разговаривал исключительно на том языке, на котором были написаны наши древние летописи. Но немцев правда совсем не интересовала: им необходимо было, наоборот, подальше ее упрятать. А теория о скопищах остолопов, которыми править могут лишь западные культуртрегеры, аккуратно и отрабатывалась ими за достаточно немалые деньги заказчиков новой мировой истории, изобретаемой в ту пору Западом для окончательного разгрома славянства.

Потому систематизации подверглись лишь те отрывки, которые устраивали производимый заказ:

«Основные выводы были сделаны без сличения всех летописей и проверки их по многим спискам. В основу была положена Лаврентьевская летопись, кстати сказать, пестрящая пропусками, ошибками и описками. Крупная, отдельная и оригинальная

ветвь русского летописания — новгородские летописи — была оставлена без должного внимания.

Когда за дело взялись более серьезно, теория уже была создана, а потому все новое, становившееся известным, подгоняли под уже принятую схему, а явно несогласное отбрасывали, считая за ошибку, фальшивку, а то и просто замалчивая» [140] (с. 84–85).

К тому же многое в летописях:

«...было понятно не верно из-за того, что понимали текст, исходя из норм современного языка, а старых форм просто не знали» [140] (с. 85).

И это вполне понятно. Ведь разговаривали в те времена наши доморожденные полуиностранцы на каком-то совершенно невообразимом сленге. Эти модники:

«...изъяснялись по-французски лучше, чем по-русски. Учебников древнерусского или славянского языка не было... Естественно, что смысл летописей изменялся при переводе до неузнаваемости» (там же).

Но и вся изобретенная немецкой «наукой» наша «история» представляла собой лоскутки, мало чем между собой сходящиеся даже по смыслу. И чтобы все это можно было как-либо хоть осмыслить:

«...надо было быть русским историком, а их не было. Ученый немец представлялся прямо олимпийцем, и на него смотрели чуть ли ни с благоговением. О серьезной критике их не могло быть и речи: и не было кому критиковать, и небезопасно было критиковать особ, находившихся под самым высоким покровительством, критика могла быть сочтена только “продерзостью”» (там же).

Но и в самой Западной Европе, чтобы придать выдвигаемой теории о городе Глупове какую-либо хоть видимость основы, весь имеющийся компромат следовало запрятать подальше от посторонних глаз. Что и было сделано. Ну, а уже потом, после драки, что называется, кулаками не машут:

«Иностранцы источники, содержащие ценнейшие сведения о Руси, не были вовсе известны, а во многих из них находились как раз прямые указания на ложность норманнской теории» [140] (с. 85–86).

Так что не все, к счастью, даже к сегодняшнему дню безвозвратно утеряно. И, как это ни выглядит странно, аккуратно по западным источникам, то есть по мнениям о нас наших же врагов, только и можно сегодня распознать происходящие в те времена события.

Наши же отечественные источники подвергались фальсификациям куда как более тщательно. В наших головах формировалась история города Глупова:

«...на историю давила политика — германскому влиянию в России было выгодно поддерживать в русских убеждение, что без варягов им и теперь не обойтись. Норманнская теория считалась “благонамеренной”, и всякий выступавший против нее подвергался сомнению в “благонадежности” и т.д. Защищать диссертацию на антинорманнскую тему не было возможности: она непременно была бы провалена в совете профессоров» [140] (с. 86).

Вот что на эту тему сообщает профессор Н.П. Загоскин в своей “Истории права русского народа”, 1, 1899, 336–338:

«Вплоть до второй половины текущего столетия учение норманнской школы было господствующим, и авторитет корифеев ее Шлецера — со стороны немецких ученых, Карамзина — со стороны русских писателей, представлялся настолько подавляющим, что поднимать голос против этого учения считалось дерзостью, признаком невежественности и отсутствия эрудиции, объявлялось почти святотатством.

Насмешки и упреки в вандализме устремлялись на головы лиц, которые позволяли себе протестовать против учения норманнизма. Это был какой-то научный террор, с которым было очень трудно бороться» (там же).

Это было сказано еще в «старом добром» 1899-м году. Так что к изобретенной масонами теории Дарвина, «гениальности» Маркса и Эйнштейна следует теперь присовокупить и теорию о тысячелетней рабе — все вышеперечисленные течения созданы из воздуха вольными каменщиками и за баснословные деньги впрыснуты в эти политические мероприятия.

Но в 60-х гг. XX века были раскопаны Новгородские берестяные грамоты, после чего обнаружилось, что вся написанная о нас немцами галиматъя оказалась ложью от первого своего слова до последнего. Вот тогда-то и подошли к более пристальному рассмотрению предъявляемых нам исторической наукой документов. И что же?

Обнаружилось, что:

«Лист “Повести временных лет”, на котором (!) основана норманнская теория, является фальшивкой» [36] (с. 252).

Так просто...

Истоки смуты

А вот как в России подготавливалась почва для успешного претворения в жизнь всех вышеперечисленных религиозных течений: марксизма и ленинизма, дарвинизма и норманнизма.

В начале о тайной организации, существование которой четко просматривается при проведении параллели: Иван Федоров («первопечатник») — Гришка Отрепьев — Симеон Полоцкий. Все они засветились непосредственным контактом с руководством тайного ордена «Василия Великого». Руководили же этой организацией на протяжении нами рассматриваемого столетия — князья Острожские.

Вот что сказано об Иване Федорове и Петре Мстиславце после того, как они попали в опалу за печатание крамолы при дворе Ивана Грозного:

«...прибыв в Литву, напечатали много книг, работая под покровительством Литовских вельмож... в местечке Заблудове, близ Белостока, у великого гетмана Григория Александровича Хаткевича, и в городе Остроге у знаменитого ревнителя Православия — князя Константина Константиновича Острожского...» [57] (с. 280).

Однако ж, на поверку, эти самые «ревнители Православия», что Гетман Хаткевич, что князья Острожские, свою враждебность Русскому государству доказали не только печатанием душевредной духовной литературы. Они и воевали против Святой Руси не только в переносном смысле, но и с оружием в руках: убивали русских людей и сжигали русские города.

А самыми главными действующими лицами во всей этой истории являются даже не покровители, а спонсоры этой адовой работы, направленной на подрыв идеалов Святой Руси. Вот что об их деятельности сообщает Нечволодов:

«Иван Федоров, человек семейный и больной, терпел страшную нужду. Он вынужден был заложить жидам все свои типографские снаряды за 411 золотых...» [57] (с. 280).

Вообще-то Иуда, помнится, запросил, между прочим, у них же, всего-то разнесчастных 30 сребреников. Нами же рассматриваемый «герой» оказался куда как более коррумпирован — потребовал сумму денег, в сотни раз превышающую Иудины запросы.

То есть работал наш воспетый историками в веках «первопечатник», после бегства со Святой Руси, в подозрительно узкой близости с теми из иноверцев, за общение с

которыми, по правилам VI Трульского собора, что именно во времена Федорова и занес в «Домострой» Силвестр, следовало вообще отлучать от Церкви.

А вот кому досталось в наследство имущество Федорова:

«...и только после его смерти они были выкуплены Галицким Епископом» [57] (с. 280).

И тут, казалось бы, все вернулось на круги своя: Православная Церковь выкупила у иноверцев имущество нашего опального «первопечатника». Но вот кем был этот архиепископ, поставленный на кафедру в латинской стране, в которую превратилась в те времена Галиция со своим переходом в унию:

«...Православными епископами короли часто назначали угодливых им и Польской знати светских людей, только числившихся православными, по духу же совершенно преданных Латинству; точно также раздавались и игуменства в монастырях; все это, разумеется, вносило сильную порчу...» [57] (с. 281).

То есть печатный станок, после финансовых махинаций, оставшихся за кадром, достался представителю враждебной нам униатской церкви, с вероисповеданием Руси ничего общего не имеющей. Да и предшествующие покровители дела Федорова, подрывающего устои Православия, были к нам не менее враждебны:

«...князь Василий — Константин Константинович Острожский... воевал с полками Иоанна в Северной Украине.

Таким образом, оба князя Острожские — отец и сын, будучи Русскими людьми и горячо преданные Православию, могли служить Польским королям, и при этом вести ожесточенную войну с Православным Московским Государством» [57] (с. 282).

И это все притом, что именно при короле Стефане Батории, за которого они столь преданно против Святой Руси с оружием в руках сражались, начались:

«...открытые гонения на нашу церковь» [57] (с. 281).

Интересно, что еще за полвека до того, как отец и сын Острожские, пригревшие Ивана Федорова, с оружием в руках воевали против Святорусского государства, отличился и их предшественник (дед? прадед?) в сражении при реке Ведроше в 1501 г., где:

«Литовская армия, потеряв 8 тыс. убитыми, оказалась зажата со всех сторон... Почти все воеводы вместе с самим князем **Острожским** были взяты в плен» [243] (с. 29).

И вот как тесно переплела история родоначальника рассматриваемого нами гнездовья «ревнителей Православия» с еще одним масоном тех же времен. Вот что сказано о единоверце князя Острожского именно в год его пленения, когда заинтересованными в том лицами, несмотря на явное поражение, писалась ложная история Русской западной Украины. В своем трактате, ложно объявлявшем о якобы принадлежности Новгорода и Пскова Польше:

«Уже к 1501 г. [сочинитель “Трактата о двух Сарматиях” Матвей] Меховский пользовался громкой известностью, как врач, и был придворным врачом и **астрологом** Сигизмунда I польского и Владислава чешско-венгерского» [264] (с. 5).

«Совершенно очевидны астрологические увлечения нашего автора: он ими даже несколько щеголяет, тщательно отмечая явления комет-предвестниц, цитируя Птолемея, его арабского комментатора и Пьетро д’Абано.

Во время Меховского астрология считалась наукой... [но] Между нею и церковной верой есть несомненное противоречие, сказавшееся, например, в судьбе Пьетро д’Абано. Он был таким же астрологом, как Меховский, попал за это в руки инквизиции с обвинением в занятиях магией, и только смерть избавила его от осуждения, а может быть и от костра» [264] (с. 34).

Но Меховский костра уже не боится, являясь придворным астрологом сразу у двух королей. И все потому, что его деятельность на посту придворного мага вполне соответствует и его утверждениям, что якобы «Новгород и Псков — литовские города» [264] (с. 12):

«Король Владислав поручил великое княжество Литовское и Самагиттское двоюродному брату своему, Александру Витольду, и тот, человек энергичный и смелый в бою, присоединил к Литве княжество Псков, называемое Плесковией, а затем — другое княжество Новгородское...» [264] (с. 104).

Так что уже во времена своих ужасных поражений, в данном случае при Ведроше, которое потерпел предок князей Острожских, пишутся легенды, в данном случае Матвеем Меховским, о неких якобы правах Польши на наши западные украинны.

Таким образом, корни придворного масонства нами разбираемой Литвы теперь выявлены. А вот кто наряду с Федоровым и князьями Острожскими подхватил эстафету предательства уже при Иоанне Грозном:

«Наряду с Константином Острожским, другим большим ревнителем Православия в Польско-Литовском государстве был наш изменник — князь Андрей Курбский» [57] (с. 282).

Третьим же *изменником*, оказавшимся участником разбираемой нами истории, является гетман Мазепа. Именно в его тайном казнохранилище была обнаружена золотая медаль с изображением князя Василия-Константина Константиновича Острожского, сопровождаемая латинской надписью:

«Константин Константинович... князь Острожский, воевода Киевский, маршалок земли Волынской...» [57] (с. 282).

Ну, и его сын теперь четвертым замыкает разбираемый нами круг весьма странных ревнителей Православия, преданность которому, по мнению все того же Нечволодова, он доказывал следующим образом:

«...Константин Константинович Острожский, сын победителя под Оршей, опустошил Северскую область до Стародуба и Почепа...» [57].

И тут совершенно не требуется гадать, чтобы определить настоящее вероисповедание разбираемых нами «ревнителей» Православия. Именно для борьбы с ними и их хозяевами:

«В Январе 1580 года Грозный созвал в Москве церковный собор и торжественно объявил ему, что Церковь и Православие в опасности, так как безчисленные враги восстали на Россию: Турки, Крымцы, Ногаи, Литва, Поляки, Венгры, Немцы и Шведы — как дикие звери разинули челюсти, чтобы поглотить нас...» [57] (с. 205).

Причем, еще только в начале этого похода, обозначив явственную интернациональность этого нашествия, польский король свое воззвание напечатал сразу на четырех языках:

«...желая, чтобы всеми была одобрена не только война, но и повод к ней, он обнарудовал манифест, сперва написанный по латыни, потом переведенный на польский, венгерский и на немецкий языки, ибо из этих народностей исключительно состояло его войско» [422] (с. 46).

Затем к уже названным языкам добавятся: шведский и литовский, ногайский и турецкий и т.д. Защищаться от единовременно напавших на нас со всех сторон врагов было достаточно сложно:

«...неизвестно было, откуда последует удар: приходилось растягивать войско, одни полки посылать к Новгороду, другие к Пскову, к Смоленску и к Динабургу; кроме того необходимо было оберегать южную границу от татар, а северную от шведов» [434] (с. XI).

Так что Отечество в тот миг было и действительно — в великой опасности.

Конечно же, Нечволодов пытается выгородить нашего «ревнителя», считая его всего лишь заблудшей овечкой. Но волчьи зубы этого «маршалка», Константина/Василия, когда многие в прошлом непонятные поступки наконец находят себе объяснение, слишком явно просвечиваются из-под шкурки овцы, оказавшейся ему явно не по размеру:

«...иезуиты, окружавшие Сигизмунда, повели вопрос об унии настолько хитро и ловко, что многие Православные встретили мысль о ней благодушно, в том числе и князь Константин Константинович Острожский; это был по существу своему благородный мечтатель, который искренно думал, что предполагаемая уния будет настоящим соединением Церквей...» [57] (с. 354).

Но кулик кулика (или мечтатель мечтателя [был у нас еще один такой мечтатель — кремлевский]) видит издалека. Потому именно все туда же, в Острог, точно по проторенной Иваном Федоровым дороженьке, направляется и первый вор великой смуты — Гришка Отрепьев:

«...и он Гришка похоте ехать к воеводе Киевскому ко князю Василию (Константину) Острожскому...» [57] (с. 361).

Что же это за вальяжный барин, запросто принимающий у себя беглых монахов из русских православных монастырей?

«Несмотря на Брестскую унию... в его обширных владениях собираются и находят убежище все жертвы этой великой религиозной войны. Князь Острожский — могущественный покровитель. Его ежегодный доход определяют в 1 200 000 флоринов. Он держит у себя 2 000 человек челяди и шляхтичей...»

Этот двор служит пристанищем для всех противников Рима: православных, реформатов, кальвинистов, тринитариев, ариан. Всякий, кто ненавидит “латинскую ересь”, находил здесь радушный прием» [149] (с. 93).

И на что же это такая неразборчивость в религиозных взглядах смахивает? При чем в узкой зависимости от ненависти к главенствующей религии страны?

На организацию вольных каменщиков:

«Строительные ложи всегда... давали приют всем еретикам, преследуемым католической церковью...»

Чтобы иметь лучший успех, масоны поддерживали различные секты и вольнодумцев в области религиозной. Под видом широкой веротерпимости вносились ереси и расколы в христианскую церковь.

Реформация на Западе и протестантство тесно связаны с масонством и имеют корни своего происхождения в масонстве.

Словом, история масонства — это есть история борьбы с религией и церковью...» [270] (с. 98–99).

И вот каковы ужасающие темпы этой борьбы в нами описываемое время и в нами описываемом месте — в оккупированной поляками Белоруссии. После того как там:

«В 1562 году вышло первое русское издание катехизиса Кальвина... были закрыты и обращены в храмы кальвинистов 650 православных церквей» [277] (с. 71).

«Католические польские власти закрывали церкви, запрещали духовенству служить в них и не признавали легального существования Православной Церкви в Литве и Польше. В их глазах лишь униатская церковь имела право представлять православное население или, как они его называли, “бывшее” православное население Западной Руси» [277] (с. 73).

И вот интересный момент. Сами-то поляки затем, в период разгрома своей реформации, храмы свои у протестантов отберут. Отберут в свою же пользу и превращенные в протестантские кирхи храмы уже наши — православные. И если простой народ эта хитроумная вражья уловка с пути истинного своротит лишь отчасти,

то барчук станет так окатоличен, что мы его уже и никак не сможем впоследствии считать своим.

И вот до какой степени он в тот период становится не нашим. Еще только в Новогрудском воеводстве:

«...из 600 наиболее богатых дворянских русских семей только 16 остались верны вере своих предков. Такие крупнейшие знатные фамилии, как Вишневецкие, Сапега, Огинские, Ходкевичи... примкнули к кальвинистам» [277] (с. 71).

А уже затем, в период «католического ренессанса», то есть ре-кальвинизации, все они станут до такой степени поляками, что у нас уже и язык не сможет повернуться назвать русскими, например, Сапегу или Ходкевича, братьев Вишневецких, поляков просто до мозга своих костей, или Огинских — предводителей аккурат исключительно польского восстания против русских...

Потому этот ход по внедрению стольких всевозможных сект на территории казалось бы самого на земле ортодоксального католического государства является ничем иным, как просто гениальнейшим изобретением масонов в деле борьбы с русским Православием на западных наших землях, отторгнутых у нас на тот момент, и как всегда — лишь обманом, нашими врагами.

Потому и средства в данного рода мероприятия впрыскиваются просто фантастические. И толпы людей пьют и едят неизвестно за чей счет, особо и не пытаюсь задумываться об источниках доходов их привечающих просто не в меру хлебосольных хозяев.

Но где же в истории нам уже попадалось такое расточительное хлебосольничество? Где подобным же образом, годами, задарма кормили на невесть откуда берущиеся немалые деньги подобного же рода ораву дармоедов?

Вся эта неслыханная расточительность один в один копирует ежедневные пирушки в доме Лефорта, веком позже не прекращаемые ни на миг в Кукуевой слободе. Причем даже во времена отъезда самого хозяина.

А ведь там по части религиозной свободы все было полностью идентично правилам князя Острожского, о котором сказано:

«Хозяин — большой хлебосол, кормит наотвал: говорят, один из слуг князя, некий Богдан, съедал за завтраком жареного молочного поросенка, гуся, двух каплунов, кусок говядины, три больших хлеба, громадный сыр и, кроме того, запивал все это восемью литрами меду! И после он с нетерпением ждал обеденного часа (Niesiecki. Herbarz, в изд. 1841 г., VII, 183)» [149] (с. 93).

И таких бездельников обжор — 2 000! Не правда ли, странновато выглядит такая вот неслыханная щедрость?

И вот что здесь наиболее интересного в распутываемой истории нам следует запомнить:

«...этим двором управляет маршалок, который получает 70 000 флоринов жалованья» [149] (с. 93).

А ведь именно к этому *маршалку* и отправит наш «ревнитель православия» своего подопечного.

Но обо всем по порядку. Старец Варлаам в своем “извете” свидетельствует:

«...проводящий Ивашко провел нас за рубеж в Литовскую землю... И в Киеве жили всего три недели, и Гришка хотел ехать к киевскому воеводе князю Василию Острожскому, и отпросился у братии и у архимандрита Елисея Плетенецкого.

И я архимандриту Елисею и братии говорил о нем и бил челом, что он собирался жить в Киеве в Печерском монастыре ради душевного спасения, а потом идти к святому граду Иерусалиму к Господнему Гробу, а ныне идет в мир к князю Василию Острожскому... И мы у него [у князя Острожского — А.М.] прожили лето, а осенью

меня и Мисаила Повадина князь Василий послал в свое богомолие, в Дерманский монастырь Живоначальной Троицы. А Гришка съехал в город Гощею к пану Госкому, да в Гошее иноческое платье с себя скинул и стал мирянином, да начал в Гошее учиться в школе по-латински и по-польски, и люторской грамоте, и стал отступник и нарушитель законов сущей православной христианской веры. И я, государь, из монастыря ездил в Острог к князю Василию и князю Василию бил челом, чтобы князь Василий велел вернуть его из Гошеи и сделать по-старому чернецом и дьяконом, и велел бы его послать к нам в Дерманский монастырь. И князь Василий и все его дворовые люди говорили мне: “Здесь такова земля — как кто хочет, тот в той вере и пребывает”. Да князь мне говорил: “Сын-де мой Яныш родился в христианской вере, а держит ляшскую веру, и мне-де его не унять. И ныне-де пан Краковской в Гошее”. А Гришка в Гошее у него и зимовал, а после Пасхи из Гошеи пропал без вести и очутился в городе Брагине у князя Адама Вишневецкого и назвался князю Адаму князем царевичем Дмитрием Ивановичем Углицким» [160] (с. 113–114); [443] (с. 33–34).

И вот кем оказался столь гостеприимный последователь князя Острожского — пан Гойский, обучивший всему необходимому, на него возложенному, предполагаемого Лжедмитрия и отправившего его далее по явно ранее задуманному маршруту для претворения в действие планов Федора Романова. Даже Валишевский ну никак не может удивиться этой странным образом всеми силами историками затираемой схеме, лежащей, на самом деле, просто на поверхности нами разбираемой истории:

А ведь этот Гойский ни кто иной, как столь щедро вознаграждаемый маршалок двора князя Острожского! [149] (с. 94).

Тот самый, которому его господин отваливал по 70 000 флоринов. Однако же, судя по качеству выполненного им весьма деликатного задания, вовсе не задаром.

Но и далее Самозванец был переправлен вовсе не спонтанно, но четко по когда-то кем-то утвержденному сценарию. В 1603 г. он оказывается «в гостях» у Адама Вишневецкого:

«Князь Адам, этот крупный магнат, — племянник знаменитого Дмитрия Вишневецкого, злосчастного кандидата на молдавский престол...» [149] (с. 94).

Вот как мир оказался тесен: подготавливаемый лжецарь оказывается у племянника неудавшегося лжегосподаря. То есть совершенно явно заявляется поделиться опытом не у кого-то там еще, но именно у семейства Вишневецких, которые уже разок использовали запорожское казачество для государственного переворота.

А ведь Запорожское казачество, как теперь выясняется, было создано вовсе не малороссами для защиты от Польши, как нам столь навязчиво внушалось еще со школьной скамьи. Но самими поляками. Именно Дмитрием Вишневецким и был основан на острове Хортица:

«...зародыш Запорожской Сечи...» [130] (с. 221).

И вот для каких мало каким боком к малороссам стоящих целей:

«...для защиты пределов Речи Посполитой от турок» [130] (с. 772).

То есть казаки, на самом деле, предназначались для защиты ляхов, а уж никак не для защиты коренных природных жителей этих мест.

«В пятидесятых годах XVI века Дмитрий Вишневецкий построил укрепление на острове Хортице и поместил там казаков» [130] (с. 496).

Но ведь именно после посещения князя Острожского и днепровских казаков отправляется Самозванец к Адаму Вишневецкому.

И вот что о действительном вероисповедании Лжедмитрия выбалтывает нам Павел Петрей — агент шведского короля в Московии тех времен:

«Гришка Отрепьев... был неисправимым плутом и хитроумным чернокнижником...» [262] (с. 83).

Так что здесь этот клубок долговременных масонских связей становится и еще более очевиден. Причем уже освещается и вероисповедание Лжедмитрия, легко позволившее ему сделаться самозванцем.

Но подобное же Гришкиному вероисповедание, слишком отдаленное от вероисповедания Святой Руси, имели и фамильные владельцы Запорожской Сечи. Это очень наглядно проявилось после вступления их в Москву в сопровождении Лжедмитрия:

«...братья Вишневецкие исповедовали православие. Но московские люди с трудом могли признать в приезжих гостях единоверцев...» [130] (с. 312).

Это происходило:

«...по разности обычаев, входивших по московским понятиям в область религии» [130] (с. 306).

Одним из таких «обычаев», например, являлось принятое на Святой Руси целование икон. Приехавшие же с запада басурмане, эти некие такие «ревнители Православия», если и пробовали скопировать наши святоотеческие обычаи, то делали это не просто несколько не ловко, но кощунственно:

«...поляки, к соблазну православных, целовали изображения святых в уста» [130] (с. 320).

Так что князем Острожским беглый монах был принят, расстрижен и отправлен обучаться минимуму наук, необходимых для самозванческой подрывной деятельности. Но производились все эти темные махинации «ревнителем Православия», что вполне естественно, в тайне:

«Сам Константин Острожский, спрошенный об этом королем Сигизмундом, отрицал свои отношения с Гришкой и даже отвечал, что совершенно не знает, о ком идет речь» [57] (с. 362).

Тем легко объясняется его явный умысел, потому как:

«Однако, в Загоровском монастыре Волынской епархии, сохранилась книга “Василий Великий” со следующей весьма любопытной надписью: “Лета от сотворения міру 7110 (1602) месяца августа в 14 день, сию книгу Великого Василия дал нам Григорию з братию с Варлаамом, да Мисаилом Константин Константинович, нареченный во святом крещении Василей Божию милостию пресветлое Княже Острожское, воевода Киевский”. Под словом “Григорию” внизу подписано тою же рукою, но несколько другими чернилами: “Царевичу Московскому”; вероятно, эти слова прибавлены позже, причем, так как почерк подписи несходен с известным почерком Лжедмитрия, то следует признать, что она сделана кем-нибудь из его двух спутников. Во всяком случае, эта подпись служит свидетельством, что Григорий Отрепьев с Варлаамом и Мисаилом были летом 1602 года у князя Константина Константиновича Острожского и получили от него в дар книгу, причем именно этот Григорий Отрепьев стал считаться впоследствии царевичем Димитрием.

Сын князя Константина, Януш, отпавший в Латинство... 3 марта 1604 года совершенно определенно писал королю Сигизмунду: “Я знаю Димитрия уже несколько лет; он жил довольно долго в монастыре отца моего, в Дермане; потом он ушел отсюда и пристал к анабаптистам (секта перекрещенцев); с тех пор я его потерял из виду”. Еще определеннее были слухи о названном Димитрии в Кракове, где их собирал папский нунций (посланник) Рангони; по этим слухам, как рассказывает современный нам писатель иезуит, особо облюбовавший Русскую историю, о. Пирлинг, “Димитрий... из Острога отправился в Гощу”.

В Гоще, небольшом городе на Волыни, жили два знатных пана Гойских, отец и сын; они были ревностными последователями секты Ария и основали для распространения

своего лжеучения две школы; в этих школах Григорий успел, по-видимому, нахвататься кое-каких верхов Западно-Европейского образования...

Проведя зиму в Гоце, Отрепьев весною после Светлого Воскресенья пропал без вести; по некоторым данным, он отправился в это время к Запорожским казакам...» [57] (с. 362–363).

То есть круг заговорщиков замкнулся: предатели всех мастей (сектанты всех мастей), «первопечатник» Федоров — изобретатель новой версии Библии, купленный все теми же мрачными закулисными личностями, и даже Лжедмитрий, — все сомкнулись вокруг некоего князя Острожского: то ли Николая, а то ли Василия. На что похожи все его удивительные связи?

Да это же сети паука. Его слишком терпимая вера ко всем врагам Православия: анабаптистам, жидам, арианам, католикам, униатам и православным типа предателя Курбского, напоминает лишь одну организацию — *масонство*. И именно в этой каше следует искать корни нашего сегодняшнего столь странного запятования своей старины глубокой.

В ней же следует выуживать информацию и посерьезней. Например, Острожская Библия Ивана Федорова — плод усилий масонов на пути уничтожения нашей памяти.

Все вышеперечисленные отступники не просто являлись врагами Государства, но врагами Русской Веры. Они очень основательно подработали наши богослужебные книги под свою версию, что в дальнейшем и породило раскол. А:

«...когда патриарх Никон сам нашел ошибки в переводах с греческого языка, он признал необходимость исправления церковных книг» [244] (с. 57).

Однако ж эпоха этих исправлений, правящим режимом навешанная исключительно на одного на Никона, началась еще с самого прихода к власти первого из Романовых — Михаила:

«Когда после Смуты был восстановлен Печатный двор, то прежде всего решили исправлять книги» [178] (с. 304–305).

«Для этой цели были приглашены из Киева ученые монахи...» [244] (с. 57).

А приглашены были «ученые монахи» из того самого Киева, где сам архимандрит Елисей Плетенецкий объявил Варлааму, вскрывшему замысел Гришки расстричься, что:

«...в Литве Земля вольная, в коей кто вере хочет, тот и пребывает...» [57] (с. 361).

И какую такую науку в такого рода землях можно было от кого перенимать? И чем такое попугайничанье у Литвы, находящейся под колпаком Римского папы, могло кончиться?

Тем и кончилось: расколом — не желал русский человек плясать под дудку погрязших в сатанизме посланцев чуждых нам культур. И хоть правящее в тот момент священство и настаивало на преклонении перед выученной в качестве шпионов Запада привезенной к нам с большой помпой ученой заграницей, русский человек совершенно определенно своих позиций в отеческом богослужении сдавать не желал.

«В Москве, однако, относились к киевским ученым монахам с недоверием, считая, что они находятся под влиянием “латинства”. При таком умонастроении не удивительно, что явились противники исправления книг» [244] (с. 57).

Но противниками исправления являлись не только те, кто не доверял «учителям», побывавшим под влиянием католиков. Грекам также не было от нас никакого доверия:

«...в старину, когда к москвитам приезжал архиерей или патриарх из греческих земель, они не допускали его к служению в своих церквах, полагая, что он осквернился от турок; а также, когда приезжали греческие купцы, их совсем не пускали в церкви, дабы они не осквернили их, будучи сами оскверненными. Ежели кто из них оставался во имя царя, женился и делался драгоманом [переводчиком — А.М.], то священники

ставили его, в течение 40 дней, вне церкви, в положении оглашенного, затем его помазывали миром и по прочтении молитв вводили в церковь, полагая, что он очистился» [371] (гл. 5, с. 19).

А потому противники внедрения чужебесия заявляли:

«...не русским надо учиться у греков, а грекам у русских...» [244] (с. 57).

Однако ж у власти в нашем государстве находились в ту пору его враги. .

В самый же завершительный период этой глобальной перекройки наших святоотеческих книг резидентом масонства в Москве был Симеон Полоцкий. Кем он является на самом деле, и даже как выглядит его настоящее имя, удалось обнаружить лишь после его смерти в записях, сделанных его собственной рукой:

«“Эта книга есть надежное вместилище знаний Симеона Петровского-Ситниановича, полоцкого иеромонаха **Ордена святого Василия Великого**”. Дата — август 1670 года...» [112] (с. 101).

Но ведь именно книга «Василия Великого» была преподнесена Константином-Василием Острожским Гришке Отрепьеву! Это не может быть просто совпадением. Больше походит на то, что резидентом ордена «Василия Великого» являлся Константин Острожский, периодически почему-то именовавший себя “Василием”. А в данной книге, посторонним ни о чем не говорящей, судя по всему, был записан масонский устав данного ордена. Потому он и оказался сначала у Самозванца, а затем, чуть ли ни столетие спустя, у тайного агента этого ордена Петровского-Ситниановича.

И если под воздействием масонов и раздаваемых ими направо и налево крупных сумм финансовых средств врагам Православия все же удалось начать исправление книг, чем внести вирус постепенного отчуждения русского человека от своего исконного вероисповедания, то раскольники ударились в другую крайность. Они уверовали во все внесенные с приходом к власти Романовых «исправления», начатые Михаилом еще в 1616 г. на Печатном дворе.

И вот теперь, после многолетних целенаправленных уничтожений наших древних книг, заказчикам данного мероприятия удалось не только внедрить в наше пользование распечатанный Федоровым Острожский вариант, но уже и его подработать под догмы иноверия. Подобная же агрессия просматривается и на все иные богослужебные книги, которые теперь выверяют по переводам с туземного наречия Древнего Ханаана. То есть с наречия чернокожего туземного населения, обращенного израильянами в рабов! (см.: [202]).

Теперь о родоначальнике династии Романовых — Патриархе Филарете:

«Это единственный в истории России Патриарх, которого провозглашали (не избирали!) дважды: в 1608 и 1619 гг. Это единственный Патриарх, у которого были дети, что сегодня немыслимо по церковному уставу. Этот человек сумел не только организовать избрание своего несовершеннолетнего сына Михаила “царем Всея Руси” он и сам был избран великим государем, оставаясь Патриархом, и правил Россией до своей смерти в 1633 г.» [40] (с. 85).

Вот еще справка о нем:

«...пострижен Борисом Годуновым в монахи под именем Филарет. В 1605 г. Лжедмитрий I возвел его в сан Ростовского митрополита» [311] (прим. 44 к с. 63).

Вот что об этом вертикальном взлете из монахов сообщает Арсений Елассонский, и сам принимавший участие в венчании самозванца:

«Феодор после того, как был вызван из ссылки, по приказанию царя [Лжедмитрия I — А.М.]... патриархом и архиереями был рукоположен Ростовским митрополитом с именем Филарета» [442] (с. 181).

И вот до чего не простая это была в тот момент должность. Вот что о табели о рангах священнических должностей в России той поры свидетельствует краковский дворянин Станислав Немоевский, посетивший Москву в 1606 г. вместе со свадебным кортежем Марины Мнишек:

«...митрополит Ростовский... теперь на месте Московского (митрополита), после того как избран Патриарх» [432] (с. 208).

Так что взлет из простых чернецов во второе во всем государстве священническое лицо в стране с помощью Самозванца — это ли не подтверждение причастности Филарета к возведению Лжедмитрия I на престол?

И вот косвенное все тому же подтверждение от Арсения Елассонского.

Имеющемуся у Федора-Филарета Романова:

«...сыну, по имени Михаилу, царь весьма много оказал почестей» [442] (с. 181).

То есть Лжедмитрий отработывал перед своим благодетелем свой хлеб по полной программе. Даже сыну Филарета, который в тот момент был никем и фамилия его была никто, должны почести воздал.

Но и это еще не все чудеса «деяний» во времена самозванцев родоначальника той новоцарской фамилии.

«В 1608 г. Филарет попал в Тушинский лагерь и был объявлен Лжедмитрием II Всероссийским Патриархом. В 1610 г. он поддержал кандидатуру Владислава на царский престол и возглавил посольство под Смоленск» [311] (прим. 44 к с. 63).

То есть первым Самозванцем он был из монахов произведен в митрополиты (даже не Ростовские, но, за упразднением этой должности Патриархом, — Московские), а вторым — так и вообще — в Патриархи. Он же, несмотря на проклятие Патриархом в тот момент настоящим, Гермогеном, как всех Тушинцев, паствы Филарета, так и всех пытающихся усадить на Русский трон поляка, возглавляет посольство к злейшему врагу России — Сигизмунду. То есть является главным изменником в нашем государстве той поры.

Как мы такой странный факт своей собственной истории проморгали? Как умудрились всецело довериться версии на произошедшие тогда события злейших врагов русского человека и его Веры, захвативших в нашей стране в 1613 г. власть?

Так кто же он такой — Филарет Романов?

Начнем с пересказа немца Бера повествования о врагах царя Бориса. Первым из них называется Богдан Бельский, считающийся замешанным в убийстве Иоанна Грозного. Однако тут же сообщается о милосердии, которое проявил в уличенном в злоумышлении против царской персоны боярине Борис Годунов:

«Вместо смертной казни, царь даровал преступнику жизнь, но велел отписать все его имение и всю дворню его отпустил на волю...» [170] (с. 384).

Однако, при этом, со слов того же немца, приказал ободрать ему главное мужское достоинство — бороду:

«...после чего сослать его в Сибирь, где, вероятно, пропала у него охота выдавать себя за царя» [170] (с. 385).

Среди Романовых:

«Более всех братьев выказывался дарованиями и умом Федор Никитич» [130] (с. 378).

В чем же состояли особенности проблесков этого самого *ума*?

«...не было в Москве лучше и щеголеватее мужчины. Современник-голландец говорит, что если портной, сделавши кому-нибудь платье и примерив, хотел похвалить, то говорил своему заказчику: теперь ты совершенный Федор Никитич» [130] (с. 378).

О чем такое говорит?

Ну, совсем не о проблесках некого такого ума. Но лишь о каком-то слишком по тем временам астрономическом его финансовом обезпечении, которое позволяло ему слыть франтом из франтов — законодателем всех по тем временам случающихся мод.

И вот как странно переплетается как его баснословное состояние, так и взаимные симпатии с опальным Бельским:

«Еще в 1602 г., находясь в заточении в Сийском монастыре, старец Филарет Романов, бывший боярин Федор Никитич, в разговоре говорил, между прочим, о Бельском следующее: “Про бояр, окружавших тогда Годунова, про всех говорил... нет у них разумного; один у них разумен Богдан Бельский...”» [170] (с. 386).

И наташил в свои закрома этот с точки зрения Филарета «разумный Богдан» за свою короткую службу столько всего, что затем Забелин перечисляет на нескольких листах. И только того, что из его весьма слишком немалого «гардеробчика» употреблялось по особым случаям *царями*:

«Его богатое имущество, рухлядь, как в то время называли всякое домашнее имущество, по каким-то случайностям сохранилось и во время полнейшего разорения всего Московского государства и всех сколько-нибудь достаточных людей. Оно поступило в собственность новоизбранного царя... молодой царь воспользовался даже и богатыми сорочками Бельского, которые были ему подарены 19 декабря 1613 г.» [170] (с. 386).

Случайно ли такое? Почему именно его имущество, когда вся страна представляла собой сплошные руины, оказалось никем не тронутым?

Лишь при единственном условии его удивительнейшая сохранность не являлась случайностью, но именно закономерностью — если это имущество являлось неким масонским «общаком»!

«Продолжая свой рассказ, Бер объясняет, в чем именно состояла вина Бельского. Он пишет: “По усмирению сего крамольника явились другие зложелатели Борису: то были четыре брата Никитичи (Романовы), которые... по смерти царя Федора могли бы взойти на престол... Они были раздражены поступками царя с Богданом Бельским: однако таили свою злобу и всегда казались покорными, между тем, наученные неудачею Бельского, замыслили иным средством избавиться от Бориса — отравою. Собственные их слуги открыли сей умысел: Никитичи лишились всего, что имели, и были сосланы подобно первому изменнику”» [170] (с. 385); [366].

Рассматриваем подробности биографии самого из них наиболее снабженного «дарованиями и умом», а на самом деле финансовыми средствами, из-за которых он являлся законодателем мод на Москве.

Вот уличили Федора (будущего Филарета) в покушении на жизнь Царя Бориса и постригли в монахи. Однако ж родоначальник будущей династии и здесь не унывал, что зафиксировано в донесении Воейкова:

«Живет старец Филарет не по монастырскому чину... Старцев бранит и бить хочет...» [130] (с. 379).

«Монахи пытаются увещевать его, а он возмущается, ругает их и кричит: “Вы увидите, каков я вперед буду” (Акты Исторические II, 38, 51, 54, 64)» [149] (с. 118).

Так «пророчествовал» он, когда стало уже известно, что в Россию ведет свои рати его бывший слуга — Гришка Отрепьев.

Ведь вот из какого удивительного гнездовья вылетает этот столько всем хлопот понаделавший «гусь»:

«Ходили слухи, что Дмитрий был своевременно подменен другим ребенком, который и погиб в Галиче, а истинный царевич вырос при дворе Романовых, бежал в Литву и явился затем мстить Годунову...» [255] (с. 141).

Причем, имеются и документы той поры, которые подтверждают причастность Романовых к содержанию именно у них на дворе будущего самозванца:

«О роде и племени Самозванца, представлено было в последствии, в декабре 1606 года, Польским сенаторам следующее обстоятельное известие послом царя Василия Ивановича Шуйского, князем Волконским:

“Он (Самозванец) был не царевич Дмитрией, но богоотступник, еретик, чернец, расстрига, Гришка Богданов сын Отрепьев, а в мире его звали Юшкой (Юрием). Дед его Замятня был пострижен в Чудове монастыре, а отца его, Богдана, зарезал Литвин на Москве в Немецкой слободе. А он Юшка был в холопях у бояр у Никитиных, детей Романовича...”» [427] (прим. 139 к с. 158).

Так что подтверждается причастность Романовых к подготовке Лжедмитрия еще документами тех лет вполне официально. И никто этот факт, за всю историю дома Романовых, что и еще в очередной раз подтверждает все выше и ниже изложенное, даже не попытался как-либо оспорить: на вору, что называется, и шапка горит.

То есть Филарет вырастил самозванца, отправил на стажировку за кордон, а потому мог теперь «пророчествовать» о своей будущей головокружительной карьере. И не зря пророчествовал. После воцарения самозванца его судьба и действительно круто изменилась. Ему:

«...Лжедмитрий, пытаясь утвердиться на престоле, оказал особое внимание...» [246] (с. 6).

И внимание это было поистине фантастическим:

«Федору Никитичу он предоставил Ростовскую митрополию...» [246] (с. 6).

То есть из простых монахов Федор Никитич Романов, словно по мановению волшебной палочки, при посредстве возведенного им на трон Самозванца, превращается в:

«...преосвященного Филарета, митрополита Ростовского и Ярославского» [325] (с. 57).

Но вот открутили голову Самозванцу нежданно восставшие против иноземцев русские люди.

Однако ж, на замену прежнему, к Москве устремляется другой Самозванец, на первого даже не похожий. Филарет кидается за покровительством теперь к нему. И что же?

Вот как освещает этот фрагмент из биографии родоначальника династии Романовых находившийся в ту пору на военной службе у русских царей немец Конрад Буссов, очевидец тех событий:

«Димитрий принял его милостиво и даже сделал его патриархом в подвластных ему землях и городах» [266] (с. 155).

Подтверждают это событие и советские источники, писавшие комментарии к работе Буссова:

«Митрополит Филарет (поставленный митрополитом Лжедмитрием I) был действительно отправлен в Тушино и наречен там патриархом» [266] (приложение: п. 119).

Вот еще о лжепатриаршестве Филарета. На сей раз комментарий к работе Мархоцкого — также очевидца событий:

«Лжедмитрий II завел у себя штат придворных, вскоре в таборах появилось свое правительство — боярская дума, заработали приказы... Ростовский митрополит Филарет (Ф. Н. Романов) был возведен в сан патриарха» [416] (с. 16).

Упомянут о лжепатриаршестве родоначальника династии Романовых и поляки, находящиеся при дворе Лжедмитрия I. Они сообщают, что тело убиенного в Угличе Димитрия было доставлено в Москву:

«... патриархом Федором Никитичем...» [398] (с. 255).

Так во времена Лжедмитрия II они называли Филарета.

А вот как именуют Филарета после падения Тушинского вора:

«**Бывший тушинский патриарх Филарет Никитич Романов, отец будущего царя Михаила Федоровича**, а также боярин М. Г. Салтыков и другие... в феврале 1610 г. заключили договор о призвании на русский престол королевича Владислава» [445] (с. 10).

Между тем:

«Признание царем Владислава явилось актом антинациональной политики московских правителей» [446] (с. 168).

Но и поляки подтверждают антинациональность политики Филарета, организовавшего выбор в цари своего сына. Маскевич:

«К королю отправлены послами... Василий Голицын, Сукин и **бывший патриарх Филарет**» [428] (с. 47). Так что *патриархом* родоначальник династии Романовых в первый еще раз стал уже при Тушинском воре. Что подтверждается всеми источниками в один голос.

То есть из рядового монаха родоначальник будущей царской династии, словно по мановению волшебной палочки, а точнее в результате не иначе как закулисного масонского сговора, скаканул аж в митрополиты! И не какой-нибудь, а одной из самых важных в стране кафедр тех времен — Ростовской.

«В истории до сих пор бытует версия, что “угличское дело” с убиением царевича Дмитрия на самом деле развивалось по другому сценарию: царевича не убили подосланные Борисом Годуновым злоумышленники, а насильственно постригли в монахи, т.е. убили для мирской власти.

Возможно, в истории беглого расстриги-самозванца из Чудова монастыря есть доля истины» [247] (с. 119).

Мало того, именно фактом происхождения беглого монаха из дома Федора Никитича Романова более чем железно аргументируется его чудесный взлет после восшествия на престол Самозванца.

Но и следующий самозванец, заменивший своего неудачливого предшественника на троне, что и вообще ничем кроме масонских связей необъяснимо, оказался к Филарету ничуть не менее благосклонен:

«Тушинский вор принял его с почетом и нарек патриархом» [130] (с. 379).

И нами рассматриваемый этот некий такой «ревнитель благочестия» в своих богослужениях:

«...поминал Тушинского вора Дмитрием» [130] (с. 379).

Ну, тут уж про всякие там «облика морале» Филарета и заикаться теперь не следует. Ведь поставленный первым Лжедмитрием в лжемитрополиты, а вторым аж в лжепатриархи нами рассматриваемый новоиспеченный лжепастор вряд ли мог бы не обнаружить разницы между людьми, друг на друга совершенно не похожими. Однако ж он не только этой разницы не обнаруживает, но и принародно молится за нового самозванца, как за настоящего Дмитрия, якобы воскресшего из небытия.

И это все притом, что чуть ранее, после низвержения первого из самозванцев именно он и возглавлял комиссию, отправившуюся в Углич для обретения останков настоящего Дмитрия! Причем именно он, как глава этой делегации, утверждал, что обретенное при его же присутствии тело мальчика, оказавшееся нетленным, принадлежит именно Царевичу Дмитрию.

Однако ж, вопреки своим же заверениям, что уже отмечено, лжепатриарх Филарет:

«...поминал Тушинского вора Дмитрием» [130] (с. 379).

Но вот и здесь, у второго по счету вора, запахло жареным. Куда далее отправляется Филарет?

Он идет к очередному врагу договариваться о сдаче ему страны в управление. Филарет из лагеря Тушинского вора:

«...отправился к Сигизмунду бить челом о даровании русской земле в цари Владислава» [130] (с. 379).

Но его, как он впоследствии заявит, якобы арестовывают и отправляют к полякам, якобы в плен. Но и лагерь, который он покидает, с его слов, был также якобы ему враждебным. И он там, в должности патриарха, как заявляет, тоже «томился».

А вот как «томился» он уже в этом, очередном своем плену, у поляков:

«Его взял к себе в дом Лев Сапега» [130] (с. 380).

А он, как известно, был в своем государстве канцлером! То есть теперь и этот некий такой «плен» для Филарета был организован просто по высшему разряду.

А вот по какой удивляющей «случайности», воротясь из «плена», Филарет возносится до столь всегда ему так уж по-особому нравящегося звания — патриарха:

«...в Москве гостил патриарх Иерусалимский Феофан. По царскому прошению он посвятил 24 июня Филарета в сан московского патриарха» [130] (с. 381).

Однако ж если по части знания иноверной латыни рассматриваемый нами ставленник закулисы был на соответствующей высоте, то о Русской Вере, на вершину начальствования над которой все ж занесла его нелегкая при посредстве просто безразмерного кошелька, как замечает даже Костомаров, он имел ну уж слишком поверхностное представление:

«Что касается до степени церковной учености Филарета, то современники говорят, что он только от части разумел Священное Писание» [130] (с. 382).

Так что занятая им должность совершенно не соответствовала его уровню знаний в данной области.

А вот как выглядел лагерь Тушинского вора, духовно окормляемого Филаретом:

«Здесь были свои “бояре и воеводы”, свои приказы и даже — свой патриарх; таковым стал (как говорят современники — по принуждению) митрополит Ростовский Филарет (бывший боярин Федор Никитич Романов). В Тушинский лагерь пришло из Москвы немало московских князей и бояр, хотя они знали, конечно, что идут “целовать крест” и служить явному обманщику и самозванцу» [160] (с. 39).

Именно по этой причине при избрании царя:

«...новое Земское правительство ориентировалось на Швецию» [248] (с. 163).

Странно, вроде бы, с одной стороны, но с другой стороны — ничуть:

«...эта шведская оппозиция — показатель крайнего недоверия, которое царило в народных ополчениях к любым русским боярским группировкам. По сути дела вожди земских ополчений были глубоко уверены в том, что избрание кого-нибудь из московских бояр приведет лишь к углублению государственного кризиса, к “умножению вражды”, к “конечному разорению” и гибели государства» [248] (с. 163).

А так, собственно, уже случилось на их же глазах тремя лишь годами ранее:

«...после того как бояре свергли царя Василия Шуйского в 1610 году, уже никакой власти не было. Государство перестало существовать.

Правящая элита тогда фактически предала Россию, впустив интервентов...» [261] (с. 298).

А ведь семибоярщина — это полная копия будущего масонского временного правительства, которое организует начало уже нынешней смуты, не закончившейся в нашей стране и по сию пору.

Но и нравы у бояр были под стать своим последователям в XX веке. Ведь если в грозные предреволюционные времена высшее общество было неизлечимо поражено

тягой к гадалкам и экстрасенсам — вызывателям духов, то и их далекие предшественники еще в XVII веке отличались от рядового православного русского человека практически все тем же. Вот что, например, сообщает о секрете восшествия на трон боярина Шуйского Конрад Буссов — иностранный наемник на русской службе:

«Василий Шуйский стал всюду заниматься колдовством, собрал всех слуг дьявола, чернокнижников, каких только можно было сыскать в стране, чтобы то, чего не сумел бы один, мог бы сделать другой. Тем самым колдуны добились того, что люди Шуйского побеждали» [249] (с. 15).

И это было у всех на виду. Потому и у Шуйского никакой поддержки со стороны русского народа не было и в зачатии. Иван Тимофеев, современник событий тех дней, подтверждает свидетельства немца Бусса относительно занятости этого царя чернокнижием:

«Он тайно устроил для постоянного пребывания гадателей в царских покоях особые помещения ради непрерывного ночью и днем с ними колдовства и совершения волшебных дел, которые несвойственны христианам, а тем более — царю» [456] (с. 275).

Потому и он на престоле долго не задержался.

Но сменило его временное правительство, мало чем отличающееся от наследующего ей такого же масонского органа управления Россией уже в XX веке:

«Когда, по низвержении Шуйского, настало междуцарствие, кому же было взять в руки правление государством, по крайней мере на время, до избрания царя, как не боярской Думе. В Думе оставалось семь бояринов и во главе их стоял тот же Мстиславский. Временное правительство и скрылось в его имени: грамоты писались и все распоряжения делались от боярина Федора Ивановича Мстиславского со товарищи.

Не долго существовало это правительство; только два месяца, как говорит летописец, и само отдалось в руки поляков... Боярская среда здесь вполне обнаружила, что Грозный был прав, постоянно обвиняя и подозревая ее в измене. Она в лице своих представителей и самых бойких и деятельных людей тянула в Польшу, выбрала себе в цари королевича Владислава. Когда приверженное к польским интересам боярство довело дело до того, что решилось присягнуть даже королю Сигизмунду или отдаться в его полную волю, и когда оно стало принуждать и Патриарха, чтобы утвердил эту мысль грамотою, то Патриарх Гермоген проклял это боярское начинание» [170] (с. 234).

Вот откуда появляется столь теперь кажущаяся странной мысль — посадить на наш престол даже шведского короля: все ж лучше, нежели подпасть под власть ненавистных ляхов.

Но изменники бояре — ладно: мы уже давно свыклись с изменниками из высших кругов общества. Но изменник, святотатственно принявший на себя от одного самозванца звание митрополита, а от сменившего его так и вообще — патриарха?! И это все притом, что настоящим Патриархом в тот самый момент являлся проклявший польских прихлебателей (а с ними, следовательно, и лжепатриарха Филарета) — Гермоген?

Вот как романовская версия на происходящее в Смутные времена пытается обелить этого ставленника самозванцев:

«Святейший Патриарх Гермоген перед всеми разоблачал хитрость польского короля и его людей и говорил: “Не бывать в Москве царем королевичу”. Призвал он к себе святителя честного и праведного [принявшего от Тушинского вора лжепатриаршество — А.М.] Ростовского митрополита Филарета Никитича [на эту должность возведенного еще первым самозванцем — А.М.], и благословил его после себя на свой святительский престол, и тайно назвал его после своей смерти патриархом...» [311] (с. 63).

Но как мог бы к находящемуся в заточении Гермогену этот проходящий сквозь стены Филарет явиться аж из Тушинского лагеря, минуя ополчение москвичей, и, забравшись в осажденный ими Кремль, проникнуть в его темницу? Может быть, исполняя прихоти все той же нам рассказываемой Романовыми чудесной сказочки, через замочную скважину?

В противном же случае, явившись к узнику в качестве уже принявшего звание патриарха от Тушинского вора изменника, запущенного стражей, кроме проклятья в свой адрес от Гермогена он ну ни под каким соусом ничего иного не смог бы получить. А потому, что уже на самом деле, и не получил.

Но как же все-таки вычислить — кто же он такой — Федор Никитич Романов: джин, проходящий сквозь стены и замочную скважину, или предатель?

Смотрим энциклопедию:

«...с 1619 по 1633 фактич. правителем был... патриарх Филарет, официально носивший титул “великого государя”...» [108] (т. 5, с. 330).

Но и Ключевский все вышеизложенное вполне подтверждает. Вот как он описывает сложившуюся перед выборами Царя обстановку:

«Многие вельможи и даже не вельможи подкупали избирателей, засылали с подарками и обещаниями... При недостатке настоящих сил дело решалось предрассудком и интригой. В то время как собор разбивался на партии, не зная, кого выбрать, в него вдруг пошли одно за другим “писания”, петиции за Михаила от дворян, больших купцов, от городов северской земли и даже от казаков; последние и решили дело» [42] (с. 312).

Так ведь именно от тех самых казаков, которые и поддерживали Лжедмитрия! И, между прочим, от тех самых городов, северских, которые предались сначала одному самозванцу, а затем и такому же второму.

А вот кто их при вторжении Самозванца возглавлял:

«У них был полковник, которого звали Корела, он был большой колдун, и при помощи его искусства и волшебства Гришка достиг многого» [262] (с. 86).

Но именно они, чье начальство, о чем сообщают даже заграничные источники тех лет, возглавлялось, еще в самом начале своих «славных дел», каким-то сатанистом, и решили спор в пользу самой устраивающей их династии (ведь выбери Собор Пожарского — и не сносить им головы). Потому именно их голос и стал решающим в пользу:

«...Михаила Романова, отец которого **Филарет был ставленник обоих самозванцев, получил сан митрополита от первого, и провозглашен патриархом в подмосковном лагере второго.** Главная опора самозванства, казачество, естественно, хотело видеть на престоле или сына своего тушинского царя, или сына своего тушинского патриарха. Впрочем, сын вора был поставлен на конкурс несерьезно, больше из казацкого приличия, и казаки не настаивали на этом кандидате, когда земский собор отверг его. Сам по себе и Михаил, 16-летний мальчик, ничем не выдававшийся, мог иметь мало видов на престол...» [42] (с. 313).

Но и по своему возрасту этот мальчик какой-то своей якобы лишь ему и свойственной одаренностью вовсе не блистал. Вот что сообщает о нем голландец Масса несколько лет спустя:

«он вполне необразован и до такой степени, что мне неизвестно, может ли он даже читать письма» [308] (с. 235).

То есть дебилизм этого ставленника закулисы вполне читался еще на его лице.

Но силам, провозгласившим этого туповатенького мальчика единственным претендентом на правление крупнейшей в мире страной, было на такое наплевать. А потому:

«и, однако» [42] (с. 313),
несмотря на вышеизложенное:

«...на нем сошлись такие враждебные друг другу силы, как дворянство и казачество» (там же).

Может, эти силы не были такими уж и враждебными из-за подчинения лишь одному началу: масонскому ордену «Василия Великого»?! Ведь и в 1917-м подопечные Лейбо Бронштейна под красным знаменем имели отношение все к той же организации, что его же подопечные, из которых состояло временное правительство, под знаменем петровского триколора (а затем белым знаменем).

А потому, заключает Ключевский:

«Это неожиданное согласие отразилось и на соборе» [42] (с. 313).

Но была спровоцирована и еще более действенная именно в нашей стране интрига, которая просто лишала и последнего козыря все же способную объявиться в одночасье какую-либо оппозицию Михаилу. Ведь хоть и воцарилась глубокая тишина, после более чем странного объединения самых крупных враждебных лагерей, но кандидатура Михаила пока еще висела на волоске. А потому, для вселения уверенности в правильность выбора:

«В самый разгар борьбы партий какой-то дворянин из Галича, откуда производили первого самозванца, подал на соборе письменное мнение, в котором заявлял, что ближе всех по родству к прежним царям стоит М.Ф. Романов, а потому его и надо выбрать в цари» [42] (с. 313).

И сказано это было очень вовремя. И очень похоже, что весь сценарий этого действия готовился заранее. И потому когда:

«Тайно разослали по городам верных людей выведать мнение народа...» [42] (с. 314),

то выяснилось, что:

«Народ оказался уже достаточно подготовленным» [42] (с. 314).

То есть и здесь уже прошли некие глашатаи за Романовых и склонили всех к тому же решению. Потому:

«Посланные возвратились с донесением, что у всех людей, от мала до велика, та же мысль... Это секретно-полицейское дознание, соединенное, может быть, с агитацией, стало для собора своего рода избирательным плебисцитом...

...Так соборное избрание Михаила было подготовлено и поддержано на соборе и в народе целым рядом вспомогательных средств: предвыборной агитацией... давлением казацкой силы, негласным дознанием в народе, выкриком столичной толпы на Красной площади» [42] (с. 314).

Но кем же являются Романовы?

«Романовы — недавно обособившаяся ветвь старинного боярского рода Кошкиных. Давно, еще при вел. кн. Иване Даниловиче Калите, выехал в Москву из “Прусския земли”, как гласит родословная, знатный человек, которого в Москве прозвали Андреем Ивановичем Кобылой» [42] (с. 314).

То есть к Рюриковичам, законным престолонаследникам Земли Русской, Романовы не имеют вообще никакого отношения.

И вот по какой причине царедворец Филарет начал свой вертикальный взлет именно в священнических званиях:

«Этот человек соперничал с Борисом Годуновым и пытался отравить его, за что и был Годуновым сослан в 1601 г., а затем пострижен в монахи. При этом он отнюдь не был *русским патриотом*, как Дмитрий Пожарский и Кузьма Минин или *законный* Патриарх Гермоген, умерщвленный голодной смертью в тюрьме в 1611 г.

Даже из официальной биографии, написанной при внуке Филарета Алексее Михайловиче, ясно, что прежде чем стать патриархом, Филарет был сразу по смерти Годунова в 1605 г. назначен митрополитом Ростовским. При этом назначил его не кто иной, как польский ставленник “Лжедмитрий I”, т.е., по той же романовской версии, *его же*, Федора Романова, *бывший служащий* Григорий Отрепьев» [40] (с. 85).

Вот, кстати говоря, что сообщает эта самая романовская версия в своем так называемом «новом летописце» о произведенных Лжедмитрием переменах в церковной иерархии страны:

«...расстрига начал думать, как бы избрать на престол патриарший такого же окаянного, как и он сам» [300] (гл. 109, с. 306).

И вот что ему в этой области удалось сделать. Ну, во-первых, он:

«...отступник Бога, нашел себе и патриарха, не имеющего священного сана, по имени Игнатия, и посадил его на преосвященном великом престоле вместо существующего православного патриарха Иова» [456] (с. 258).

Лжепатриарх же ответил Лжедмитрию услугой за услугу:

«...он же, Игнатий, его, еретика, венчал царским венцом в соборной церкви...» [300] (гл. 109, с. 306–307).

А, что, уже во-вторых, на кафедру Ростовскую, вторую по значению в стране, возводится митрополитом простой чернец Филарет — бывший господин пришедшего к власти своего слуги.

Все логично. Иначе с чего бы ему совместно с возвышением какого-то безвестного грека, явного от Русской Веры отщепенца, выставлять в церковные верха и иного такого же басурмана — в прошлом совершенно светского человека, в церковных вопросах, что подтверждают практически все источники, не понимающего вообще ничего.

Все вышеизложенное подтверждает и Ключевский:

«...Юрий Отрепьев, в иночестве Григорий... служил холопом у бояр Романовых и у князя Черкасского, потом принял монашество, за книжность... взят был к патриарху в книгописцы...» [42] (с. 296).

То есть и он это странное возвышение, наряду с избранием Самозванцем себе очень удобного патриарха, также объясняет причастностью Федора-Филарета к подготовке Самозванца.

С. Либрович:

«В числе слуг, или, как тогда называли, холопов, бояр Романовых жил около 1600 года Юрий Отрепьев, сын стрелецкого сотника из города Галича Богдана Отрепьева.

Жил он на службе сначала у Романовых, затем у их священника князя Бориса Черкасского, еще с детства. Мальчик был некрасивый лицом, но очень смелый, сильный, умный и дерзкий и резко выделялся среди окружавших его.

Почему-то мальчик стал расспрашивать у всех подробности, касавшиеся загадочной смерти царевича Димитрия в Угличе. Об этом донесли Борису Годунову, который постоянно подозревал, что враги умышляют что-то против него...» [160] (с. 192–193).

И очень не зря подозревал. О том подтверждает лишь еще справедливость пострижения в монахи Филарета Романова. Но такая мера, как показала история, оказалась не достаточной.

А вот куда, кстати, как сообщает очевидец тех событий, англичанин Джером Горсей, подевался, после очередного неудачного покушения на Бориса Годунова, один из братьев Федора Романова:

«Его младший брат, Александр Микитович (Alexander Mekitawich), не менее сильный духом, чем он, не мог долее скрывать свой гнев: воспользовавшись случаем, он ранил князя-правителя, но не опасно, как задумывал, и бежал в Польшу, где вместе с

Богданом Вольским, главным любимцем прежнего царя и сказочно богатым человеком, и с другими недовольными лицами как там [в Польше], так и дома задумывал заговор с целью не просто свергнуть Бориса Федоровича и всю его семью, но разрушить и погубить все государство» [430] (с. 109).

Причем, что и естественно, из официальной истории Романовыми этот факт покушения да и само непосредственное участие Александра, младшего брата Федора, в неудачном покушении на Бориса Годунова, где он сам выполнял роль убийцы неудачника, цензурой вымаран. А сам этот несостоявшийся цареубийца куда-то якобы по ложному-де доносу упрятан и в безвестности якобы и умер. Так Романовым удобней сокрыть действительно в ту пору произошедшее покушение на Царскую власть в России.

Потому этот факт можно почерпнуть исключительно из рассказов очевидцев иностранцев. О чем, весьма любезно, и сообщает здесь же переводчик:

«О покушении его на Бориса Годунова упоминают только иностранцы (см., напр.: Буссов К. Московская хроника. М.; Л. 1961. С. 93, прим. 32)» [430] (прим. 195 к с. 109).

Причем, сам Горсей очень симпатизирует Михаилу Романову, вступившему на престол, судя по всему, при окончании им своей книги, говоря о нем так:

«Пошли ему бог продолжительное и безопасное царствие, счастье, мир и лучшие деяния, чем те, которыми известны его предшественники...» [430] (с. 140).

Так кому же нам верить: романовской пропаганде про безвинно засаженных в темницы братьев Романовых или очевидцам тех событий иностранцам, которым по большому счету, глубоко наплевать — поверит кто их показаниям или нет. Чему были свидетелями, о том и пишут. Причем, конкретно Горсей, Михаилу Романову очень симпатизирует. Потому-то и желает, чтобы Бог послал ему все же куда как более лучшие деяния, чем те, в которых запятнали себя его родственники цареубийцы.

Причем, и на самого Горсея все теми же заговорщиками, дабы перед возможным вооруженным конфликтом в 1590 г. между Польшей и Россией выбить у России такого могущественного союзника, как Англия, был устроен ряд покушений.

«Вода, в которой варилось мясо для меня, была отравлена, также были отравлены и мое питье, кушанья и припасы; моя прачка была подкуплена отравить меня, она призналась в этом, сама рассказала кем, когда и как, хотя у меня уже были точные сведения. Мой повар и дворецкий — оба умерли от яда. У меня был слуга, сын господина из Данцига Агаций Даскер, у него открылось двадцать нарывов и болячек на теле, и он едва не умер. Опасаясь оставить меня в Москве... Борис прислал шепнуть мне, чтобы я ничего не боялся» [430] (с. 130).

Так что отравители в ту пору не просто покушались на жизни мешающих проводить политику предательства России людей, но производили попытки их отравлений, частенько убивая при этом их слуг. Вот и здесь у сэра Горсея, посланника Английской королевы, погибли от яда вкусившие приготавливаемой для своего господина еды: повар и дворецкий. А еще один человек, слуга, судя по нарывам на теле, одел предназначавшееся для своего господина белье. Второе, как вариант: он забрался в приготовленную для посла постель — у них принято согревать постель господина своим телом перед тем, как тот отправится спать. Такого лишь за нашими границами существующего обычая, судя по всему, московские бандиты отравители просто не знали, а потому и здесь потерпели фиаско.

Так что вовсе не ветряных мельниц боялся Борис Годунов, пытавшийся хоть как-то успокоить английского посланника. Потому пытаться не верить свидетельствам Горсея крайне неразумно. Он в данном своем повествовании, написанном в далекой от этих отравителей Англии, вскрывает самое обо всех этих историях загадочное: змеиное

логово масонов, уводящее в Польшу вслед за бежавшим туда Каракозовым XVII века — Александром Романовым — прообразом другого Александра — Ульянова.

Причем, одной этой своей фразой о родном брате родоначальника династии Романовых, обогрившего свои руки царской кровью, Джером Горсей вскрывает существование закулисных сил, которые мы хоть и ощущаем явственно при всем нашем расследовании, но за руку схватить все никак не можем. А здесь все прекрасно всплывает на поверхность: неудачное покушение раскрыто, участники заговора удирают за границу и оттуда ведут подкоп даже не просто под конкретного правителя, но под государство, столь им почему-то, словно семейству Ульяновых — таких же цареубийц, ненавистное.

Но брату благополучно улизнувшего за кордон Александра Никитича, Федору Никитичу, везет несколько менее. При очередной попытке убийства Годунова, на этот раз отравления, его хватают и упекают (Борис Годунов обещался никого не казнить 15 лет) в монастырь. А Юрий Отрепьев, не в пример схваченному с поличным своему господину:

«...бежал, постригся в монахи под именем Григория и, переходя из монастыря в монастырь, попал в Чудов монастырь в Москве, а затем на патриарший двор в дьяки, для письменных работ...» [160] (с. 193).

И вот какими просто железными аргументами подтверждается данная версия. В архивах имеется документ, написанный Лжедмитрием I патриарху Иову (лл. 315-315 об). Он обличает причастие к его написанию бывшего слуги Федора-Филарета Романова:

«Выспренный стиль послания, насыщенность его церковнославянизмами, изошренность в изобличении слабых сторон Иова, указывающие как бы на личное знакомство самозванца с патриархом, могут служить подтверждением того взгляда, что под личиной “царя Димитрия” скрывался именно Григорий Отрепьев, в прошлом приближенный к Иову черный диакон, составлявший по его поручению каноны и имевший возможность наблюдать патриарха в повседневной жизни» [301] (с. 136).

Конечно же, вторым вариантом к вышеизложенному может быть и еще куда как более похожая на правду версия. Отрепьев мог, и не являясь Лжедмитрием, находиться рядом с ним при составлении этого документа. Что, кстати говоря, более походит на случившееся. Ведь никто в самозванце конкретно именно Гришку, всей Москве знакомого, так и не опознал. Причем, описание видевшими его в Польше людьми сильно не стыкуется с описанием его уже в звании царя Московского. Вот что по этому поводу заявляет итальянец Александр Чилли, два десятилетия проведенный при польском дворе:

«Димитрию, как сказано выше, было около 25 лет; имея средний, почти малый рост, он был хорошо сложен, имел бороду и волосы рыжие, глаза голубые, лицо круглое и несколько не привлекательное, взгляд суровый и мрачный; был задумчив и неповоротлив так, что в его движениях обнаруживалась тотчас вся его неловкость. Хотя многие рассказывали мне противное этому и будто в разных обстоятельствах Димитрий показал себя мужественным и решительным; но я не мог тому верить и всегда считал его таким, каким здесь изобразил» [451] (с. 406).

Вот, между прочим, как наиболее точно всему произошедшему трактует эту историю Мартин Бер.

Гришка Отрепьев, с его слов:

«...оставил Россию, достиг берегов Борисфена, нашел в Белоруссии какого-то благородного юношу (то был побочный сын Стефана Батория, как открыли мне, по доверенности, польские вельможи) и дал ему нужные наставления...» [366] (гл. 3, с. 31).

То есть заговор осуществлял служащий Федора Романова, очень не зря заподозренного Борисом Годуновым (а тем более, что родной брат его даже ранил царя и сбежал за границу). Причем, этот выбор побочного сына Батория (или избежавшего каким-то образом смерти Дмитрия), как пишет Бер, якобы случайный, что скорее всего, был вовсе не случаен. Но заготовлен задолго до начала всего нам теперь столь известного действия с самозванничеством.

О самозванстве самозванца, между прочим, говорит и то, что вовсе не сразу мать убитого Дмитрия признала Лжедмитрия за своего сына. Ведь прошел чуть ли ни месяц между въездом Лжедмитрия I в столицу и его мнимым признанием вдовой Ивана IV за настоящего сына:

«30 июня 1605 года он вступил на трон... после того, Димитрий послал несколько знатных бояр за своею матерью, жившею в одном монастыре, в 36 милях от столицы. 28 июля 1605 года она приехала в Москву» [427] (с. 175).

Эти длительные уговоры как раз и подтверждают самозванничество авантюриста. Ведь неужели же мать, так долго ожидающая возвращения своего сына, не прилетела бы, словно на крыльях, чтобы хоть краешком глаза взглянуть на свое утерянное было навсегда венценосное чадо?

А здесь чуть ли ни месяц прошел между вступлением Самозванца на престол и его свиданием с мнимой своей матерью.

Но как бы там ни было в действительности, само уже бегство Отрепьева за границу является фактом непреложным. Причем, для нас самым главным во всей с ним истории является даже не попытка выяснения, кто есть кто в истории с самозванцами. Потому как это-то, в конечном итоге, не так уж и важно — кем конкретно являлся самозванец. Пусть даже самым настоящим царевичем Дмитрием, каким-то образом объявленным убитым, но на самом деле пусть и оставшемся в живых. Нас во всей этой истории интересует именно причастность патриарха будущего царского рода в организации самого этого самозваннического движения, приведшего, в конечном итоге, ко вполне закономерно подготавливаемому. К воцарению на троне его сына. Потому и все затем последовавшее уже особых вопросов и не вызывает. И когда этот засланный к самому патриарху шпион масонских спецслужб в очередной раз засвечивается в излишней своей по вопросу убиения царевича Дмитрия очень не естественной любопытности, ему приходится Россию покидать. В 1602 году он, как трактует о том романовская версия на произошедшее, направляется:

«...вместе с неким иноком Варлаамом в Киев, в Печерский монастырь...» [160] (с. 193).

Затем он:

«...направился в Запорожскую Сечь... потом перешел в Острог к князю Константину Острожскому, затем поступил в школу в Гошее... и, наконец, поступил на службу к князю Адаму Вишневецкому, которому, притворившись больным, впервые и объявил о своем якобы царском происхождении...»

В таком виде передавался рассказ о происхождении Дмитрия Самозванца после его смерти правительством царя Василия Шуйского, которое опиралось при этом на показание, или “извет”, упомянутого инока Варлаама» [160] (с. 193–194).

И все это происходило при живом свидетеле данного повествования — Филарете Романове, которого самозванец возвел из простых монахов в митрополиты на Ростовскую кафедру. Что лишь одно подтверждает явный сговор самозванца со своим бывшим хозяином.

Однако ж и про этот сговор имеется своя версия:

«В доме Романовых в числе многих других детей бедных бояр жил мальчик-сирота, ровесник царевича Дмитрия. Его и решили Романовы выдать за спасшегося будто бы

царевича Дмитрия и стали внушать мальчику, что он не кто иной, как Дмитрий, сын царя Иоанна Грозного...

Слухи о кознях Романовых дошли до Годунова. Над Романовыми было снаряжено следствие, и их подвергли опале, сослав в заточение.

Тем временем... мальчик, живущий у Романовых, скрылся в Чудовом монастыре, где его на 14-м году жизни постригли в монахи под именем Григория.

Сторонники Романовых решили, что наступило время выдвинуть мнимого царевича, и отправили его на границу московского государства и Польши, сговорившись сначала с некоторыми польскими вельможами, что они помогут названному Дмитрию сесть на московский престол.

И вот “выкормыш” Романовых объявляет, что он не кто иной, как царевич московский Дмитрий Иоаннович.

Одни ему поверили, другие делали вид, что поверили. Спустя некоторое время на Руси пошли упорные слухи, что царевич Дмитрий на самом деле жив, что он вскоре объявит себя народу и сядет на прародительский престол. Народ жадно набрасывался на все эти слухи и с нетерпением ждал того, кто называл себя Дмитрием.

Прошло еще некоторое время — и названный Дмитрий во главе войска подошел к Москве, где знатнейшие бояре, Шуйские, Бельские, Масальские, признали в нем истинного царя и помогли ему венчаться на царство» [160] (с. 196–198).

То есть в масонском заговоре хоть и являлся центральной фигурой Филарет Романов, но участие принимали вообще все самые знатные боярские фамилии. А полученная Филаретом от самозванца Ростовская кафедра полностью подтверждает выше цитируемую версию о происхождении самозванца.

А вот как эта версия о Самозванце трактуется свидетелем тех событий — французским капитаном на русской службе Жаком Маржеретом:

«Вполне вероятно, что мать и другие из оставшейся тогда знати, как Романовичи, Нагие и другие... пытались всеми средствами избавить ребенка от опасности, в которой он находился. А я знаю и считаю, что, убедившись в том, что нет никакого другого средства, как подменить его и подставить другого на его место, а его воспитать тайно... они это и проделали, и столь хорошо, что никто, кроме принадлежавших к их партии, ничего не узнал. Он был воспитан тайно, и, как я считаю, после смерти императора Федора, его брата, когда сказанный Борис Федорович был избран императором, он был отправлен в Польшу, в монашеской одежде, чтобы его провели за пределы России со сказанным вышеупомянутым расстригой [Гришкой Отрепьевым]. Как считают, прибыв туда, он стал служить одному польскому вельможе по имени Вишневецкий, зятю сандомирского воеводы; затем перешел на службу к сказанному воеводе и открылся ему. Тот послал его к польскому двору, где он получил небольшое вспомоществование; вышесказанное послужит для ответа и разъяснит, что в Угличе был умерщвлен не он, а подмененный» [265] (с. 209–210).

Той же версии придерживаются и поляки. В том числе и известный историк Валишевский.

Но на самом деле вся эта история, как с убиением, так и с чудесным же спасением, похоже, просто является плодом пропаганды враждующих в те времена группировок:

«В первых грамотах Шуйского после переворота 17 мая о Дмитрии Угличском писалось лишь, что он умер в Угличе, где и погребен (СГГД, ч. II, № 142, стр. 300). Но уже в грамоте царицы Марфы от 21 мая 1606 г. утверждается, что “царевич Дмитрий Иванович убит на Угличе передо мною и перед братьею моею, от Бориса Годунова, ныне лежит на Угличе” (СГГД, ч. II, № 1 стр. 307). В связи с объявлением в агитационных целях Дмитрия Угличского святым версия о “злодейском убийстве” и “мучениях” Дмитрия оказалась очень кстати. В грамотах Шуйского официально

утверждалось, что убит Димитрий по проискам Годунова (СГГД, ч. II, № 147, стр. 311). Эта официальная точка зрения, освещенная церковным авторитетом, — дело касалось святого, — повторялась в различных историко-литературных произведениях XVII в., в том числе и в официальной редакции “Нового летописца” 1630 г. (ПСРЛ, т. XIV), а также в официальных актах царей из династии Романовых, в том числе в избирательной грамоте царя Михаила Федоровича (СГГД, ч. I, № 203, стр. 605)» [266] (прим. к гл. I п. 6).

Так что в самом еще начале всей этой истории с убийством о преднамеренности смерти Дмитрия никакого, между прочим, не царевича, но лишь брата царя, и речи не шло. Да, умер брат правящего монарха. Ну, так и что с того? Царь молод и у него, что и естественно, будут еще дети. Да и то, что умер мальчик девяти лет от роду — тоже ничего особо удивительного нет. И в те времена никакой диковинкой смерть в юношеском возрасте не была. Потому и прошла никем незамеченной.

Утверждение же о его насильственной кончине появляется лишь в тот момент, когда восшедшей на престол новой династии требуется обвинить в цареубийстве династию свергнутую. То есть вообще вся эта история, от начала и до конца, похоже, лишь плод пропаганды, на которой и возрастает авторитет заранее заготовленного для данной роли претендента на Русский престол.

Но нам, повторимся, важно даже не то, являлся ли Самозванец настоящим Дмитрием. Ведь это не столь уж и важно. И в нашей истории о масонстве Романовых значения не имеет никакого. Но интересует нас, какие же все-таки силы возвели Самозванца на Русский трон. И, главное, для каких целей.

А для ответа на этот уже вопрос не лишено смысла рассмотреть и иную версию на происхождение Самозванца. Все дело в том, что версия о Гришке Отрепьеве, изобретенная в момент захвата власти в России семибоярщиной для оправдания своего заговора против Бориса Годунова и его семейства, не походит на правду сразу по двум очень серьезным пунктам.

Ну, во-первых, это явное всеми подмеченное нерусское происхождение Самозванца (сильный польский акцент и слабое знание всех тонкостей образа поведения православного человека). Вот как описывает духовную пропасть между русскими и иностранцами очевидец тех событий немец Конрад Буссов:

«Они считают одну только свою страну Христианской, а остальные страны под солнцем считают языческими, где, по их мнению, люди не крещены, Бога не имеют, не умеют как следует ни молиться, ни служить Богу...» [266] (с. 134).

Потому Самозванец, не имея возможности даже осмыслить значение этой пропасти, столь рискованно спешит исполнить все то, что затем, лишь столетие спустя, да и то лишь после усиленной работы масонов по расшатыванию веры русских, причем, лишь частично, осуществит его наследник по самозванству — Петр I.

И вот что приводили в вину вору москвичи:

«окаянный замыслил... наводнить Московское государство погаными иноверцами — литовцами, евреями и поляками и иными скверными...» [325] (с. 55).

То есть даже само присутствие в свите Лжедмитрия иноверцев являлось делом достаточно опасным. Чего до самой своей смерти так и не осознал этот неудачник и авантюрист, как получается, иностранец.

Вторым же пунктом, говорящим о явной ложности официальной на счет появления Лжедмитрия I версии, является то, что никто из хорошо знавших Отрепьева в Москве людей не опознал в Самозванце беглого монаха Гришку. Причем даже возраста эти два человека были слишком не одинакового (десяток лет разницы).

Но имелся и третий пункт, указывающий на то, что Лжедмитрий был не русским. Ведь в действительности он не был православным. Он более чем явно, чего даже не смог скрывать, был католиком. После своей женитьбы на Марине Мнишек:

«по римскому обычаю начал соблюдать субботний пост, как обещал римскому папе, а в среду и пятницу стал есть говядину...» [325] (с. 54).

«...оскверняет храмы... дозволив входить в них некрещеным ляхам, да еще с собаками; изгоняет пастырей церковных из домов их, которые отдает латышам; а сам женится на поганой польке» [366] (гл. 5, с. 57).

Вот еще поправка на отличное от москвичей поведение Самозванца. Поляк Стадницкий сообщает, что Лжедмитрий:

«...не бил перед образами обычных московских поклонов и водил с собой в церковь собак...» [455] (с. 236).

То есть даже не то что другим не воспрещал Самозванец, но и сам водил собак в русские храмы! Неужели же он не знал, как должно было отреагировать русское общество к такому пренебрежению их верой?

Только в единственном случае, если он плохо себе понимал характер людей страны, в которой воцарился.

Так что очень много говорит о том, что официальная версия о расстриге монахе слишком расходится с существом произошедших тогда событий.

Ответ же на все эти загадки находим в «Московской хронике» Конрада Буссова:

«Был один монах, по имени Гришка Отрепьев... Ему было дано приказание ехать в королевство Польское и в большой тайне высмотреть там какого-либо юношу, который возрастом и обликом был бы схож с убитым в Угличе Димитрием, а когда он такого найдет, то убедить его, чтобы он выдал себя за Димитрия и говорил бы, что тогда, когда его собирались убить, преданные люди по соизволению Божию в великой тайне увели его оттуда, а вместо него был убит другой мальчик. Монах Отрепьев... прибыв на польский рубеж, на Борисфен в Белоруссии (которая принадлежит польской короне)... немедля расставил сети и заполучил, наконец, такого, какого ему хотелось, а именно — благородного, храброго юношу, который, как мне поведали знатные поляки, был незаконным сыном бывшего польского короля Стефана Батория. Этого юношу монах научил всему, что было нужно для выполнения замысла. После обстоятельного наставления он дал ему совет: постараться поступить на службу к князю Адаму Вишневецкому, деду Михаила Вишневецкого, короля Польского, потому что тот живет в Белоруссии у самого московитского рубежа, а когда ему это удастся и он как-нибудь потом найдет благоприятный случай, то пусть с печальным видом и грустными словами жалуется на свое злосчастье и откроет князю, что он прямой наследник Московского государства и младший сын прежнего царя Ивана Васильевича и что, когда он был еще ребенком, на его жизнь посягал и хотел его убить Борис Федорович и т. д. и если бы Бог не помешал этому и не внушил преданным людям тайком увезти его, то и убил бы...»

Подученный юноша сделал так, как ему было внушено...

Князь Адам был удивлен и изумлен... он сразу поверил его словам, почтя за правду, что он действительно сын Грозного...» [266] (с. 94–95).

Кстати, во всей этой истории даже более похожим на правду является именно та, которая говорит о неподложности Лжедмитрия. Ведь вполне возможным является попытка воспользоваться масонами живым и здравствующим царевичем.

А почему нет? Ведь по тем временам, когда царствовал пускай и их ставленник, делами в государстве заправлял совсем не устраивающий за границу правитель. Ведь именно в этот момент строится множество крепостей по рубежам возрождающегося очень мощного государства, восстанавливаются и строятся прекрасные оборудованные

гатами и многочисленными переходными мостиками дороги. Потому масонам, а уж никак не Борису Годунову, требовалось посеять на будущее некоторую интрижку. В частности, попытаться убедить родственников Дмитрия, в тот момент на самом деле на престол вовсе не претендующего, что его хотят убить.

Все последующее, в случае именно в данном ключе развития событий, более или менее понятно. Здесь никаких противоречий случившемуся нет и в помине.

А пропаганде, что и понятно, было гораздо выгоднее, впоследствии, объявить о том, что никак не настоящего Дмитрия убили в момент московских беспорядков, но лишь Самозванца. Туда-де ему и дорога.

Дмитрием же царевичем был признан труп ритуально убитого жидами ребенка. Такие дети, что было распрекрасно известно Филарету Романову, кому было поручено привезти в Москву останки Дмитрия, тлению не подлежат. Потому одели в специально сшитые для него одежды ритуально замученного жидовскими резниками мальчика, возможно, тоже Дмитрия, засунув в его сжатый кулачок, что характерно именно при обезкровливании организма, орехи, и представили комиссии. Именно от тела этого Дмитрия, судя по дальнейшему, и шли исцеления, зафиксированные у раки мученика.

Но для нас, на самом деле, никакой разницы в личности Самозванца нет. Ведь он все равно был предателем наших святынь псам на поругание, настоящий он царевич или нет. И лучше для него, если бы он был просто безвестным проходимцем поляком, чем подготовленным масонами полномочным наследником правителей Царства, веру которого он столь вероломно предал его лютым врагам.

Мировой масонский заговор

То есть все вышеописанное начинает походить на заранее спланированный захват в нашей стране власти какой-то тайной организацией, все нити которой ведут в город Острог к князю Константину (Василию) Острожскому. А организация эта, как мы уже много ранее определили, является: масонский орден «Василия Великого». Потому ее тайный руководитель, слишком явно засветившийся своей деятельностью, именуется часто не Константином, но Василием. То есть магистром этой извечно нам враждебной иноверческой организации.

Потому, совершенно умышленно, поляками нарушаются и все незыблемые обряды Православия.

Ну, во-первых, на иноверках жениться было не то что не принято, но и не возможно. Самозванец же:

«...взял себе в жены из великой Литовской земли лютеранку их басурманской веры, так же, как и он, наученную злу и колдовской премудрости» [443] (с. 54).

А вот, во-вторых, каким кощунством он знаменует эту свою собачью свадьбу:

«И тот окаянный законопреступник женился... в четверг... накануне пятницы» (там же).

Тогда как:

«По русскому обычаю не венчались накануне постных дней...» [130] (с. 320).

И все потому, что у нас в пятницу утром проводится Литургия. Потому-то и венчание с четверга на пятницу Русской Церковью категорически запрещено.

Мало того. Вот почему нельзя венчаться в ночь, переходящую с языческого дня Перуна, четверга, на пятницу:

«...пятницу... язычники посвящали Венере» [427] (с. 189).

Так что москвичи, прекрасно знающие языческие обычаи, от такого разгула неуважения к их верованиям со стороны ввалившейся в их дом иноземщины были просто в шоке. Но самозванец:

«...не хотел оказывать уважения к обычаям. С приездом Марины Дмитрием чересчур овладело польское легкомыслие» [130] (с. 320).

Но то не было обыкновенным легкомыслием. Вот как немец Матвей Шаум, служивший в те времена в шведском войске, характеризует Лжедмитрия I:

«Гришка был скор, хитр и **чернокнижник**...» [433] (с. 8).

А именно *чернокнижники*, то есть масоны, в тот момент и захватили нашу страну. А потому не просто куражились над нашими законами, но, судя по вполне естественному риску быть обличенными в сатанизме, исполняли какой-то для данного действия уж очень им в тот момент столь необходимый их священнический обряд. Да, *языческий*. И, судя по надписи в Ипатьевском доме, расшифрованной Г.С. Гриневичем (см. «Жертвоприношение» [готовится к печати]), это священнодействие, ими кощунственно произведенное в самой цитадели Русского Православия, относится к их божеству Ваалу — хананейскому богу нечистот и нечистой силы. Ведь именно это божество, Ваал-Перун, и имеет главным днем своего торжества именно четверг. Причем кощунственное это «бракосочетание», связанное также и с празднованием ночного пятничного божества разврата Венеры, думается, было произведено влезшими на Русский трон масонами очень не случайно. Ведь они считали себя победителями, а потому этой сатанинской символикой и стремились закрепить за собой уже полученную над страной власть.

Причем, свою явную причастность к масонству самозванец демонстрирует и еще куда как более нахально, зная полное незнание русскими людьми всех тонкостей их вероисповеднической атрибутики, высылая к свадьбе своей польской невесте драгоценности. А в их числе, между прочим, означены:

«От царя: драгоценное украшение Нептуна, которое оценено в 60 000... Портрет богини Дианы, сидящей на золотом олени... Серебряный пеликан, достающий свое сердце для птенцов» [447] (с. 33).

Вот еще дополнение к уже вышеперечисленному. Вот как описывает встречу Самозванцем своей невесты и тестя польский дворянин Мартын Стадницкий, сопровождавший Мнишков в составе свадебного картежа в Москву:

«В столовой, где обедал царь, стоял высокий, до потолка, буфетный шкаф из чистого золота. Там были львы, драконы, единороги, олени, грифоны, ящерицы, лошади и иные животные, большие бокалы, все из чистого золота. По ту сторону буфета стоял большой серебряной чан, в нем золотая Диана с нимфами, Актеон, превращенный в оленя в держащий лук и стрелы, на нем охотничий рожок; все из золота... Тут были боги: золотой Юпитер, сидящий на серебряном орле, серебряный Сатурн, Марс, Меркурий, золотой Нептун на серебряных китах, Венера, Юнона, золотая Паллада, Вулкан с циклопами из серебра, золотой Аполлон с серебряными музами, Кентавр, Геркулес, Вакх, золотые сатиры. Все эти фигуры держали в руках мехи с вином, чаши, бокалы, кружки, возливальники, кубки, разные раковины для питья...» [455] (с. 234–235).

Все это, как распрекрасно известно, масонская символика. День же, символически избранный этим лжецарем для бракосочетания, аккурат и является днем Нептуна. Ведь именно его функцию, попутно с богом нечистот и нечистой силы, выполняет Перун (Ваал-Фегор=Пеор=Перун). И единовременное приведение в действие всех перечисленных условностей говорит лишь о том, что самозванец в своих планах был вовсе не одинок, но на трон его тянула очень серьезная организация.

И вот еще очень странная фраза проскакивает у немца Шаума, явно обличающая причастность к единой организации всех лиц, подготовивших воцарение Лжедмитрия. Воевода Адам Вишневецкий:

«...отослал Гришку к воеводе и советнику в Польше, Острове, воеводе Сендомирскому. Тут-то наш молодой ученик нашел прямого своего наставника (В переводе — **мастера** — прим. редакции). Они тотчас поняли друг друга, ибо **оба были чернокнижники**» [433] (с. 9).

То есть масоны.

Причем, здесь, как это ни странно, объединены в одно целое владелец Острова и воевода Сандомирский. То есть Константин-Василий Острожский и Юрий Мнишек. Причем, именно Юрий, как сообщает Шаум, и участвовал в самом еще первом неудачном походе на Россию Самозванца. И когда их польско-казацкому воинству настучали по зубам:

«...воевода Острова должен был возвратиться в Польшу для получения денег и набора войска, а с ним ушло домой до 2 000 поляков» [433] (с. 10).

А вот уточнение нашего недоумения:

«Но Острова, воевода Сендомирский, так с Гришкою уговорился, что коль скоро сей получит Великое Княжество, то возьмет за себя дочь первого» [433] (с. 12).

То есть, не просто наставником над молодым масоном в ученическом звании, но *мастером*, поименован все-таки сам воевода Сендомирский — Юрий Мнишек. Однако он же является и воеводой Острова. То есть исполняющим роль какой-то странной темной связи с владениями воевод Острожских, где столь всегда любили привечать иноверцев и самозванцев. И где сам Гришка и получил первоначальный свой приют у какого-то сказочно богатого маршалка — то ли Василия, то ли Константина, а то ли, что выясняется, самого Юрия Мнишека — мастера масонской ложи Василия Великого. К той самой ложе, что здесь самое удивительное, к которой чуть ни столетием позже будет принадлежать и Симеон Полоцкий — наставник уже иного царя — Федора Алексеевича Романова. То есть змеиное это логово и через столетие останется все на том же своем месте — в Острове. Там, где именно 2 000 бездельников зачем-то откармливал на свои собственные деньги сказочно богатый этот самый маршалок земли Волынской — то ли Константин, а то ли, что теперь выясняется более точно из рукописи мало известного автора, немца Матвея Шаума, польский магнат Юрий Мнишек. Причем, замену маршалка Острожского Мнишеком предполагает и повествование пребывавшего в то время в Польше итальянца Александра Чилли. Он, очевидец тех событий, проживавший с 1695 по 1617 гг. при дворе Сигизмунда, сообщает, что Самозванец:

«...в первый раз открыл себя в доме сендомирского воеводы Николая Мнишка» [451] (с. 400).

Что и в очередной раз укрепляет связку: Константин-Василий Острожский — Юрий-Николай Мнишек. Однако ж и еще вот какие подробности о происходящих в ту пору событиях всплывают с уст все того же итальянца:

«Разговаривая с ним в продолжение многих дней и недель и рассуждая со своими приближенными о делах в Московии, о своих притязаниях на престол, о правлении покойного отца и нового государя, он убедил не только воеводу, но и всех тех, которые слушали его, в том, что он настоящий сын **Василия Великого**» (там же).

И если поименование Юрия Мнишека Николаем как-то еще можно списать за счет не свежести описываемых автором солидного трактата воспоминаний, то уж забывчивость по части имени Грозного Царя здесь просто недопустима. То есть прослеживается вскрытие происходивших некогда событий без участия подбивающей все под общий масонами запланированный знаменатель цензуры. Причем, несколько

раскрывается странность поименования организации масонов города Острова орденом Василия Великого. Что за тайна скрывается за рассмотренной нами вроде бы как ошибкой человека, в иностранном государстве в течение двух десятилетий занимающего какой-то очень высокий и ответственный пост?

Здесь многое пока, за недостатком сведений, остается непонятным. Но роль масонства во всей этой истории вырисовывается все более отчетливо.

В том числе и потому, что ведь и вернулся этот таинственный покровитель Лжедмитрия обратно в Польшу, когда Самозванцу, им и привеченному столь по-матерински, дали, как следует, по зубам. И он, этот мастер масонского ордена Василия Великого, Острожский-Мнишек, вернулся назад все с той же сворой из 2 000 чел., которую так привычно содержал «на свой счет». И не где-нибудь, но все в том же Острове, где один из праздно живущих на его хлебах некий Богдан, *съедал за завтраком жареного молочного поросенка, гуся, двух каплунов* и т.д., после чего требовал добавки.

Так что окружение Самозванца составляли масоны. А потому Лжедмитрий, не видя своим кощунствам и малой попытке отпора от давно разложенного все тем же масонством нашего придворного боярства, стал кощунствовать над Русской верой ничуть не менее Петра, столетием позже сменившего Самозванца в этом же качестве. Ведь даже свою невесту Лжедмитрий в Православии крестить не обязал, но венчался на некрещеной басурманке. Что могло сойти с рук только лишь для тех:

«...которые, отрешась от строгих взглядов, были снисходительны к иноверию; но в глазах таких, для которых католики были в равной степени погаными, как жида и язычники, это было оскорбление святыни» [130] (с. 320).

Однако ж боярство тех времен, что нами обнаруживается все отчетливее, словно свинья в грязи было сверху донизу перемазано масонством. Потому-то самозванец не почел за риск столь неслыханно нахально совершить у всех на глазах именно масонский ритуал, который у знати, окружающей его, не обязан был вызвать какого-либо осуждения.

А потому смерть самозванца, думается, была связана вовсе не с перевыполнением поставленной ему масонами программы, но с ее невыполнением. Причем, по данному вопросу виновниками его смерти являются польские паны. И именно те, которые в готовящихся в масонских тиглях кулуарных замыслах не разбирались и разбираться не собирались. Они тупо требовали от Лжедмитрия Псков и Смоленск, которые были обещаны в обмен на воцарение, но полякам так пока все еще и не отдаваемые. Да и со введением в Москве латинства чувствовалось, как им казалось, какое-то непростительное промедление. Что и стоило Лжедмитрию в конечном итоге жизни.

Но даже случившаяся неожиданная смерть самозванца этих далеко идущих планов закулисы отнюдь не нарушила. Ведь стоящая во главе заговора личность не только не растеряла после его смерти преподаренных с царствующего плеча авантюриста священнический регалий — практически Московской митрополии, но и упрочила свои позиции при появлении в Москве и второго по счету самозванца:

«...Патриархом Филарета впервые назначил “Лжедмитрий II”, и 1608–1610 гг. Филарет провел при нем, в его Тушинском лагере. Филарет стоял практически за всеми заговорами при российском дворе, включая “неожиданную” смерть Годунова, которая носила явные признаки отравления сулемой, и последующий стремительный государственный переворот и уничтожение рода Годуновых. Еще одной жертвой отравления стал в 1610 г. талантливый полководец М. Скопин-Шуйский, успешно возглавлявший борьбу с поляками.

Все то время, когда в России шла борьба с польской интервенцией, Филарет находился в стане врага — у короля Сигизмунда III. Об этом официальная история дома Романовых говорит уклончиво: “возглавил вместе с В. Голицыным великое посольство в Польшу в 1610 г. и был задержан в плену”, умалчивая при этом, что официальной целью “великого посольства” было приглашение на царство польского королевича Владислава.

Филарет умело сыграл и на тщеславии и Голицына, и Сигизмунда. Последний в 1911 г. даже сам пожелал занять русский трон, но испугался гнева Папы, поскольку Филарет выдвигал условием принятие православной веры» [40] (с. 91–92).

Но потому, очень похоже, и выдвигал, что знал главное: сесть Польскому королю сразу на два трона было ну ни под каким соусом невозможно. Для этого требовалось Россию сначала завоевать, а он целых два года безуспешно тужился взять лишь одну из ее крепостей — Смоленск.

«При этом Филарет, естественно, скрывал свои претензии на трон, а подчеркивал, что основной русский претендент — князь Голицын — находится тут же, в заложниках.

Именно Филарет фактически руководил созывом и проведением Земского собора 1613 г., на котором в результате избрали на царство его сына Михаила. В 1619 г. Филарет с колоссальным триумфом вернулся из Польши в Москву, а “основной претендент” Голицын... умер» [40] (с. 92).

И если сам Филарет, что и правильно подчеркивал, на русский трон не имел вообще никаких династических прав, то вот кто на него не только претендовал, но и обязан был этот трон занять:

«...два самых знатных рода — князья Долгорукие и Голицыны» [128] (с. 32).

И очень неспроста. Ведь они были:

«несравненно знатнее Романовых...» [128] (с. 32).

И если Голицыны вели свое происхождение от литовского князя Гедимина, то:

«Долгорукие вели свое происхождение от Рюрика и от основателя Москвы Юрия Долгорукова...» [128] (с. 32).

Однако ж всех их ставленник тайной секты оставил не у дел:

«До своей смерти в 1633 г. Филарет был первым реальным *самодержцем* России. Таким образом, Филарет как политик переиграл и русских, и иноземных претендентов на российский трон и в конце концов оказался обладателем наследства Ивана Грозного, борьба за которое велась с 1584 года...» [40] (с. 92).

И здесь нет ничего удивительного: очень похоже, что именно Филарет и являлся резидентом масонского ордена «Василия Великого» в России. Потому именно он подготавливает и засылает в Острог к воеводе киевскому, судя по всему, — магистру ордена, «претендента», снабженного полномочиями для проведения государственного переворота в России. А обратная связь заметна и невооруженным глазом, когда заговор удастся и состоявшийся Лжедмитрий (или сам «претендент», или подготовленный им сын Батория) получает бразды правления страной. И доказывается эта преступная связь лишь еще тем простым фактом, что его патрон тут же, по воцарении самозванца, из простых монахов взлетает в сан митрополита одной из самых важных кафедр. Мало того, при упразднении Московской митрополии принимает на себя обязанности митрополита еще и Московского. Причем обходя стороной все порядки Древней Руси, назначается не священством, но волевым решением монарха.

Но это было только начало. На вершину карьеры Филарета возносит еще и второй претендент, бывший до этого, судя по всему, где-то в запасе. И пусть к первому Лжедмитрию он, казалось бы, не имел никакого отношения, но, однако ж, слишком явно принадлежал к единой с первым претендентом организацией. Что легко подтверждается выполнением новым претендентом старых инструкций, полученных в

свое время еще незадачливым его на троне предшественником. И тут следует лишь попытаться вообразить, какие несусветные средства были брошены масонством для поддержания ну совершенно чудовищно фальшивой версии о некоем «спасении» от смерти убиенного толпой Лжедмитрия! Ведь сколько здесь требовалось подкупить (или убить) многочисленных свидетелей этой смерти. А сколько требовалось запустить по стране лжесвидетелей, слишком сильно рискующих своею головой?

Средства на это предприятие должны были пойти просто колоссальные. На такое может отважиться лишь организация, распоряжающаяся сокровищами тамплиеров. То есть именно та самая, во главе которой впоследствии засвечивается некий потомок раввинов, совершенно безродный по любым меркам, основатель династии банкиров с мировым именем, Лионель Ротшильд.

Но вот воцаряется Лжедмитрий II. Причем даже своею национальностью он не слишком-то и походит на титульную нацию в России:

«...некоторые утверждали даже, что он был из жидов» [269] (с. 6).

Так что даже сам национальный вопрос о принадлежности Лжедмитрия II, к запрещенному в то время к въезду в нашу страну самому подлому из всех иных народонаселению, для именитого боярства никакого значения не имел. Удивительно?

Так ведь сказано же, что самозванцы друг на друга не были вообще ничем хоть самым малым похожи.

И что же мы замечаем?

Отношение к Филарету нисколько не меняется: новый ставленник ордена «Василия Великого» на русском троне вручает Филарету всю полноту церковной власти, что, судя по всему, было запланировано задолго до этого столь странного и ни при каких иных обстоятельствах совершенно невозможного инцидента.

Но вот и второго претендента на русский трон постигает злая участь первого. Куда держит путь обласканный лжецарями лжепастор?

В альма матер на тот день масонской ложи «Василия Великого»: во враждебное нам государство — Польско-Литовское. Но это оно нам враждебно, а ему как раз таки и вовсе нет. Что, в конце концов, и выясняется, когда, управляя из-за границы, ему прекрасно удается собрать и провести собор, где некий такой «глас народа» почему-то останавливается именно на его родном сыне, что подливает масла в огонь всех уже упомянутых странностей.

И вот тут очень интересную особенность семейства Романовых — постоянно присутствовать в лагере врагов — мы находим даже у Костомарова, чьи симпатии к Лжедмитриям и лжепатриархам сомнению не подлежат:

«24 октября поляки отворили кремлевские ворота, выходящие на Неглинную (ныне Троицкие); прежде всего выпустили русских людей, бояр, дворян, купцов, сидевших в осаде» [130] (с. 374).

Укрывшихся, заметим, аккуратно именно от нас и спрятавшись за стены под защитой наших врагов поляков.

«Казачи тотчас закричали: “**Надобно убить этих изменников**, а животы поделить на войско!”» [130] (с. 374).

И вот кого обнаруживаем среди *этих изменников*, которых, как считали осаждавшие Кремль войска князя Пожарского, *надобно убить*. Как известно, посольство для призвания на трон Романовых отправилось в Кострому. Почему в Кострому? Потому что:

«Мать и сын удалились туда после **освобождения из кремлевской осады**» [130] (с. 376).

То есть именно во вражеском лагере нашли себе приют члены семейства Романовых. И они, вместе со всеми иными в стане врага проживающими боярами, были

поименованы *изменниками*, которых, за их измену, буйные казаки даже собирались убить.

Кстати, ведь и было за что убивать. Ведь именно по их совету поляки сожгли Москву. О чем свидетельствует и Маскевич:

«Мы действовали в сем случае по совету доброжелательных нам бояр, которые признавали необходимым сжечь Москву до основания, чтобы отнять у неприятеля все средства укрепиться» [428] (с. 66).

Неприятелем же здесь для поляков и бояр изменников, в числе которых был и юный Миша Романов, будущий боярский царь, являлись вступившие в единоборство с иноземными захватчиками москвичи. Семья же Романовых, что отмечается, аккурат и входила в число этих самых упомянутых Маскевичем *доброжелательных* полякам бояр, подбивших врагов на сожжение Москвы.

То есть и не только сам Филарет постоянно числится среди Лжедмитриев или поляков, но и его семейство постоянно находится в стане врага. Мало того, именно эта враждующая с русским человеком фронда советует полякам сжечь Москву. Так что даже гибель столицы лежит в том числе, вместе и с иными изменниками боярами, и на этом масонском семействе.

И вот какие орды врага в тот момент истерзанная Россия, во главе своих народных героев, Минина и Пожарского, смогла преодолеть. Арсений Елассонский, и сам окопавшийся среди врагов, вот что сообщает о численности попытавшегося деблокировать Кремль врага:

«21 августа прибыл снова полководец Карл [Ходкевич — А.М.] с большим войском, которое послал на помощь великий король из Польши: поляков, немцев и венгерцев было более сорока тысяч. 21 августа, когда произошел бой польского главнокомандующего Карла с великим боярином и русским главнокомандующим князем Димитрием Михайловичем Пожарским, главнокомандующий Карл был разбит... 22 того же месяца... Карл, польский полководец, был совершенно разбит в большом сражении, и они истребили всех находившихся при нем польских солдат его. Едва с немногими солдатами Карл убежал в Польшу, оплакивая и сетуя на свое злоключение и несчастье» [442] (с. 197).

И это 40-тысячное воинство врага было добавлено к чуть ранее истребленному нами же 25-тысячному войску все того же Хадкевича. Когда он, с целью добычи продуктов для осажденных в Московском Кремле поляков, предпринял поход по городам и весям России:

«Сам же главнокомандующий Карл и многие воины, более двадцати пяти тысяч, пошли по городам и деревням, делая грабежи во всяком городе и деревне; они достигли до Ростова и были вблизи Ярославля; они опустошили многие деревни, сожигая и опустошая деревни и местечки, но и сами немногие вернулись назад, потому что они выпили ту чашу, которую приготовили другим» [442] (с. 196).

То есть лишь в составе воинства Ходкевича, причем, лишь под занавес этой достаточно длительной эпопеи, нами было истреблено порядка 65 тысяч интервентов. Но куда как и еще больше досталось тем врагам, которые отсиживались в Москве. После разгрома русскими ополченцами хорошо вооруженного свежего пришедшего из Германии, Венгрии и Польши многочисленного воинства врага:

«Поляки, находящиеся в Москве... пребывали в страхе и большом ужасе... День на день снова ожидали они сына короля и полководца Карла для своего освобождения. И, поджидая таким образом, в течение многих дней, они израсходовали всю пищу, и многие умирали каждый день от голода, и ели все скверное и нечистое и дикорастущие травы; выкапывали из могил тела мертвых и ели. Один сильный поедал другого.

Обманутые безумцы, тщетно ожидая и пребывая в течение двух месяцев в напрасном труде и умирая повседневно от великого голода, все погибли» [442] (с. 198).

Сколько трупов интервентов, чьими силами была захвачена и столько времени удерживалась Белокаменная, следует здесь и еще присовокупить к озвученным нами 65 тысячам вражеских солдат?

Так что зря кто-то думает, что победа тогда нам досталась слишком легко.

А вот достаточно в пикантном свете освещающий наш рассказ о враждебности русскому человеку Романовых сюжет, поведанный знатоком Москвы Забелиным, о сидении в осаде поляков, вместе с которыми находились и Романовы (здесь цитируется дневник Иосифа Будило от 16 октября 1612 г.):

«...когда настал этот голод и когда не стало трав, корней, мышей, собак, кошек, падали, то осажденные съели пленных» [170] (с. 462); [435, с. 349].

Среди которых, что самое здесь интересного, Романовых вовсе не числится. Далее поляки:

«...съели умершие тела, вырывая их из земли; пехота сама себя съела и ела других, лоя людей. Пехотный поручик Трусовский съел двоих своих сыновей; один гайдук тоже съел своего сына, другой съел свою мать; один товарищ съел своего слугу; словом, отец сына, сын отца не щадил; господин не был уверен в слуге, слуга в господине; кто кого мог, кто был здоровее другого, тот того и ел. Об умершем родственнике или товарище, если кто другой съедал такового, судились как о наследстве и доказывали, что его съесть следовало ближайшему родственнику, а не кому другому. Такое судное дело случилось во взводе г. Леницкого, у которого гайдуки съели умершего гайдука их взвода. Родственник покойника, гайдук из другого десятка, жаловался на это перед ротмистром и доказывал, что он имел больше право съесть его, как родственник; а те возражали, что они имели на это ближайшее право, потому что он был с ними в одном ряду, строю и десятке. Ротмистр не знал, как сделать приговор, и, опасаясь, как бы недовольная сторона не съела самого судью, бежал с судейского места. Во время этого страшного голода появились разные болезни и такие страшные случаи смерти, что нельзя было смотреть без плача и ужаса на умирающего человека. Я много насмотрелся таких. Иной пожирал землю под собою, грыз свои ноги, руки, свое тело и что всего хуже, — желал умереть поскорее и не мог, — грыз камень или кирпич, умоляя Бога превратить в хлеб, но не мог откусить. Вздохи: ах, ах, слышны были по всей крепости, а вне крепости — плен, смерть. Тяжкая это была осада, тяжкое терпение!» [170] (с. 462–463); [435, с. 349–351].

А вот что пишет о польском людоедстве и трупоядстве попавший к нам в плен вместе и с иными защитниками Московского Кремля поляк Будило своему королю в письме уже от 14 января 1614 г.:

«...истощилась обычная пища; алчущий, нуждающийся желудок искал новой пищи, — травы и корней, которые приходилось доставать из-под рук неприятеля с опасностью жизни, а часто и с потерей ее. Истощилась и эта пища, — мы кинулись на необычную... пищу, — не щадили даже собак, — но не достало и такой пищи. Наступило затем редко слышанное, по крайней мере, скрываемое [у других], а у нас почти явное самопожирание... самопоедание до такой степени разъярило жадные и голодные пасти, что пришлось остерегаться не только неприятеля на стенах, но и в стенах своего брата; когда господин не был уверен в слуге, слуга в господине, от чего не малая часть войска погибла; когда не только живым, но и лежащим в земле трупам не было пощады» [435] (с. 359–362).

Вот что сообщает на эту тематику официальная романовская версия:

«Сидение же было таким жестоким, что не только собак и кошек ели, но и русских людей убивали. И не только русских людей убивали и ели, но и сами друг друга

убивали и ели. Да не только живых людей убивали, но и мертвых из земли выкапывали: когда взяли Китай, то сами видели, глазами своими, что во многих чанах засолена была человечина» [300] (гл. 322, с. 378).

Может, поклеп, навет или предвзятый взгляд как москвича Забелина, так и официальной версии Романовых, что сообщает о чанах с засоленным человеческим мясом, на поведение врагов, окруженных спасителями России, а может цитируемый Будилович напраслину на своих соотечественников наговаривает? Или грек Арсений Елассонский, участвовавший, как священник, в венчании Лжедмитрия, свой же столь ему родненький по духу, коль служил им исправно, польско-тушинский лагерь в людоедстве чрезмерно предвзято пытается обвинить? Может, пожирание голодными мясоедами поляками другу дружки это только лишь всем им показалось, примерещилось?

Но вот польский историк Валишевский, тщательно проанализировавший поведение своих соотечественников в Московском Кремле во время той осады, эти сомнения развеивает окончательно:

«...они выкапывали трупы, потом стали убивать своих пленников, а с усилением горячего бреда дошли до того, что начали пожирать друг друга; это — факт, не подлежащий ни малейшему сомнению: — очевидец Будзило сообщает о последних днях осады невероятно ужасные подробности, которых не мог выдумать... Будзило называет лиц, отмечает числа: лейтенант и гайдук съели каждый по двое из своих сыновей; другой офицер съел свою мать! Сильнейшие пользовались слабыми, а здоровые — больными. Ссорились из-за мертвых, и к порождаемым жестоким безумием раздорам примешивались самые удивительные представления о справедливости. Один солдат жаловался, что люди из другой роты съели его родственника, тогда как по справедливости им должны был питаться он сам с товарищами. Обвиняемые ссылались на права полка на труп однополченца, и полковник не решился круто прекратить эту распрю, опасаясь, как бы проигравшая сторона из мести за приговор не съела судью. Будзило уверяет, что возникало много подобных дел; томясь голодом, наполняя рот кровавой грязью, по словам записок, обгладывая себе руки и ноги, грызя камни и кирпичи (Будзило, Русск. Ист. Библ., I, 279, 347; Никон. Лет., VIII, 197; Муханов, Сборник, 303 и след.; Собрание Гос. Грам. П., №№ 226–257.), все эти люди, несомненно, впадали в безумие! Войны обыкновенно вызывают одичание, но нигде в других странах, даже во время жестоких войн XVI и XVII веков, не бывало в новой истории такого людоедства» [149] (с. 389–390).

Верно подмечено. Однако ж очумелость вражеского воинства, вновь посягнувшего на святыни Москвы, в совершенной точности повторится в 1812 г. Ведь отступающие французы точно также, начав с обглаживания костей падших лошадей, закончили обглаживанием костей своих товарищей. И даже тех из них, которые пока оставались еще живыми...

Но, если быть все же до конца точными, людоедство для людей за границы вообще вещь вполне обыденная. Вот, например, что творилось в той же Западной Европе в то самое время, когда у нас на Руси тоже был недород пшеницы. Но такого, что творилось на басурманском Западе, что и естественно, и близко не было, да и не могло быть, на православном Востоке:

«...никогда в северной Европе не было столь лютого глада, столь губительной язвы, как за два года до войны, воспламененной в России Димитрием; тогда находили матерей, готовых сожрать своих малюток, и с трудом удерживали их от такого злодейства. Мясом сыновей, убитых голодом, питались родители везде, безнаказанно, после того, как они переели всех кошек, крыс и других нечистых животных. Голод разорвал все узы любви, погасил все чувства природы и благопристойности. За меру

пшеницы, стоившую не более 12 су, платили 19 талеров. Но уже не хлеб, мясо человеческое лежало на рынках; туда свозили трупы кто только мог: родные продавали родных, отцы и матери сыновей и дочерей, мужья своих жен» [457] (с. 328).

Так что десятком лет ранее описываемых событий, когда поляки в Кремле жрали другу дружку, чему свидетельством котлы со сваренными в них людьми, которые обнаружили ворвавшиеся туда войска Минина и Пожарского, Западная Европа, оказавшись практически в таком же положении, пожирала саму себя. Что зафиксировано. Причем, целым рядом очевидцев событий тех лет.

Но из всей вышеописываемой истории для нас представляет наибольший интерес то удивительнейшее обстоятельство, до сих пор так пока никем и не прокомментированное, каким же весьма загадочным образом в этом кошмаре умудрились уцелеть жена и сын Филарета Романова?

То есть не только пленников, но и даже другу дружку поляки ели, как все равно не в себе. А вот Романовых, числивших себя, между прочим, именно в плену, что больше чем удивительно, никто и пальцем почему-то не тронул. Странно?

А о странности истории с Сусаниным тут и упоминать нечего: в любую выюгу проторившая себе путь огромная толпа в «60 конников» [132] (с. 223) (а каждая лошадь весит под тонну) легко, по оставленному не просто следу, но целой дороге, сумеет выйти туда, откуда тронулась в путь. Да и трудно верится вообще в необходимость подобных блужданий по бездорожью. Ведь для самого наипростейшего перемещения в какой-либо из населенных пунктов имеется обыкновенная наезженная дорога. Зачем полякам мудрить?

Тут странно другое: как мы все это время верили в странную сказку, и близко не напоминающую бль?! Нам ли, жителям заснеженной России, не знать особенностей русской зимы?

А вот что являло собою укрытие Романовых, которое каким-то весьма непонятным образом пытались «штурмовать» польских 60 конников:

«Костромская крепость представляла собой довольно мощное фортификационное сооружение... Высота башен от 5 до 7 сажень (11–15 м)... Перед валом был ров с водой шириной до 8 сажень (17 м) и глубиной около сажени» [298] (с. 363).

Крепость была прекрасно снабжена и огнестрельным оружием: пищали и тюфяки. Так что Романовым было где укрыться не только от нескольких десятков конников, якобы заведенных Сусаниным в лес, но и от нескольких не только тысяч, но и десятков тысяч неприятелей.

А вот что представляла собою иная твердыня Костромы, которую и предпочли для своей защиты Романовы:

«Ипатьевский монастырь был укреплен еще лучше, чем город Кострома. Еще в 1568 г. монастырь был обнесен каменной крепостной стеной... Стены стоят на мощном фундаменте, уходящем на несколько метров вглубь земли. Фундамент построен из валунов, скрепленных известковым раствором. Высота стен в то время составляла около 6 м, а толщина 2,1 м. Они были выложенный из двух рядов кирпичной кладки, пространство между которыми заполнено бутом» [298] (с. 364).

Причем, все было оборудовано по последнему слову фортификационной науки тех лет:

«...в арочных углублениях находились бойницы подошвенного боя... Между ярусами бойниц находились варовые щели, позволявшие защитникам монастыря лить на противника горящий вар, то есть смолу и кипяток непосредственно с галереи боевого хода...

Бойницы среднего яруса позволяли вести огонь по противнику как из небольших артиллерийских орудий, так и из ручного огнестрельного и метательного оружия (луков и арбалетов)...

Чтобы взять такие твердыни, как Кострома и Ипатьевский монастырь, нужны были достаточно большой отряд осаждающих (не менее трех тысяч человек) с осадной артиллерией...» [298] (с. 364–265).

Так что байка о Сусанине — это пропагандистская лишь сказка в пользу некоей такой якобы особой любви русского народа к этой династии.

Но откуда же эта байка взялась?

«В 1619 г. крестьянин села Домнина Богдан Собинин подал челобитную о деяниях своего тестя Ивана Сусанина Богдашкова. Челобитная эта не сохранилась, и мы о ней знаем из царской грамоты от 30 ноября 1619 г. В грамоте говорилось о пожаловании Богдана Собинина землей с освобождением от всех налогов, сборов и повинностей. Указывалась и причина: “За службу к нам и за терпение тестя его Ивана Сусанина. Как мы, великий государь, царь и Великий князь, Михаил Федорович всея России в прошлом 1613 году были на Костроме, и в ту пору приходили в тот уезд польские и литовские люди и тестя его... изымали и его пытали великими, немерными пытками, а пытали у него: где в те поры Мы... были, и он Иван, ведая про нас, Великого государя... где мы в те поры были не сказал, и польские и литовские люди замучили его до смерти” (СГГД. Часть III. С. 214–215).

Чудесная сказка Собинина понравилась царю и его матери. Зятюку дали денег и грамоту, подтверждающую геройское поведение Ивана Сусанина Богдашкова. Естественно, что никто не проверял сообщение Богдана, да и проверить их было физически невозможно. А главное, зачем? Просил Богдан немного, а польза для династии Романовых была огромная» [298] (с. 370).

Но если в те еще времена такое проверять являлось делом не простым, то сегодня, когда имеется возможность вскрыть оставшиеся от тех времен в Польше документы, эта проверка не столь уж и сложна. Ведь в мире нет нации любящей саму себя более всеобъемлюще, нежели поляки. А они о своих «подвигах» по тем временам, когда наши изменники выстлали им дорожку в любой самый сокровенный закуток своего государства, посудачить уж больно любливали. И уж о появлении под Костромой в 1613 г. какого-либо из своих отрядов просто обязаны были упомянуть. Но, увы. О том ни слова, ни полслова:

«О действиях всех без исключения польских королевских отрядов, а также “частных армий” Сапеги, Лисовского и других, хорошо известно в литературе, особенно в польской. Судьба не только их командиров, но и практически всех шляхтичей тоже известна.

За двести лет изысканий наши квасные патриоты не нашли ни одного шляхтича, который мог бы погибнуть в районе Домнина» [298] (с. 371–372).

«В Варшаве давно спрашивают: какие конкретно поляки убивали великого вашего народного героя? Так пусть в Кремле внятно ответят на этот вопрос или прекращают балаган» [298] (с. 377).

Но неужели же этот балаган так никто никогда, понимая всю вопиющую его натяжность, и не пробовал прекращать?

Очень даже пробовали. Но что толку, если правящую фамилию эта странная версия вполне устраивает?

«Миф о Сусанине был разоблачен еще в середине XIX века профессором Н.И. Костомаровым. По-видимому, крестьянин Иван Сусанин был схвачен небольшой шайкой “воров” (воровских казаков), которых немало бродило по Руси. За что же они стали пытать и замучили его до смерти? Скорее всего “ворам” требовались деньги. Ни

воровской шайке, ни даже большому польскому отряду ни Кострома, ни Ипатьевский монастырь были не по зубам. Они были обнесены мощными каменными стенами и имели десятки крепостных орудий» [298] (с. 372).

И вот еще интересный момент. Костомаровым в его «Русской истории в жизнеописаниях ее главных деятелей», на с. 372 [130], помещена картина смерти Сусанина. На ней изображен убитый крестьянин, над которым склонилась Марфа, мать Михаила Романова. И он сам, то есть юный Миша, здесь также присутствует. И даже держит за шиворот поляка. А стражники арестовывают остальных поляков. То есть относительно полученной Богданом Собининым грамоты — полная белиберда. Похоже, что эту более чем темную историю каждый трактовал на свой вкус — как ранее, так и много позднее.

А начата эта странная компания по прославлению смерти за масонскую династию царей самими же масонами:

«Дело началось с оды “Иван Сусанин”, написанной декабристом Кондратием Рылеевым» [298] (с. 368).

Затем появляется опера и либретто к ней, написанная секретарем цесаревича Александра — немцем Г.Ф. Розеном, плохо знающим русский язык.

Затем появляются картины, скульптуры и прочее: каждый пытается сочинить свою версию на то происшествие. И, судя по содержаниям сюжетов, мало кто из этих одосоставителей знаком вообще с происхождением этого мифа. Потому, ничтоже сумняшеся, в картины вплетается и сам Михаил, и его мать, и царские слуги с алебардами, вяжущие поляков, которых, что уже на самом деле, в сотне километров от Костромы в 1613 г. и в помине не было.

Однако ж Романовых, что пытаются утвердить все эти весьма разнообразные версии, очень уж любил русский народ. Потому Сусанин во всех в них герой лишь как верноподданническая принадлежность к масонской династии, являющейся продолжением гнезда патриарха Тушинского вора.

Сталинских же времен версия с шестьюдесятью конными поляками лишь завершает все это многообразие придуманных на данную тематику сюжетов.

Так что с мифом о Сусанине все становится ясно. Это лишь пропагандистская ни с чем несообразная версия, сюжет которой просто высосан из пальца — не более того.

Теперь о Романовых. Почему они решили укрыться все же в Ипатьевском монастыре, а не в крепости города Костромы?

«Дело в том, что жители Костромы вдоволь натерпелись от тушинцев и люто их ненавидели. Соответственно, приезда в город жены и сына тушинского патриарха мог вызвать эксцессы. И наоборот, игумен и монахи Ипатьевского монастыря были верными тушинцами» [298] (с. 365).

Так что если бы и действительно Русская Земля этих Романовых выбирала бы, а не семибояре с ворами и тушинскими попами вкупе, то их не только не выбрали бы Царством править, но удавили бы просто напросто, попадись они кому из простонародья под руку. Ведь происходило все это в те самые лихие годы, когда банды тушинцев, духовно окормляемых родоначальником Романовых, разоряли нашу землю и убивали живущих на ней русских людей. Потому пересидевшее у поляков осаду Москвы это семейство, очень правильно осознавая грозящую ему от простонародья опасность, и решило укрыться за стенами единомышленников из своего — тушинского лагеря.

А вот кем является священноначалие этого романовского гнездовища:

«...в конце октября 1608 г. архимандрит Ипатьевского монастыря Феодосий и игумен соседнего костромского Богоявленского монастыря Арсений отправились в Тушино, где и принесли присягу Лжедмитрию II.

...Следует заметить, что Филарет и Феодосий отлично ладили, и монастырь стал надежным оплотом тушинцев в Костромском крае» [298] (с. 365–366).

И все же — почему именно Ипатьевский монастырь, а не костромскую крепость избирают в качестве своей надежной защиты Романовы?

Ходила как-то по советским историческим опусам на эту тему версия, что Ипатьевский монастырь якобы является исконной вотчиной бояр Романовых. Но это вовсе не так: он лишь становится после их воцарения вотчиной новой династии правителей — боярских царей. Основал же Ипатьевский монастырь татарский мурза Чет, в крещении Захария, от чьего рода пошли рода Сабуровых, Годуновых и Вельяминовых. Никаких Романовых здесь поначалу и близко не было. А имели бояре Романовы, получившие под Костромой обширные владения, в самом городе.

И вот по какой причине они все же предпочли кремлю Костромы, окруженному рвом с водой с пятнадцатиметровой высотой мощнейшими стенами, Ипатьевский монастырь:

«Кострома поначалу была захвачена отрядом Лжедмитрия II. Но в начале декабря 1608 г. горожане подняли восстание. Местные тушинцы были перебиты, а их воеводу Дмитрия Мосальского-Городецкого долго пытали, а затем, отрубив руки и ноги, утопили в Волге. (Марфе эта история была хорошо известна.)

Тушинский царь отправил в Кострому карателей во главе с Эразмом Стравинским и Александром Лисовским. Поляки предали Кострому огню и мечу...

В конце февраля 1609 г. костромичи вновь восстали, однако на сей раз тушинскому воеводе Никите Вельяминову удалось унести ноги в Ипатьевский монастырь» [298] (с. 366).

Но с пару сотен тушинцев, не успевших улизнуть, костромичи все же перетопили. То есть ожесточение народа против поляков и их клеветов было здесь достаточно серьезным, что еще раз освещает все опасения своего нахождения в этом городе Романовыми. Началась осада восставшим народом Ипатьевского монастыря. На помощь осажденным тушинцам вновь был послан польский отряд:

«Но Лисовскому не было суждено дойти до Ипатьевского монастыря из-за сопротивления местных жителей» [298] (с. 367).

Вот где ода про Сусанина имела бы вполне соответствующее ей место. Ведь поляки не смогли прийти на помощь осажденным в том числе и из-за отсутствия переправочных средств через Волгу. Видать нашелся здесь свой Сусанин, и действительно патриот своего Отечества, который, прекрасно понимая замысел врага, перетопил, перепрыгал или отправил вниз по течению все имеющиеся на правом берегу в данной местности плавательные средства. Потому, не получив поддержки из Тушинского лагеря, монастырь вскоре сдался.

«Как тут не поразиться избирательности московских дьяков и летописцев! Осада Троице-Сергиевой лавры тушинцами в сентябре 1608 г. – январе 1610 г. известна чуть ли не по дням. А вот осада Ипатьевского монастыря, где монахи защищали “воров и литовских людей”, практически неизвестна.

Зададим себе риторический вопрос: мог ли тушинский патриарх игнорировать осаду Ипатьевского монастыря, не посылать туда грамот с призывами к сопротивлению и т.д.? Явно нет. Так куда же их подевали жулье — московские дьяки?» [298] (с. 367–368).

Так однобоко работает вражья пропаганда. Враги Русского народа нахально избирают в цари сына патриарха Тушинского вора. А потому компромат на своего избранника всеми силами стараются если и не изъять, что просто не возможно, то уж хотя бы подальше отодвинуть — с глаз долой. А убирать врагам было что. Шутка ли — сын патриарха Тушинского вора, стремясь избежать мести народной за своего

родителя, прячется от народного гнева не где-нибудь, но в монастыре, чуть ранее с оружием в руках отстаивающем интересы Тушинского вора и его патриарха — Филарета Романова.

Да, Марфе Романовой:

«От дважды восставших против тушинцев костромичей ничего хорошего ждать не приходилось, зато в Ипатьевском монастыре среди братии, насмерть стоящей за “царя Димитрия” и патриарха Филарета, опасаться было нечего» [298] (с. 368).

Так что очень не зря казаки, когда увидели Романовых, покидающих вместе с поляками Московский Кремль, закричали:

«Надобно убить этих изменников..!» [130] (с. 374).

Так выглядят Романовы, якобы спасшие Россию своим восшествием на трон. Также выглядит и якобы спасший их Сусанин.

А вот что говорится о действительном спасителе России:

«Дмитрий Михайлович Пожарский жил долго, но не играл важной роли, как можно было бы ожидать... Служба его ограничивалась второстепенными поручениями. В переговорах с послами мы встречаем его не более трех или четырех раз и только товарищем других... царь не считал за Пожарским особых заслуг, которые бы выводили его из ряда других... В числе других бояр он был приглашаем к царскому столу, но не особенно часто: проходили месяцы, когда его имя не упоминается в числе приглашенных, хотя он находился в столице» [130] (с. 377).

Так что истинный герой победы над самозванством, что и естественно при рассматриваемом нами облике забравшейся на царство фамилии, был оставлен в презрении и забыт. Так считал Костомаров.

Но имеется и много иное мнение, с которым достаточно сложно не согласиться:

«В 1624–1628 гг. Пожарский заведовал Разбойным приказом... В 1630–1632 Пожарский возглавил Поместный приказ — один из важнейших в государственном аппарате. В 1636–1637 гг. начальствовал Судным приказом...

...В 1630 г. начались военные реформы. В их подготовке и проведении участвовали военачальники Д.М. Пожарский, Ф.Ф. Волконский, администратор — думный боярин А.Я. Дашков» [132] (с. 229).

Так что сказать о полном забвении князя Пожарского нельзя. Но моральный облик Филарета (Федора Романова), основателя новой царской династии, от этого все равно ничуть не выигрывает.

А как же выглядит его главный соперник на троне, Борис Годунов?

Вот как характеризует его посланец Английской королевы Джером Горсей:

«Он статен, очень красив и величествен во всем, приветлив, при этом мужествен, умен, хороший политик, важен, ему 50 лет; милостив, любит добродетельных и хороших людей, ненавидит злых и строго наказует несправедливость. В целом он самый незаурядный государь... Этот князь был выдвинут прежним царем Иваном Васильевичем, который любил его так же, как и своих двух сыновей; под конец он женил своего второго сына на его сестре, это и был последний царь Федор; и еще при жизни он назначил ему [Федору] в руководители его [Бориса], усыновил его во время болезни, а также оставил ему в наследство по завещанию, утвержденному им самим [Грозным] при жизни и царским советом — после его смерти, управление царством при участии четырех других видных знатных людей царской крови, что он и делал после его смерти» [431] (с. 171).

Так что пусть кровным сыном Ивана Грозного он и не являлся, но был им усыновлен. Мало того, поставлен во главу правительства России. Это во-первых.

А теперь, что уже, во-вторых, смотрим, кем Борис Годунов был непосредственно поставлен на Царство:

«Патриарх составил утвердительную грамоту об избрании Бориса на царство, которую подписали все участники Земского Собора...» [123] (с. 118).

Потому, сначала определяем — кем был этот Патриарх.

А он был, еще в бытность свою пребывания в родном своем городе, Старице, Тверской губернии, духовным чадом отца Германа, впоследствии митрополита Казанского.

Так кем был его наставник — отец Герман?

В этом вопросе, как и в чем-либо ином, все по своим местам расставляет смерть. И вот когда могила его наставника была открыта, то она порадовала Патриарха:

«...обретением мощей Германа архиепископа Казанского, бывшего архимандрита Старицкого Успенского монастыря» [123] (с. 116).

Сам же Иов:

«...будучи Патриархом... не стяжал себе ничего, кроме святительских одежд, а все патриаршие доходы направлял на устройство церквей, монастырей и на благосостояние крестьянских сел.

...Когда же он скончался, то в его келье было обнаружено всего лишь 15 рублей, несколько икон и немного домашнего имущества» [123] (с. 109).

Так что теперь и его моральный облик для нас вырисовывается вполне конкретно. А вот чем он, как глава Церкви, препятствовал проникновению чужеземия в нашу страну:

«...Патриарх предостерегал царя Бориса от приглашения иностранных вероучителей» [123] (с. 114).

А когда в Польше объявился самозванец, как теперь выясняется, — ставленник Филарета Романова:

«...тогда Патриарх предал анафеме самозванца со всеми его сообщниками...» [123] (с. 118).

И с Федором (Филаретом) Романовым, следовательно, в том числе!!!

То есть уже два Патриарха, что нами выясняется, предали родоначальника Романовых анафеме. Вот почему эта фамилия и полутора веков не протянула — была вся перетравлена врачами-отравителями или переистреблена заговорщиками: на ней не только благословения не было, но лежало тяжелое проклятье!

Однако ж и Борис Годунов, в чью пользу говорит ко всему прочему и построенная им лучшая на тот день в мире Смоленская цитадель, долго не зажился:

«5 апреля 1605 г. царь Борис, вставши от обеда, внезапно заболел и через два часа скончался... по свидетельству Массы, доктора, бывшего при дворце, тотчас узнали, что он умер от яда» [170] (с. 459).

Но сразу после убийства злоумышленникам еще не удалось исполнить задуманное:

«...благодаря стараниям всероссийского первосвятителя Москва и войско присягнули сыну Борису — царевичу Федору» [123] (с. 119).

Но, как затем выяснилось:

«Клятва оказалась некрепкой... Патриарх умолял бояр успокоить народ, но они отстранились от активных действий, и это тоже было предательством. Мятежники ворвались в Кремль, зверски расправились с царем Федором Борисовичем и его матерью и присягнули самозванцу, называя его царем Димитрием. Святейший Иов, искренний защитник Отечества и Православия, не тронутый мятежниками, оказался в плену...» (там же).

И если Филарета самозванец возводит из простых монахов в митрополиты, то с Патриархом он поступает совершенно иначе:

«...не добившись от своих клеветов присяги от Святейшего, самозванец решил свести Иова с московского престола» (там же).

Так что совершенно не исключено, что Лжедмитрий I, предположительно бывший слуга и сотаинник по масонской части Федора Романова (или им подготовленный бастард Польского короля), мог возвести своего бывшего господина не только в сан Ростовского митрополита, но и сразу — в патриарха всея Руси. Чему помешала лишь странная смерть Самозванца.

«После низвержения Лжедмитрия святители, собравшиеся в Москве... стали просить Патриарха Иова возвратиться на свой престол. Но старец к тому времени ослеп и, как свидетельствует предание, благословил на место свое Гермогена...» [123] (с. 120).

Скончался он 19 июня 1607 г.

Теперь смотрим не на обещания, но на конкретные действия избранного почившим Патриархом на Царство законного Царя Бориса. Ну, во-первых, вот как он относился к русским людям, во множестве умиравшим в те неурожайные годы от голода. Свидетельствует Аксель Гюльденстиерне (дневниковая запись от 9 февраля 1602 г.):

«Как мертвых привезут к могиле, их принимают живущие там приказные и обмывают чисто начисто. Затем их одевают в полотно, жертвуемое царицею, причем всякая нога облекается особо, — не так, как в Дании, где все (тело) зашивается (в общий саван). Далее каждому надевают на ноги пару русских красных башмаков, и на полотне, снаружи, против лба, пришивается записка по-русски нижеследующего содержания: “...святой Николай, моли Бога, чтобы Он принял этого (мужчину или женщину)”» [415] (с. 63).

И это сверх того, что Борис Годунов постоянно из своих запасов выдавал хлеб нуждающимся, стараясь помочь голодающим чем возможно.

Однако же, что выясняется, какие-то силы вполне осознанно старались воспользоваться случившимся неурожаем. Именно с ними Борис и вел непрерывную борьбу:

«...он пытался пресечь принявшую колоссальный размах позорную спекуляцию хлебом» [160] (с. 25).

Которого в стране русских, несмотря на случившийся неурожай, было не просто много, но очень много. Огромные запасы хранились еще со времен Иоанна Грозного. Так что голод в нашей стране, самой в ту пору богатой в мире, вызван был в ту пору явно искусственно. И провести такое мероприятие по силам лишь слишком мощной и слишком широко разветвленной тайной организации. Каковой и являлось масонство, судя по дальнейшим событиям, возглавляемое в России именно Филаретом Романовым.

И если в предыдущее царствование масонам все же удалось провести реформы, ведущие, в конечном итоге, к крепостничеству, то Царь Борис с легкостью отменяет их. Он повелевает:

«...восстановить отмененное при Федоре Ивановиче право крестьянского “выхода” от своих господ в Юрьев день. Но не удалось ему погасить народного возмущения...» [160] (с. 25).

Кстати. Если у нас Царь сам принимал самое живейшее участие в борьбе с голодом, то вот как в тот же самый период обстояло с этим дело в землях, только что отошедших к Польше. Томас Хьярне, секретарь Эзельского рыцарства, вот как описывает этот период в Прибалтике:

«В 1601 и 1602 гг. Лифляндию и Эстляндию охватил столь большой голод, что это почти невозможно описать. Некоторые считают, что не более десятой части крестьян выжило. Они пытались утолить голод, поедая мертвых лошадей, собак, кошек, крыс и других подобных неестественных для поедания существ. Если они видели собаку,

которая грызла мертвое тело человека, то убивали ее и съедали. Нищие пытались утолить голод, стаскивая казненных преступников с виселиц и колес и поедая их мясо.

Путешественник, заходивший в деревни, видел их в большинстве своем опустевшими, а в крестьянских домах повсюду валялись в куче человеческие кости, с которых собаки и прочие звери обгладывали мясо. Там же бегали собаки большими стаями и нападали на путешественников, так что почти никто не смел путешествовать в одиночку. Подобную нищету усиливало в немалой мере польское войско, которое вместо того, чтобы защищать землю, вело себя так дико, что ни один турок и ни один татарин не смог бы натворить большего зла.

Vahtra, H. Piirimae. Eesti NSV ajaloo lugemik. Tallinn, 1987. Lk. 75–76» [453].

И там, что самое удивительное, никто не возмущался. Люди массово гибли от голода, и никто при этом не возмущался. У нас же все выглядело почему-то много как иначе: голодающим правитель выделяет хлеб; мало того, умерших, на свои собственные издержки, хоронит по-человечески. Но никого это ни на какую благодарность правителю не вдохновляет. Лишь все более и более ширится и растет какое-то странное всеобщее *возмущение*.

И на что такое «возмущение» походит?

Так ведь все на то же — один в один: на тщательно подготовленную мировым капиталом «революционную ситуацию» в России 1917 года! Ведь и при Николае II, как и при Царе Борисе, в нашей стране было лучше, чем где-либо еще в мире, — буквально *все!*

Но это не помогло: мировой капитал перевесил — власть в стране забрали масоны. То же самое, что теперь становится слишком очевидным, случилось и за 300 лет до этого.

Вот как при искусственно организованном голоде, что затем большевики повторяют в Поволжье, жировала революционная армия, находящаяся на постое в Тушино:

«Отовсюду привозили печеный хлеб, масло, гнали быков, баранов, гусей; водки и пива было изобильно» [130] (с. 326).

А потому, почуяв дармовщину:

«Из Литвы, Польши и Московского государства стекались толпами в Тушино распутные женщины; сверх того удалцы хватили русских жен и девиц, привозили в лагерь и не иначе отпускали, как за деньги. Иные женщины до того осваивались с веселою жизнью в лагере, что когда отцы и мужья выкупали их, то они снова бежали в Тушино» [130] (с. 326).

Но если ружье заряжено, то оно должно ведь когда-то и выстрелить. Так случилось и тогда. То есть начались массовые убийства мирного населения, столь затем знакомые нам по гражданской войне:

«...поляки и русские воры сами собою составляли шайки, нападали на села и неистовали над людьми. Для потехи они истребляли достояние русского человека, убивали скот, бросали мясо в воду, насиловали женщин и даже недорослых девочек. Были случаи, что женщины, спасаясь от безчестья, резались и топились на глазах злодеев, а другие бежали от насилия и замерзали по полям и лесам. Поляки умышленно оказывали пренебрежение к святыне, загоняли в церковь скот, кормили собак в алтарях, шили себе штаны из священнических риз, клали мясо на церковную утварь...

Такие поступки ожесточали народ. Уверенность в том, что в Тушине настоящий Димитрий, быстро исчезла. Спустя три месяца после признания Тушинского вора города с землями одни за другими присягали Шуйскому, собирали ополчения, началась народная война, стали убивать, хватать и топить тушинцев. Из Тушина посылались для

успокоения народа отряды, которые своими злодеяниями еще более озлобили народ против вора» [130] (с. 326).

И таким вот вполне революционным лагерем, полностью сходным своим вероисповеданием наполеоновцам и большевикам, на духовном уровне заправлял свой собственный патриарх. Им и был Филарет (Федор) Романов.

Но когда вора поднявшиеся на защиту своего Отечества крестьяне прогнали и его лагерь стал разбегаться, то в числе самых первых крыс с этого революционного корабля сорвался в бега его духовный лидер — лжепатриарх Филарет. Вот как комментирует течение этих событий советский источник:

«Рассказ Буссова о сговоре между **“патриархом” Филаретом Никитичем Романовым**, поляками и московской знатью подтверждается другими источниками... После побега Лжедмитрия в Калугу **Филарет** примкнул к группе московских бояр и дворян, вставших на путь национальной измены и решивших удержаться у власти с помощью польских войск» [266] (приложения: п. 147).

Буссов:

«На другой день после того, как Дмитрий второй убежал из лагеря, поляки и московитские князья и бояре вместе с **патриархом Федором Никитичем**, который был у них в лагере, созвали собор и совет о том, что теперь делать, когда Дмитрий сбежал» [266] (с. 164).

И в конечном итоге тушинцы послали к полякам под Смоленск лжепатриарха:

«...Филарета и боярина Салтыкова с товарищами в числе сорока двух человек просить на царство Владислава» [130] (с. 327).

Вот еще вариант состава этого посольства:

«...боярское правительство отправило под Смоленск к королю “великое посольство” во главе с авторитетнейшими лицами — **патриархом Филаретом** и кн. В.В. Голицыным» [416] (с. 19).

Так что если в первом случае в качестве главных лиц посольства воровского правительства назван Салтыков, а во втором Голицын, то Филарет упомянут оба раза. То есть представлен в качестве предателя все-таки самой первой степени, требующий теперь свою «бочку варенья и корзину печенья» от очередного заморского «проклятого буржуина».

Причем, что выясняется, посольство это предательское было вовсе не прочь, если вместо Владислава на русский престол взойдет и сам польский король. Ведь:

«...Сигизмунд в договоре не выразил определенного согласия на воцарение его сына в Москве и, как будет видно из дальнейших событий, намеревался сам занять русский престол. В этом плане интересно, сообщение Буссова, из которого явствует, что современники рассматривали поездку тушинского посольства под Смоленск как приглашение иностранного царя на русский престол, безразлично — самого короля или его сына, иначе — как факт национальной измены родине» [266] (приложение: п. 154).

Однако ж во главе всей этой братии, порешившей пойти на открытое предательство России — установления в стране власти иноземного государя, то есть подчинение православной страны под басурманское ярмо, что нами теперь выяснено окончательно, стоял сам Филарет Романов.

Так что развязанную им же самим неудавшуюся *красную революцию* лжепатриарх Филарет тут же, после очевидного ее поражения, кинулся «тушить» *белой интервенцией*. Потому поехал призывать поляка на русский престол. Против чего, между прочим, был Патриарх настоящий — Гермоген:

«...он наложил проклятие на изменников и призывал верных на защиту Церкви и Отечества» [269] (с. 13).

Во главе же этих изменников и стояла рассматриваемая нами столь пристально личность — лжепатриарх Филарет, поехавший звать на царство Владислава или даже самого Сигизмунда. Причем, совершенно не без на то веских оснований, опасаясь народного мятежа, в Москву этой предательской кликой во главе с лжепатриархом Филаретом запускается вражеское войско:

«...боярская верхушка настолько скомпрометировала себя сотрудничеством с врагом, что потеряла власть даже в пределах столицы. Опасения нового мятежа вынудили бояр согласиться на введение в Москву польского гарнизона. 1 октября 1610 г. Жолкевский разместил свои войска в Кремле и Китай-городе, а также на башнях Белого города» [416] (с. 19).

Русские же люди в те смутные времена, вместе со своим Патриархом настоящим — Гермогеном, арестованном впущенными в Москву Филаретом поляками, не собирались признавать ни Тушинского вора, ни его липового патриарха. А вместе с ними:

«...не хотели признавать ни Сигизмунда, ни Владислава: избавление России от иноземного ига было единственною всех мыслию» [269] (с. 13).

Чужебесие

А вот какие изменения произошли в разоренном смутами нашем государстве после передачи масонами власти их ставленнику — Михаилу Романову:

«После Смутного времени внешняя торговля России целиком попала в руки иностранного, преимущественно английского, голландского и немецкого капитала. Иностранные купцы пользовались в России широкой свободой, занимаясь не только скупкой русских товаров для вывоза и продажей ввезенных ими западноевропейских товаров русским оптовикам, но и сами продавая импортированные ими товары непосредственно русскому потребителю» [178] (с. 454).

Вот что сообщает о своих земляках, словно у себя дома хозяйничающих в Московии, немец Адам Олеарий, в 1634 г. бывший в Москве в составе голштинского посольства. Вот чей, с его слов, в те времена был Архангельск:

«Ежегодно приезжают сюда голландские, английские и гамбургские суда с различными товарами. В то же самое время собираются в путь купцы по [всей] стране, особенно немцы из Москвы, а зимою со своим товаром на санях они вновь возвращаются отсюда домой» [267] (с. 152).

То есть Москва в те времена уже являлась их домом!

Иными словами, в Архангельске своим землякам живущие в Москве немцы привозили за год собранные по нашим землям произведения нашего труда. Что и понятно, за безценок здесь скупленные в несезонье. Их и везли они через вроде бы как формально и наш, но на самом-то деле в тот период их порт, Архангельск, своим землякам для перепродажи втридорога на далекий Запад. То есть Россия тех времен превращается в самую настоящую колонию, чьи земли теперь беззастенчиво грабит инородчина, запущенная сюда царями масонами.

И всему виною вовсе не мальчик на троне. Но укативший к полякам его отец. Вот что сказано о Филарете в Советской военной энциклопедии:

«...с 1619 по 1633 фактич. правителем был вернувшийся из польского плена отец М.Ф., патриарх Филарет, официально носивший титул “великого государя”...» [108] (т. 5, с. 330).

То есть главный заказчик революции целых 14 лет находился у власти. Так что сомневаться в том, что именно он установил течение всей дальнейшей политики

государства на век вперед, более не приходится. То же самое происходит у нас и теперь, хоть главный революционер давно и сгинул от обострившегося сифилиса. Все дело в том, что его сатанинские мощи не преданы земле, но оставлены для поклонения в сатанинском капище. И пока они будут там оставаться, о возрождении нашего национального государства не может быть никакой и речи.

Но чем же была ознаменована государственная политика, когда во главе нашей Державы оказался резидент ордена Василия Великого?

Смотрим за записями *социалистов*, просто, казалось бы, собою и предназначенных исключительно для того, чтобы ругать *демократов*. Вот какими «подвигами» себя прославил избранный масонским капиталом царь.

Тут уж и советские историки не могут не позлорадствовать:

«Внутр. политика М.Ф. была направлена на укрепление государственно-политич. системы феодально-крепостнич. строя... Упрочение феодально-крепостнич. отношений было связано с... усилением эксплуатации крестьян, резким ростом гос. налогов и податей, дальнейшим юрид. оформлением крепостного права» [108] (т. 5, с. 330).

И вот какие законодательства, свирепствовавшие в ту пору, не позволяли увеличиваться населению нашей страны. Романовы на корню рубили сучок, на котором сидели:

«...за неделю до Юрьева дня осеннего или спустя неделю после Юрьева дня (*Суд. гл. 88*), крестьянин мог переходить от одного помещика к другому. При переходе крестьянин обязан был заплатить прежнему помещику пожилого за двор в безлесных местах рубль и два алтына, а в лесных 56 коп.; тот крестьянин, который жил у помещика год — при переходе платил за полдвора; за три года платили три четверти двора, а за четыре — весь двор (*Суд. гл. 88*). Законом было предписано, чтобы такой переход не иначе был совершен крестьянином, как по объявлении о том помещику, на земле которого он жил, производстве с ним расчета в пожилых и оброчных деньгах при свидетелях, в том числе и при владельце, к которому крестьянин намерен перейти. В противном случае он считался беглым и был подвергаем пене, равно и как тот владелец, который принимал его на свою землю, не объявляя о том в судебном месте» [32] (с. 417–418).

Так что законы при Михаиле уже мало чем отличались от затем добавленного его сыном Алексеем еще и полного закрепощения русского человека.

Но Алексею, между прочим, было, у кого наследовать такую «прогрессивную» форму взаимоотношений между людьми. Крепостное право, в свое время, ввел ни кто иной, как Лжедмитрий I. При его воцарении:

«...объявлен был боярский приговор, который... утверждал крепостное право...» [212] (с. 153).

Так что именно политику по отношению к русскому человеку Лжедмитрия и вводил своим правлением самый еще первый Романов!

Но если Лжедмитриям так и не удалось воплотить в жизнь заказ своих масонских хозяев, то Романовы этот пробел восполнили более чем исправно:

«Вотчинники и помещики получили право сыскивать и возвращать своих беглых крестьян... крестьяне были прикреплены к своим владельцам навсегда...» [160] (с. 56).

Как уже советские крестьяне будут затем прикреплены к своим советским колхозам.

Но и нынешние времена напоминают те еще давние совсем не менее:

«...возрастало сближение Московского государства с иностранцами...» [130] (с. 408).

И вы думаете с той целью, чтобы из России лапотной соделать индустриальную державу?

Да вовсе нет. Ведь правление Михаила–Алексея один к одному копирует уж куда как более известное нам правление и иного масонского тандема — Горбачева–Ельцина, когда вместо ракетной техники заводы сначала начинают усиленно выпускать никому не нужные сковородки, а затем вообще закрываются, якобы из-за не имения сбыта готовой продукции (все же заметим, — лучшей в мире). В образовавшуюся же нишу и впрыскивается залежалый импортный ширпотреб, избавляя от банкротства давно грешащую перепроизводством товаров за границу:

«Так, в 1634 году переводчик Захария Николаев отправлен был в Германию для найма мастеров медеплавильного дела. Иноземец Фимбрандт получил на десять лет привилегию поставить в поместных и вотчинных землях... мельницы и сушилы для выделки лосиных кож, причем запрещалось всем другим торговать этими предметами. Другой иноземец швед Коэт получил право устроить стеклянный завод близ Москвы. В 1644 году гамбуржцу Марселису с детьми (получившему еще в 1638 году право на оптовую торговлю на севере государства и в Москве) и голландцу Филимону Акему позволено устроить по рекам Шексне, Костроме и Ваге и в других местах железные заводы с правом беспошлинной продажи изделий, на 20 лет, внутри и вне государства...

На откуп от казны отдавались сборы на мостах и перевозах. Это были тяжелые для народа сборы...

Около царя были иноземцы: доктора, аптекари, окулист, **алхимист**, лекари, переводчики, часовых и органных дел мастера...» [130] (с. 408–409).

«Теперь, подражая иноземным образцам, царь и бояре в Москве начинают выезжать в нарядных немецких каретах, обитых бархатом, с хрустальными стеклами, украшенных живописью; бояре и богатые купцы начинают строить каменные палаты на место плохих деревянных хором, заводят домашнюю обстановку на иноземный лад, обивают стены “золотыми кожами” бельгийской работы, украшают комнаты картинами, часами, которые царь Михаил, невольный домосед с больными ногами, решительно не знавший, куда девать свое время, так любил, что загрозил ими свою комнату; заводят музыку...» [178] (с. 214).

То есть еще при Михаиле, когда страной фактически правил глава осуществленного масонством переворота, Филарет, было сделано абсолютно все то, что мы обычно приписываем некому такому «гению Петра». И маховик государственного самоуничтожения был раскручен до того продуманно четко и отлаженно, что разрушение Святой Руси, уже и после смерти как лжецаря, так и лжепатриарха, только продолжало набирать обороты.

И вот какие имеются подтверждения всего вышесказанного. В.С. Соловьев:

«При прежних Государях, при царе Иване Васильевиче, иноземцы никакие не служили» [178] (с. 35).

Мало того, что не служили. Вот как осторожна была Москва при общении даже с иностранными послами. Вот что сообщает, плачась о полной невозможности при посещении этой страны выведать какие-либо необходимые сведения, один из них. Даниил из Бухова (1575 г.) посол Австрийского императора Максимилиана II:

«Во время нашего пребывания в Дорогобуже нам было запрещено прогуливаться, осматривать крепости и даже говорить с проезжающими Литовскими купцами; ибо у сего необразованного народа такое ведется обыкновение, чтобы посланников иностранных государей держать как бы в заключении, дабы они не могли знать, что у них происходит» [303] (с. 13–14).

Так что даже достаточно не частых посетителей своей страны, таких как послов иностранных государств, ввиду возможного (и даже естественного) с их стороны

шпионажа, у нас встречали чрезвычайно осмотрительно. Всем же остальным выведывать наши секреты было и еще более небезопасно:

«Московия до такой степени недоступна, что никто без письменного пропуска, или не известив о своем прибытии начальников соседствующих городов, не может въехать в оную, если не хочет подвергнуть себя величайшей опасности» [303] (с. 7).

Однако ж и сама цель появления здесь этого иностранного посольства отображала боязнь поляков и литовцев всей силы русского оружия, которой могли они подвергнуться после окончания перемирия между Россией и граничащими с ними западными басурманскими странами. Они хотели, чтобы император священной Римский империи Максимилиан II:

«...исходатайствовал еще продолжения перемирия» [303] (с. 5).

Чтобы глава католических держав:

«...яко покровитель всему христианскому миру, обратил взор и на их государство, находящееся в крайней опасности» (там же).

Вот как обстояло у нас дело как с наличием в стране иностранцев, потенциальных шпионов иноверных нам государств, так и с умением вести военные действия, после чего заграница, запросившая перемирия, теперь тряслась от ужаса скорого его окончания и возобновления нами против них военных действий.

Но Русских Царей в Русском государстве сменяют глядящие в рот масонам предатели. Потому заменяют наши воинские обычаи, позволявшие некогда громить время от времени собираемые врагами антирусские коалиции, иноземными. Ключевский:

«...еще при царе Михаиле был составлен устав для обучения ратных людей иноземному строю...» [178] (с. 207).

То есть уже самый первый царь из династии Романовых начинает перекройку нашей страны на иноземный лад. И начинает с самого главного — с воинского устава.

И вот по какой причине наш устав был переделан под иноземный. Алексей Михайлович, что становится известным со слов посла Австрии барона Майерберга, выплачивает:

«Жалованья каждому иностранному полковнику — 40 руб. в месяц [табун в 80 коней или стоголовое стадо коров — на день по тонне мяса — А.М.], ... Подполковнику — 18 руб., главному начальнику над караулами (Майору) — 16 руб., начальнику конного отряда (эскадрона) — 13 руб., его заместителю — 8 руб. и корнету — 7 руб. Прочим же низшим должностным лицам, которые все Москвитяне, по 15 рублей в год...

Оттого вышло, что этих иноземцев набралась такая пропасть на Царскую службу в Москву из Германии, Батавии, Англии, Шотландии и других стран... я мог бы прочесть записанные в моей памятной книжке имена более ста иностранных Полковников, многих Подполковников и Майоров и назвал бы почти безчисленное множество Капитанов и Прапорщиков. Всем им Алексей не тяготится платить жалованье даже и задаром в мирное время...» [310] (с. 177–178).

И если самые из иностранцев даже нижние чины откушивают, как нами вычисляется, порядка 40 кг мяса в день (полковники, которых за сотню, сжирают одновременно за день по 100 тонн нашего мяса [за год — 36 тыс. тонн!]), то уже нашим рядовым, от щедрот иноземнолюбимых Романовых, перепадает лишь по семи кг на душу.

Тоже вроде бы и ничего, но, однако ж, в сравнении с целой армией пожирающих наши средства иностранцев — в 6 раз поменьше их самого что ни есть нижнего чина и аж в 170 разков, чем чинам ихним высшим. Спрашивается, как и почему могут быть такими разными зарплаты своих и чужих?

Лишь в единственном случае: если чужие и являются своими, а свои, наоборот, чужими. Другого объяснения этой странности в оплате просто нет.

Но и не только оплатой ограничивалось всевластие в России иноземцев. Учредив крепостное право, «Тишайший» вверяет свежесвященного им по рукам и ногам русского человека под иностранное ярмо. Вот что сообщает о засилии иноземщины в это царство один из пишущих о России той поры немцев. Во времена Алексея Михайловича у этих получающих по тонне мяса в день прожорливых полковников находились в рабстве целые поселения русских людей, от щедрот препожалованные им этим иноземнолюбивым монархом:

«Раньше у них были поместья. Но патриарх добился от царя того, что не желающие принимать русскую религию должны были отказаться от поместий под таким предлогом: было бы, дескать, несправедливо, если бы еретики и неверующие господствовали над христианами» [319] (с. 114).

Так чему же соответствуют устраиваемые этим самым «Тишайшим» порядочки?

Лишь единственному: иностранному нашей страны завоеванию. Лишь в таком случае турки или татары, поляки или немцы могли всецело хозяйничать на землях православных людей.

И вот к чему совершенно естественно вела эта ведущаяся первыми Романовыми попытка смены нашей религиозной ориентации:

«В старой описи дел Посольского приказа находим такое любопытное указание: в 1623 г. состоявший на московской службе голландец Фандергин представил в приказ какую-то статью “Об алхимической мудрости и об иных делах”; после того в 1626 г. он подал в тот же приказ записку “О высшей философской алхимии”» [178] (с. 220).

И это все еще при самом первом царе из династии Романовых! Причем когда из-за молодости и недалекости ума вступившего в правление царя всеми делами управлял сам Филарет — как мы заподозрили — слишком явный *масон*, чтобы этого можно было, сильно зажмурившись, как-либо попытаться не разглядеть.

То есть мы, что теперь подтверждает и сам Ключевский, попали все-таки в самую точку. Ведь даже документально подтверждается, что совершенно официально при тогдашнем царском дворе проходили занятия не чем-нибудь там еще, но *алхимией* — основной «наукой» масонства тех лет.

Вот и еще свидетельство:

«...на девятом году своего правления (1621) царь Михаил Федорович пригласил к себе на службу “архиатра” Артура Ди — сына того самого Джона Ди [алхимика при дворе английской королевы Елизаветы — А.М.]. Артур, не долго думая, согласился и приехал. Он пробыл (под именем Артемий Иванович Диев) при дворе Русского государя почти десять лет, написав в 1629 году “Химический сборник”, где крайне традиционно, в отличие от трудов своего отца-чернокнижника, изложил основы алхимии. Заставляет задуматься и то обстоятельство, что книга Фигуровского об Артуре Ди написана только по-английски.

В отчете о проделанной работе ученый бодро рапортует о том, что русский вариант книги уже в печати. Не вышла книга...» [181] (с. 281–282).

«В 1965 году в Кембридже на английском языке вышла работа Н.А. Фигуровского The alchemist and physician Arthur Dee (Artemii Ivanovich Dii) [Figurovski N.A. The alchemist and physician Arthur Dee (Artemii Ivanovich Dii). [Journal of Society for the Study of Alchemy and Early Chemistry, Vol. XIII, No. 1, February 1965], где рассказывалось о деятельности Артура Ди в Московии в качестве придворного алхимика Михаила Романова. В этом же году Фигуровский на одной из научных конференций, материалы по которой можно найти в библиотеке Института истории естествознания, сообщил, что работа должна вот-вот выйти на русском языке. Но она так и не вышла. Более того,

упомянутое кембриджское издание с подписью самого Фигуровского имеется только в библиотеке Института истории естествознания в единственном экземпляре. Возможно, воцарение в Московии Романовской династии и интриги английской внешней разведки, фактически созданной Джоном Ди, отцом Артура, каким-то образом взаимосвязаны?» http://gusnotes.narod.ru/land/text_7.html

И коту понятно, после нами уже разобранного, что и действительно — более чем явно взаимосвязаны.

«Что же руководило теми, кто приостановил выход этой работы?» — пишет О. Фомин» [181] (с. 282).

Самое обыкновенное: желание не позволить предоставить материал о своей тайной организации для ознакомления народонаселением той самой страны, против которой и ведет масонство эту все нескончаемую войну. Потому русская версия книги Фигуровского уничтожается. Причем совершенно теми же силами, которыми уничтожаются и отпечатанные Сергеем Нилусом в Троице-Сергиевой Лавре «Сионские протоколы».

Вот потому и не пропускаются в печать на русском языке документальные подтверждения о связях с масонством первых царей из династии Романовых, что многие поступки этих странных царей и по сию пору помещает в категорию слишком непонятных и даже загадочных. И действительно, как можно понять человека с тупым упоением рубящего сук, на котором он сам в это же время, приспокойнехоньки себе, так и продолжает восседать?

А ведь именно по причине несомненной своей подчиненности врагам России и произвел свой более чем странный и ничем необъяснимый поступок царь Михаил, когда горстка казаков захватывает невольничий рынок тех времен — крепость Азов. Причем даже без какой-либо подмоги со стороны Русского государства, на свой страх и риск, в течение нескольких лет успешно отбивается от полчищ осаждающих ее басурман, нанося им просто катастрофические потери. И этой их победой, что просто шокирует теперь, по каким-то совершенно странным причинам не желает воспользоваться этот странный царь Михаил. Он, видите ли, не желает: как поставить крест на этом невольничьем рынке, где распродают басурманы его же подданных, так и овладевать ключами от Черного моря, чем и является этот стратегически очень важный объект.

Причем отказывается от этого удивительно ценнейшего в ту пору подношения даже вопреки решению всеобще признанного русского законодательного органа:

«Собор большею частью говорил в пользу предложения казаков; но государь... отказался от дара казацкого, похвалив храбрых витязей за доблесть и преданность России, велел им выйти из Азова (Собрание Государевых Грамот и Договоров, III. 380)» [251] (с. 223).

Конечно же, пропаганда спихивает вину, как и обычно для нее, на «дядю». Передаваемый России Азов якобы:

«...отвергнут был двором российским» [408] (1636 г., л. 60 об., с. 51).

Но отвергнута была эта важнейшая отвоеванная у врага крепость не каким-то там безликим «двором», но самим самодержцем, каковым и являлся Михаил.

Причем, и по сию пору никакого вразумительного ответа на странность принятого тогда царем из династии Романовых решения так до сих пор и не получено. Сам же этот никем так и не озвученный поступок свидетельствует лишь о том, что интересы Михаила, густо окруженного масонами, вовсе не соответствовали интересам его православных подданных. О том и речь. Ведь усиление Русского Царства вовсе не входило в планы закулисы, которой даже не покровительствовали, но именно

подчинялись Романовы, поставленные во главу страны, что теперь более чем четко выясняется, благодаря исключительно ей.

Вот еще ничуть не менее удивительный жест. На сей раз со стороны сменившего первых Романовых уже явного масона на троне — Петра I. Вот что читаем в докладе о ничуть не менее странных поступках уже этого продолжателя данной династии из уст Кайзерлинга, посла Пруссии в России:

«Дошло наконец до того, что его царское величество не только дал письменное обязательство республике [Польше — А.М.] возвратить, в будущем 1708 году... недавно взятую крепость, со всей артиллерией и военными припасами, но даже сейчас же отправлен приказ губернаторам Полоцка и Смоленска выдать старосте Огинскому, всегда державшему сторону царя, литовский гарнизон, взятый в плен в упомянутой крепости Быхов... Послан также приказ гетману казаков, Мазепе, уступить республике взятую в свое владение, пять лет тому назад, отделившуюся в момент восстания Украину, и особенно очистить крепость Белую Церковь, в которой и повелено водворить польские войска коронной армии» [378] (с. 827–828).

То есть здесь уже отдан лютому врагу русского человека не только центр работорговли, столь удобный для распродажи плененных степными народностями русских людей, чем являлся Азов, но и целая страна, населенная русскими — Малороссия. Так что подарок туркам Азова, совершенный Михаилом, первым из Романовых, это лишь прелюдия ко всем иным подарочкам подобного же рода, доходившим до передачи целой страны, населенной русскими, восставшей и, по незнанию обстановки, перешедшей под власть находящейся под ярмом масонов Московии. Теперь эта страна, вместе с ее крепостями, ценой крови и огромных человеческих жертв отбитая у лютого врага ее жителями, переходила обратно под ярмо своих ненавистников — ляхов. Что может быть весомее вот такого вот удара в спину, совершенного царем масоном?

А явные масоны в окружении Романовых прекрасно зафиксированы письменными свидетельствами со времен того же Михаила, отдавшего туркам обратно отвоеванный и целых пять лет удерживаемый казаками Азов:

«Артура Ди на посту лейб-медика царя Михаила Федоровича сменил Венделин Сибеллиста, известный как друг Иоахима Морсия, который, в свою очередь, был ближайшим другом Иоганна Валентина Андреа, автора розенкрейцерских манифестов» [181] (с. 266).

А, конкретно, главного из них: «Химической свадьбы Христиана Розенкрейца в году 1459».

Вот как отзывается о нем Бишинг, автор перевода «Известия о поездке в Россию Вольдемара Христиана Гильденлеве, графа Шлезвиг-Гольштинского, сына датского короля Христиана IV от Христины Мунк, для супружества с дочерью царя Михаила Федоровича, Ириною»:

«Винделин Сибелиста, Comes palatinus Caesareus, много лет бывший Царским Врачом в Москве» [436] (с. II).

Кстати, лично он факт размолвки этой задуманной первым Романовым женитьбы считает надуманным:

«“Не Вера была причиною несостоявшегося брака, а только предлогом: брак был бы совершен давно, если бы победоносные Шведы, предупредив его, не завладели Данией...”

Так удостоверяет свидетель, видевший и слышавший лично сам, кроме того, допущенный и посвященный во многое, издавна доверенный Врач покойного Царя W. S. D. C. P. C» [436] (с. II–III).

А ведь и действительно: какое дело масонам Романовым, пригласившим к себе в гости на долгие годы в качестве какого-то тайного советника, а формально якобы в качестве личного врача, доверенное лицо Валентина Андреа, которое само и свидетельствует о том в вышеприведенной цитате, до вероисповедания датского принца? Ведь у всех масонов, что датских, а что российских, вероисповедание единое. Что им из-за таких мелочей кочевряжиться?

А принятый ими Голштинский принц, волею судьбы вдруг в одночасье, неожиданно негаданно оказавшийся без своей Голштинии, — это дело совсем иное. Здесь можно теперь и покочевряжиться с вероисповеданием, на которое и свалить затем свой отказ.

И вот кем был, что выясняется, этот Сибеллиста:

«Один из тайных манифестов, написанных Андреа, был напечатан в количестве 12 экземпляров и отдан Морсию для передачи “самым надежным людям”. Сохранился дневник Морсия, в котором он скрупулезно отмечал — кому передал экземпляры манифестов (это был самый первый круг европейских розенкрейцеров). Под девятым номером в списке значится Венделин Сибеллиста, в дальнейшем — лейб-медик русского царя...» [181] (с. 266).

Что подтверждается, как видим, многими письменными источниками. Вот очередной из них:

«В 1634 г. 14 августа приехали в Москву голштинские послы Филипп Крузиус и Отто Брюггеман. 19 августа, быв у государя, они подали от князя Фридерика грамоту (от 26 августа 1633 г.) верящую о себе, а 22 сентября на конференции вручили боярам другую от него же грамоту (от 9 октября 1633 г.), обещавшую присылку, **по требованию государя, доктора Венделина Зибелиста**» [267] (с. 6).

То есть не кто-то там вероломно подsunул правящим Романовым, Филарету и Михаилу, входящего в круг высшего розенкрейцерского посвящения алхимика чернокнижника, но был прислан он исключительно по требованию этого странного масонского царского тандема, с помощью коварства и интриг захватившего наследственный трон Русских царей.

Причем следовал в Московию этот выписанный из-за кордона масон чернокнижник, доверенное лицо Валентина Андреа, вместе с секретарем голштинского посольства Адамом Олеарием. О чем тот не преминул сообщить в своей книге. 28 февраля 1634 г. один из членов посольства:

«...магистр Павел Флеминг... был отправлен вперед в Новгород. Одновременно поехал вперед и **доктор Венделин** со своими людьми, вскоре затем собравшийся и дальше в путь до Москвы» [267] (с. 26).

Но и по прибытии его в Московию отношение к этому посланнику Валентина Андреа выглядит вполне соответствующе всему вышеизложенному:

«Подобно Артуру Ди, Сибеллиста пользовался особым доверием Михаила Федоровича» [181] (с. 266).

То есть страной правил этот наш всенародно избранный монарх, наложивший на этот народ сверх всего прочего еще и клятву, что выясняется, с помощью высокопосвященного масона, откомандированного в Москву братьями розенкрейцерами.

И тот даже женится именно здесь — в Москве. О чем, среди многого иного, чем он занимался и что видел в период своего пребывания в Москве, сообщает Адам Олеарий. Среди и всех иных посещений своих соседей иностранцев он также побывал:

«...у г. доктора Венделина, царского лейб-медика, на свадьбе» [267] (с. 65).

Так что устраивался здесь на жительство этот посланец главной масонской ложи розенкрейцеров достаточно основательно.

Но и покинув страну, этот алхимик не теряет связь с Романовыми:

«В 1642 году Сибеллиста возвращается в Европу, но продолжает служить политическим представителем русского царя.

В 1655 году Венделин Сибеллиста в Вольфенбюттеле издает справочник по герметическим наукам “Manuale Hermeticum”, в котором впервые публикуется “алхимическое завещание” Джона Ди. В своих примечаниях Сибеллиста пишет, что лично получил это завещание из рук Артура Ди в Москве.

В Вольфенбюттене Сибеллиста служил лейб-медиком герцога Августа. Там же, по странному совпадению, проживал и Иоганн Валентин Андреа, автор розенкрейцерских манифестов (Сибеллиста неоднократно оказывал ему врачебные услуги)» [181] (с. 266–267).

Но ничего *странного* в том «совпадении» на самом деле нет. Просто круг замкнулся: Романовы — Валентин Андреа — автор масонского манифеста «Химической свадьбы Христиана Розенкрейца в году 1459»!!!

Но связи с масонством царствованием Михаила вовсе не ограничились:

«Следующие свидетельства связаны уже с правлением Алексея Михайловича, которому свои услуги предлагал голландский алхимик Фон-дер-Гейден» [181] (с. 282).

Но и его, со временем, сменяет такой же масон. На этот раз некий Андреас Энгельхарт из Кельна, который место царского придворного лекаря:

«...занимал на протяжении десяти лет, с 1656 до 1666 года. Энгельхарт известен тем, что состоял в переписке с одним из крупнейших покровителей розенкрейцеров — курфюрстом Августом Ангальским.

Далее предоставим слово Карлосу Гили, голландскому историку — нижеследующая цитата из его сочинения “Розенкрейцеры в России в 17-м и 18-м веках”:

“Ближайшим другом Энгельхарта был старинный приверженец розенкрейцеров Кристиан Хирш, поверенный Иоганна Арндта и автор труда «Gemma Magica». Благодаря этим дружеским связям Энгельхарт являлся, без сомнения, одной из самых влиятельных фигур теософского движения Европы. Так, за два года до своего отъезда в Москву он был призван участвовать в качестве арбитра в споре между хилиастами и теософами Амстердама...

Когда в 1664 году царь Алексей Михайлович попросил его истолковать появление за год до этого кометы, Энгельхарт ответил многословным трактатом на латыни, в котором просто повторил многие астрологические постулаты розенкрейцеров. Он процитировал из Гермеса Трисмегиста положение о соответствии верха и низа...” [181] (с. 267–268).

Так что контактирование царей из династии Романовых с руководителями европейского масонства, в те времена главными во всем мире чародеями-алхимиками — вызывателями бесов, является делом постоянным — на протяжении более полувека!

А потому и следующее упоминание все о тех же связях вовсе не выглядит чем-то необычным. В 1663 году Алексей Михайлович:

«...требуется “во Гжельской волости для аптекарских и алхимических судов приискать глины”. На поиски же был послан из Москвы “аптекарских и алхимических судов мастер Пашко Птицкой”. Хорошо известно, что в это время при Аптекарском Приказе уже в достаточной степени обретались алхимики и алхимического дела ученики» [181] (с. 282–283).

Но и во времена короткого царствования Федора Романова с посещениями иностранными масонами Москвы ничего не меняется:

«В 1676 году новый царь Федор Алексеевич приглашает Энгельхарта в Москву...» [181] (с. 268).

Так что чужебесие, всю развернувшее свою сатанинскую работу во времена первых Романовых, просто шокирует. При этом, что и понятно, все русское подлежит удушению, а все иноземное навязывается в качестве эталона.

Алексей Михайлович, как сообщает о нем поляк Яков Рейтенфельс:

«...весьма точно понимает выгоды и желания иностранцев» [169] (с. 299).

Кстати, в 1656 году, вместо раздела Польши совместно с разбившей ее войска Швецией и возвращения некогда отторгнутых от России ее западных заселенных русскими своими соотечественниками территорий, Алексей Михайлович, как это ни выглядит чрезмерно странно, наоборот, нападает на Швецию. Что уж России вообще никаких выгод не сулит. Но делает это, что теперь выясняется, лишь потому, что *весьма точно понимает выгоды и желания*, что в данной ситуации, поляков (см.: [346] (с. 103)). Так что и здесь борьба за чуждые интересы пересиливает желание бороться за свои собственные.

Причем и порядочки во дворце вводятся полностью копирующие иноземные:

«...на пирах у царя Алексея во дворце во время вечернего стола “в органы играл немчин, в трубы трубили и по литаврам били”» [178] (с. 214).

А вот, в противоположность ему, как происходит обед у Патриарха Никона. Свидетельствует Павел Алеппский:

«Что особенно бросилось в глаза архидакону на этом обеде, так это крайняя скромность и благочестивая настроенность во все время обеда: тут не было ни труб, ни бубнов, ни светских песен. Как начался он молитвой и благословением обоих патриархов, так и кончился молитвой; средину же обеда занимало чтение жития св. Алексия и пение благочестивых песен» [271] (с. 26).

А вот как он поступал с присоединенными к России мусульманами. Павел Алеппский разговаривал с посланниками страны, недавно присоединенной к России:

«Они рассказывали нам, что имели прежде каменные мечети с минаретами, но что теперешний Патриарх Никон послал разрушить их» [373] (гл. 3, с. 73).

Прибавим к этому именно в эту пору, то есть в момент прихода к духовной власти в стране Патриарха Никона, непреклонное обязательное перекрещивание, как свидетельствует тот же Павел Алеппский, вообще всех попадающих к нам в плен инородцев: и поляков, и крымских татар.

Но и казанских татар крестили исключительно в тот же период:

«Патриарх Никон сообщил в этот день за столом нашему владыке патриарху, что кругом Казани живут 60 000 мусульман... Они крестятся днем и ночью» [373] (гл. 7, с. 88).

Так что уж больно не походит поведение ошельмованного масонами Патриарха Никона на поведение нашего ими также одетого в несвойственный ему костюмчик некоего «Тишайшего». Да и публика, окружавшая внука лжепатриарха Филарета, сама говорит о себе:

«При дворе составляется кружок влиятельных любителей западноевропейского комфорта и даже образования: дядя царя Алексея, ласковый и веселый Никита Иванович Романов, первый богач после царя и самый популярный из бояр, покровитель и любитель немцев, большой охотник до их музыки и костюма и немножко вольнодумец; потом воспитатель и свояк царя Борис Иванович Морозов... одевший своего питомца с состоявшими при нем сверстниками в немецкое платье; окольничий Федор Михайлович Ртищев... начальник посольского приказа... Афанасий Лаврентьевич Ордин-Нащокин; его преемник, боярин Артамон Сергеевич Матвеев, **дьячий сын**, — другой любимец царя... устроитель придворного театра» [178] (с. 217).

Вот что об этом *дьячем сыне* сообщает секретарь австрийского посольства Адольф Лизек:

«Артамон больше всех жалует иностранцев (о прочих высоких его достоинствах говорить не стану), так что немцы, живущие в Москве, называют его своим отцом...» [406] (с. 369).

И вот что сказано о взлетевшем чудесным образом прямо из *дьячего сына* в начальники Посольского приказа приемнике великовельможного боярина Ордин-Нащекина этого, по словам Лизека, отца живущих в Москве немцев:

«“Властители дум” русского общества получили свои познания от масонской премудрости и сами были членами ордена вольных каменщиков. Под знаменем пятиконечной звезды прошли: **Артамон Матвеев**, князь В.В. Голицын, “птенцы гнезда Петрова”, Прокопович, Татищев, Кантемир, князь Щербатов, Сумароков, Херасков, Новиков, Радищев, Грибоедов, декабристы, Герцен, Бакунин, Нечаев, либералы, радикалы, социалисты, Ленин.

В течение двух столетий передовая интеллигенция шла под знаменем мятежа против божеских и человеческих установлений.

Она шла от рационализма к пантеизму и закончила атеизмом и построением Вавилонской башни» [180] (с. 127).

Так что в списке, где под знаком масонской пятиконечной звезды последним значится Ленин, первым помечен ни кто иной, как Артамон Матвеев — душа великосветского придворного тех времен коллектива.

И даже масонская литература, копируя двор Михаила, при Алексее Михайловиче также совершенно официально выходит в свет. Так, например, обнаруживается в использовании двора:

«...печатанная в Литве, “Космография”...» [178] (с. 263).

И эта масонская книга, в открытую используемая при дворе Романовых, очень хорошо сочетается с масонством начальника Посольского приказа, а также еще с 20-х годов XVII в. постоянно приглашаемыми ко двору заграничными алхимиками, являющимися у придворной знати в качестве учителей.

Однако ж обнаруженная «Космография» представляет собой лишь малую часть раскапываемого нами существа того масонского айсберга, который предназначался для удушения святости Руси посредством внедрения в обиход не подозревающих никакого подвоха граждан книг по вызыванию злых духов — бесов:

«...в XVI в. на Русь уже проникли многие произведения, посвященные черной магии и астрологии, в частности произведения Альбрехта Больштедского, Михаила Скота, Раймонда Луллия и другие запрещенные “отреченные” книги (Альбертус Славный. О таинствах женских, еще о силах трав, камней, зверей, птиц и рыб. Переведен же слова от слова с латинска на словенский и написан лета Господня 1670. Отд. рукописей Гос. публ. библиотеки им. В.И. Ленина, № 2955 (известно много списков с этой рукописи); книги Михаила Скота о естествознании, на три части разделенная (обычно приложена к рукописи Альберта); Раймунд Лоллий. Великая и придивная наука богом посвященного Раймунда Луллия. Рукописный отд. Библиотеки Академии наук СССР, № 33.8.10; см. также: М. Безобразова. “О Великой Науке” Раймунда Луллия в русских рукописях XVII в. — Жкрн. Мин-ва народы, проев., 1896, №2, с. 386; Б.Е. Райков. Очерки по истории гелиоцентрического мировоззрения России. М. —Л., 1947, с. 53 и ел.; Т. Раинов. Наука в России XI–XVII веков. М.-Л., 1940; М. Сперанский. Из истории отреченных книг. IV. Аристотелевы врата, или Тайная тайных. Памятники древней письменности и искусства. Вып. 171. М., 1908; Н. Тихонравов. Указ. Соч. и др.). Такого рода переводы на русский язык имели ограниченное распространение и лишь в XVII в. [во времена прихода к власти масонской династии Романовых — А.М.] были размножены в значительном количестве экземпляров» [212] (Гл. 3).

Так что процесс обасурманивания российской правящей верхушки шел очень с давних времен. Что подтверждается и документально.

В том числе и в архитектуре.

Вот как описывает Романовское логово Олег Фомин, написавший предисловие к книге академика Фигуровского:

«Характерно, что династия Романовых берет свое начало в Костроме. Михаил Федорович был призван на Царство, когда он находился в Ипатьевском монастыре Костромы. Троицкий собор, “случайно” взорвавшийся в 1649 г., сам по себе некое темное свидетельство: золотые врата, чудом уцелевшие после взрыва, благочестиво перенесенные современными батюшками пару лет назад в музей, изображают диалог Аполлона и Платона, философа Менандра, Кумскую Сивиллу, говорящую с Христом и (sic!) **Гермеса Трисмегиста**, поскольку тот говорил о троичности Божества (остается лишь догадываться, каковы были прочие изображения собора, из-за которых потребовалось потом устраивать все это безобразия). Царские палаты отапливаются печами, сплошь покрытыми изразцами герметического содержания (правда, до сих пор не снят вопрос о времени их происхождения, а это могло бы прояснить многое): змей, распятый на древе, знак витриола в виде державы, упавшей на бок, шестиконечные звезды с соответствующими герметическими надписями» [213].

Но и не только Фомин подметил столь поразительно не русскую символику, взрастившую царствующий род Романовых. И многие иные исследователи данного вопроса отмечают, что именно к масонской символике принадлежат:

«...печи с изразцами герметического содержания в царских палатах Ипатьевского монастыря в Костроме, того самого монастыря, где среди фресок собора мы находим изображение Ермия Тривеликого — “Еруми”... В первой же комнате... ряд изразцов с алхимическими сюжетами... можно легко разобрать текст сопровождающий изображение склонившейся лютнистки: “Музыку умножаю”. Исследователям алхимии хорошо известно, что музыкальным искусством адепты называли свое “Делание”... Именно в этих палатах жил до своего призвания на царство первый из венценосных Романовых — Михаил» http://gusnotes.narod.ru/land/text_7.html

Так что жилище первого из Романовых — Михаила — соответствует уж вовсе не родоначальнику Царей Святой Руси, но родоначальнику династии иноверных русскому человеку узурпаторов, заковавших страну нашу в оковы крепостничества и попытавшихся вытравить из нее Православие всеми имеющимися у них для этого средствами.

Что подтверждают и прочие относящиеся к масонской символике детали интерьеров и иных зданий, расположенных в округе. Например:

«...находящаяся по ту сторону Волги церковь Воскресения на дебрях [алтарь этого храма ориентирован на север-северо-восток — А.М.] была построена в конце XVI в., по преданию, на английские деньги...» [213].

Дата построения указана на стене Трехсвятительского придела:

«Лето 7 158 (1650) года июня 12 день...» [923] (с. 35).

Вот как трактуется чудесное появление этих английских денег, на которые она сооружена. Они оказались:

«...вместо выписанных Кириллом Исаковым из Англии красок...» [292] (с. 4).

То есть история чем-то смахивает на сюжет из кинофильма «Бриллиантовая рука». Изобретатели этой легенды сообщают, что якобы:

«Краска эта была настолько дорогая, что за ее бочонок платили бочонком золота» [293] (с. 35).

И это все притом, что всеобщим признанным мировым центром по изготовлению красок испокон века являлась Россия! Именно по этой причине все те же англичане с

таким удовольствием скупали и скупают наши древние иконы — краска на них уж больно стойкая. Потому это они у нас должны были скупать краски по цене золота, а не мы у них.

И вот, из-за недосмотра англичан, одну из бочек золота они якобы и переправляют к нам обратно:

«...в одном из бочонков оказалось золото, которое и было пожертвовано на возведение храма» [292] (с. 4).

Так как же оно, интересно бы знать, было в ней обнаружено?

Наткнулась на него, судя по всему, таможня. А потому и пришлось купцу Исакову изобретать какую-то выгораживающую его версию, мол, я не я и хата не моя. Таможенники же и порешили, коль деньги якобы ничьи, употребить их на строительство церкви.

Но коль за английские деньги она строилась, то и архитектура почему-то оказалась там заимствованная из арсенала английского масонства. О том сообщает как ее странная ориентация (алтарь ее смотрит не строго на восток, но на север-северо-восток), так и не менее же странный интерьер:

«В каменных резных кессонах изображения зверей и птиц датируются 1652 годом. Среди них можно увидеть изображение льва... и семь цветочных бутонов на поле кессона: единорога... пеликана-неясыть — символ бессмертия... алконоста, чье изображение представляло собой птицу с головой человека в короне или остроконечной шапке... Изображение льва и единорога выполнены в горельефе, а алконоста и пеликана в низком рельефе и помещены в орнаментальные круги» [293] (с. 36–37).

Но и даже от деталей деревянного интерьера этой церкви явственно разит заграницей:

«Резной иконостас в Трехсвятительском приделе церкви Воскресения на Дебре — это выдающееся произведение резного искусства» [293] (с. 169).

О котором сказано:

«...некоторые исследователи, в частности Н.Н. Соболев, связывают появление в России нового вида резьбы по дереву с расширением связей Русского государства с европейскими странами (Н.Н. Соболев. Русская народная резьба по дереву. М.–Л., 1934. С. 90–91)» (там же).

Причем, уже сегодня, после первых публикаций материала о логове Романовых, приходят сообщения, что в Костроме обнаружены и еще два таких же северной ориентации алтаря на страны света храма. Это взорванные в 30-х гг. большевиками, с предварительного, перед самым взрывом, засыпанными подземными ходами, два Костромских городских собора:

«Любопытно, что алтари обоих храмов обращены не на восток, как это положено по церковному уставу, а на север. Почему? Легенда гласит о том, что князь Василий Ярославич во время охоты в районе Запрудни увидел чудотворный образ Федоровской Божьей Матери и к этому месту, где явилась ему икона, и были обращены алтари» [299] (с. 20).

Туда же, все по той же версии, якобы смотрит и алтарь Воскресенского храма на дебрях.

Однако же, если взглянуть на дореволюционную карту Костромы (1912 г.), то становится очевидным, что вовсе не в сторону Запрудни смотрят алтари всех трех этих странных с масонской символикой храмов.

А попытка солгать как раз и выдает лжецов с головою. А в особенности, если все же найти предмет почитания Барченко — главы масонского ордена Шамбала, арестованного вместе с Бокием в 1937 г. и расстрелянного за связь с иностранными

масонами, встреча с которыми прошла в 20-х гг. аккурат в Костроме. И может быть, именно в тех самых ходах сообщения, которые были засыпаны большевиками перед взрывом соборов (подробно см.: «Ушкуйники урочища Обираловка» (готовится к печати)).

И вот, как выясняется, в чьих храмах возносятся молитвы в указанном направлении. Страны восточных масонских сект, чьи секреты для постройки психотропной машины против русских, мавзолея Ленина, разнюхивали в Тибете и Гималаях Рерихи и Блюмкин, субсидированный Секретным отделом ОГПУ, ориентированы:

«...строго на север, туда, где, по представлению буддистов, находится блаженная земля Шамбалы...» [290] (с. 36).

Наши же Русские храмы, в отличие от сегодня обнаруженных в Костроме, вотчине масонов Романовых, смотрят всегда строго на восток. Туда, собственно, и ориентирован настоящий православный храм, в отличие от перечисленных, в Запрудне. Так что ориентирован построенный за английские деньги храм Воскресения на дебрях, и аккурат в эпоху возникновения некоего «староверчества», как и городские соборы Костромы, в сторону Шамбалы вовсе не случайно.

Но и само убранство этого храма вот какую связь с масонством имеет отобразенной в его интерьере геральдикой:

«...лепные медальоны, украшающие вход на территорию храма, изображают английских геральдических львов и единорогов, а также пеликана, кормящего своей кровью птенцов, что соответствует образу Христа на земле — причем это хорошо известный символ некоторых недружественных по отношению к России оккультных организаций... такое скопление герметической символики нигде более в России не встречается» [213].

Так что вот где было свито змеиное гнездо, откуда и навалилось на Святую Русь то страшное никем пока надлежащим образом не исследованное нашествие, которое продолжалось затем целых 400 лет.

Далее:

«Печи царских палат буквально испещрены сюжетами с подписями. Их несколько десятков (если не сотен...)» http://gusnotes.narod.ru/land/text_7.html

«...этого достаточно, чтобы опознать настоящие изображения в качестве герметических иероглифов» <http://royal-art.narod.ru/index.html>

Перечислим лишь немногие из них:

«Прежде всего привлекает внимание S-образный змей, распятый на сухом древе [XX]. Подпись гласит: “с тобою засыхаю”. Это несомненная графическая цитата из Иероглифических Фигур Фламеля. Изображение, иллюстрирующее умерщвление ртути, впоследствии столько раз воспроизводилось оккультистами, что дальше нет нужды на нем останавливаться. Также отметим двух птиц [XXI], иероглиф двойного ртути мудрецов, с подписью “верность соединяет нас”; напоминающее фламелевский сюжет со старым и дуплистым дубом зеленеющее древо под лучами солнца [XXII], подписанное: “правда и мирь соблобызастася”, что означает воздействие тайного огня; пылающее сердце за подписью “тоже івнутри” [XXIII], намекающее на взаимокорреспонденцию макрокосма и микрокосма; двенадцатиконечная роза ветров [XXIV], переделанная из шестиконечной звезды, подписана: «покажи нам пути твоя»; также просто шестиконечная звезда [XXV], которая “указует намъ путь імже ітті”. В двух последних случаях речь идет о двух особых сигнатурах на поверхности компоста, по которым оператор может убедиться, что следует правильным путем. Сам компост представлен иероглифом отмеченной сигнатурой макрокосма и микрокосма короны, внутри которой находятся две зеленых поросли. Над короной изображен пятилепестковый цветок, а над ним нечто в форме цифры 8, напоминающее

единовременно гирию весов (известный из Фулканелли иероглиф естественных пропорций сочетающихся начал) и колбу с коротким горлышком (матка, где совокупляются два начала). Надпись более чем недвусмысленна: “состоить всоединении” [XXVI]» (там же).

И т. д. Список всех этих масонских изображений с подписями слишком длинный, чтобы его здесь в полном объеме приводить. Но логово это романовское, что уже больше не оставляет никаких самых малейших сомнений, и действительно масонское.

«Если самому Джону Ди, интриговавшему против “солнечной” державы Рюриковичей, не довелось достигнуть окончательного успеха, то его сын Артур Ди (у нас его звали “Артемием Ивановичем Диевым”) непосредственно способствовал установлению “лунной” Романовской династии, происходящей от рода балтийских жрецов Криво-Кривейте, приносивших кровавые человеческие жертвы (см. напр.: Карпец В. “Вторая раса” русских Царей // Россия перед Вторым Пришествием. — М.: Общество Святителя Василия Великого, 1998. Т. 2)» [286] (с. 98).

И вот еще очень интересный момент, который отмечается в символике Романовского логова в Костроме:

«Если принять нашу гипотезу о возможности толкования текста царских палат посредством герметической символики, то станет совершенно ясной связь всех семи последовательных комнат, начинающихся кухонным сюжетом о растительном камне и заканчивающихся сюжетом о получении Алого Льва, красного государя» [286] (с. 117).

То есть конкретно: Льва Троцкого — ставленника Ротшильдов (рот шильд = красный щит) — намечаемого «Мемфис Мицраим» красного государя коммуны.

Потому удивляться параллели первых Романовых с большевиками более не следует.

И подытоживая рассматриваемую тематику, следует лишь констатировать, что:

«Связка Джон Ди – Артур Ди – Михаил Романов требует еще дополнительных рассмотрений, но уже сейчас понятно, что клятва, данная русским народом в 1613 г., скорее всего, была предана в самом своем истоке. Ведь бывает и такое предательство, когда господин предает своего слугу» [213].

Так что с пришедшими к власти в 1613 г. Романовыми, чье масонское капище находилось в их фамильном логове — Ипатьевском монастыре, все теперь окончательно проясняется. Это масонская династия, возглавленная Филаретом (Федором) Романовым — дважды лжепатриархом: что выявлено нами теперь более уж чем явно — сатанистом чернокнижником.

Вот, между прочим, в чем скрываются и причины патологической нелюбви этой странной династии к русскому человеку. Здесь же заложена и весьма удивительная патологическая влюбленность двора, то есть романовского окружения, во все иностранное. Здесь же и причины отдачи страны за границе, буквально, на разграбление.

А между тем, по определению И.С. Аксакова:

«Самодержавие, учреждение вполне народное; отрешенное от народности, оно перестает быть русским самодержавием и становится абсолютизмом» [270] (с. 24).

Так что после начала распродажи России иностранному капиталу с молотка говорить о Романовых как о Русских Царях является занятием не правомерным уже лишь в силу определения Аксакова. Если же сюда прибавить еще и полную инородность России исповедуемой двором Романовых культуры — чернокнижия, то о данной им некогда клятве не стоит более и заикаться. Клятва русскому народу в верности была нарушена этими монархами уже в тот самый день, когда на святую землю Московии лишь еще ступила в самый первый миг нога алхимика чернокнижника Артура Ди. Уже в этот момент о клятве монархам, впусившим к нам в дом сатаниста, и заикаться более не следует.

Причем, наличие романовской масонской секты именно в Костроме подтверждается еще и тем, что она там так все еще и продолжала существовать более трехсот лет спустя — даже после революции. Вот что сообщает на допросе следователю 17–18 мая 1937 г. арестованный за причастность к масонской секте Шамбалы начальник секретного Спецотдела НКВД чекист, в прошлом организатор концентрационных лагерей и «красного террора» в России, Глеб Бокия по поводу связи их тайной организации с законспирированными масонскими сектами страны:

«У меня в памяти следующие случаи: В 1925 г. мной была организована Барченко поездка на Алтай, где Барченко должен был установить связь с сектами “Беловодья” — религиозно-мистические круги в Центральной Азии, представляющие, по мистическому учению ближайшее окружение нашего центра Шамбала. В результате поездки Барченко среди местных сектантов были установлены лица, совершавшие регулярные паломничества в находящийся за кордоном мистический центр. В 1926–27 гг. Барченко ездил в Крым — Бахчисарай, где установил связь с членами мусульманского дервишского ордена Саиди-Эддини-Джибави. Впоследствии он вызывал в Москву и приводил ко мне сына шейха (главы) этого ордена. Примерно в это же время он ездил в Уфу и Казань, где установил связь с дервишами орденов Пакш-Бенди и Халиди. Кроме этого, Барченко в различное время выезжал для связи с сектантами в Самарскую губернию и **Кострому**» [290] (с. 216).

То есть если масоны Алтая и Уфы, Казани и Крыма имели с масонским центром, находящимся на Лубянке, все же разовые контакты, то масоны: Самарской области (предположительно — подземелий Жигулей), подземелий Балашихи (Бала жиги), где в Кучино устраивал попойки своей дачной коммуны масон Бокия, подземелий Люберец-Малаховки, где имел в Красково свой исследовательский центр масон Барченко, — совместно с масонами Костромы имели с центром именно *постоянные* контакты. Причем, даже не Москва или Питер представляли собой центр взаимодействия этой красной Шамбалы с заграничными своими партнерами по сатанизму. И даже не центр Подмосковского подземелья, находящийся на протяжении всего течения реки Пехорки — Балашаха (Кучино-Павлино) – Люберецы (Красково-Жуковский). Но именно какая-то уж слишком всегда провинциальная Кострома. О чем и сообщает Бокий на допросе у следователя:

«В 1926 году Барченко ездил в Кострому для встречи с представителями нашего ордена Шамбала, который должен был прибыть из-за границы» (там же).

Что там еще такого находится помимо ориентированных на север храмов, предназначенных явно для поклонения Шамбале (сам Бала), понастроенных *за английские деньги*? А также, какие артефакты, еще никем не исследованные, могут оказаться покруче покоев бояр Романовых, явно и по сию пору несущих в элементах декора масонскую символику? И что может находиться в Костроме такого особенного, что не масоны Костромы ехали в Москву для встречи с посланцем Запада, но, наоборот, все масоны мира на свою тайную встречу собирались в Костроме? То есть что находилось такого нам пока не раскрытого в наличии у секретной масонской секты Костромы, существовавшей аж до того времени, когда, в связи с подготовкой троцкистами государственного переворота, Сталину придется обрубить все эти тянущиеся еще со времен первых Романовых щупальца тайной организации?

Той самой, которая, не имея на престол никакого права, все же как-то умудрилась победить Рюриковичей и поставить на Царство в России выкормыша вскрываемой нами семьи наследных предводителей масонской секты самого Ваала (Шамбалы) — Романовых.

Но всему когда-то приходит и конец:

«Именно Кремлевский хозяин, в конечном счете, и вынес смертный приговор Шамбале» [290] (с. 182).

В том числе и тем ее адептам, которые наследуют свое масонство еще от первых Романовых. Ведь очень не зря международный сбор тайных адептов Шамбалы в 1926 году проходил именно в логове Романовых — Костроме.

Засилие иноземщины

И вот чем отмечена эпоха захвата верхних слоев власти масонами. Свидетельствует Олеарий:

«...в России все религии — “лютеранская, кальвинистская, татарская, турецкая”, кроме католической и еврейской, пользовались одинаковыми правами и не подвергались преследованиям» [277] (с. 162).

То есть практически всей иноземщине, за исключением и без того избегающих нашу страну обитателей враждебной Польши, по тем временам была дана в России «зеленая улица». А потому:

«После Смутного времени внешняя торговля России целиком попала в руки иностранного, преимущественно английского, голландского и немецкого капитала» [277] (с. 161).

И всем тем верховодствовал еще самый первый из Романовых — Михаил, который, по словам Коллинса, по-особому:

«...любил иностранцев» [404] (гл. 20, с. 32).

Что сильно заметно по его антинародной деятельности. При нем:

«Иностранные купцы пользовались в России широкой свободой» [277] (с. 161).

А потому, коль он столь странным образом благоволил к чужим, свои были крайне не довольны его политикой. И по его кончине, не понимая предательской политики правительствующего масонского дома, даже попытались убедить его наследника в необходимости прекращения этой странной любви царского дома к иностранщине:

«Торговые люди тяготились льготами, дарованными иноземцам, особенно англичанам, и в 1646 году подали царю челобитную за множеством подписей торговцев разных городов — представляли, что иноземцы в прошедшее царствование наводнили собою все государство, построили в столице и во многих городах свои дворы, торговали безошлинно, распускали своих агентов закупать из первых рук русские произведения, не хотели покупать от русских торговцев, сговариваясь, назначали на свои товары какую хотели цену и вдобавок насмехались над русскими купцами, говоря: “Мы их заставим торговать одними лаптями”» [130] (с. 409).

Но такая политика Романовых, как это теперь ни удивляет, была введена еще самым первым выкормышем Филарета — Лжедмитрием I. Он практически ежедневно:

«...приводил в сильное негодование бояр, безпрестанными упреками за их невежество и советами учиться у иноземцев» [212] (с. 167).

Учиться же требовалось, напомним, главным образом, — не ходить в баню и не умывать грязных рук после еды. Но любовь к грязной никогда не мытой за границе простиралась далеко за бытовой уровень:

«Мы знаем, что англичане платили уже только половинные пошлины; теперь они совершенно освобождались от них» [149] (с. 209).

Понятно дело, что не к одним лишь англичанам благоволил Самозванец:

«В это же время он собирался осыпать благодеяниями и польских и литовских купцов: отменить остановки на границе, неудобопереходимые заставы на дороге; отменить убыточные и досадные формальности, упразднить таможни!» [149] (с. 209).

А ведь мы, напомним, самая холодная страна в мире. К чему такое должно было привести?

А к сегодняшнему дню, когда, проехав половину наших древних территорий, от Москвы до Дивеево, на пути можно встретить лишь одно засеянное поле...

Но сегодняшний день начал подготавливаться Романовыми еще в прошлую смуту — 400 лет назад. И корни Святой Руси, узурпированной этими самозванцами, подрубались настойчиво и целеустремленно по раз кем-то намеченному плану. А отнюдь не спонтанно, как думают теперь. Потому политика самозванцев и Романовых не имеет никакого отличия. Ведь абсолютно все то же, что не успел Самозванец, с лихвой выполнил его дел наследник:

«В сознании Петра и его ближайшего окружения европейская секуляризованная культура уже заменила Веру. Человек стал обходиться без Бога, материя победила дух, и таким образом Россия встала на европейский путь развития, путь апостасийного Возрождения» [294] (с. 31).

Так что Петр — полная копия «названного» Дмитрия. А методами Филарета действует Алексей Михайлович.

Конечно же, русское купечество пыталось сопротивляться закабалению страны пришедшими к власти масонами. Но сговор в верхах рубил на самом корню все самые смелые начинания наших лучших в мире мореходов:

«Когда один русский торговый человек, ярославец Лаптев, вздумал было сам поехать за границу с мехами в Амстердам, то у него не купили там ни на один рубль товару. Русские торговцы умоляли царя “не дать им, природным государевым холопам и сиротам, быть от иноверцев в вечной нищете и скудности”, запретить всем иноземцам торговать в Московском государстве, кроме одного Архангельска, и также не давать иноземцам на откуп промыслов» [130] (с. 409).

И вот чем ответил на челобитную вступивший на престол молодой монарх:

«Вскоре по вступлении на престол Алексея Михайловича, в марте 1646 года, введена была новая пошлина на соль» [130] (с. 427).

Но и это не все:

«Вместе с пошлиною на соль разрешено было употребление табака...» [130] (с. 427).

Причем, вместе с военными приготовлениями по случаю решения правительства о начале военных действий против Польши, о чем свидетельствует Иоганн Родес в своей депеше королеве Швеции от 28 марта 1653 г., чисто силовым методом табакокурение заносилось в собираемые для военных действий войска:

«Так как военный народ (*Kriegsvolck*) на войне, по их мнению, не может быть совсем без табака, ...то упомянутый Денис получил также комиссию купить большое его количество... он будет распределен среди (*военного*) народа (*войск*). При такой мере... государственные доходы с табака, которые ежегодно простираются свыше 400 000 рублей, должны увеличиться за год свыше, чем на 100 000 рублей, за что он (*Виниус*) у Их Цар. В-ства в большой милости» [409] (донесение №31, с. 139).

Так что дутая набожность «Тишайшего», который не мог не знать, что табакокурение унесет души сотен тысяч изготавливающихся к сражениям его православных солдат в преисподнюю, прослеживается после уже такого его поступка наиболее отчетливо.

А ведь совсем:

«Еще недавно за употребление табака при Михаиле Федоровиче резали носы. Новое распоряжение обличало склонность боярина Морозова к иноземным обычаям...» [130] (с. 427).

Именно к этим же обычаям, что отмечает И.С. Аксаков, ссылаясь на «Полное Собрание Российских законов», тяготел в то время и сам глава государства:

«Русские портные ссылались на каторгу за шитье русского платья» [149] (с. 128).

Так что железом и кровью все национальное, еще при этом самом историками нам преподанном «Тишайшем», вышибалось из русского человека усиленными темпами и практически всеми для этого задействованными средствами. А еще через пару лет новое новшество заставило забыть обо всех ужасах старых: странной династией, столь усиленно тянувшей на нашу шею иноземцев, было отменено последнее, что в ту пору оставалось у русского человека — Юрьев день:

«В октябре 1648 года созванный собор утвердил Уложение» [130] (с. 432).

«Оно передавало поместье в личное владение дворян и его передачу по наследству, что уравнило в правах вотчинное и поместное землевладение.

Вводился безсрочный сыск беглых крестьян. Феодалы получили право полностью распоряжаться собственностью и личностью землепашца. Подтверждалась отмена Юрьева дня, что окончательно означало юридическое оформление крепостного права. Свободным (черносошным) и дворцовым крестьянам запрещалось покидать свои общины. Не только крестьяне, но и городское население страны обязаны были нести государственные подати. Посадские люди прикреплялись к своим посадам и не имели права переезжать в другой город» [132] (с. 180).

А для приведения в исполнение выше обозначенных пунктов этого самого Уложения в стране вводится самый настоящий террор:

«С этих пор узаконяется страшное государево “дело и слово”. Доносивший на кого-нибудь в измене или в каком-нибудь злоумышлении объявлял, что за ним есть “государево дело и слово”. Тогда начинался розыск “всякими сыски”... употребляли при этом пытку. Но и тот, кто доносил, в случае упорства ответчика так же мог подвергнуться беде, если не докажет своего доноса: его постигало то наказание, какое постигло бы обвиняемого. Страх казни за неправый и неудачный донос подрывался другою угрозою: за недонесение о каком-либо злоумышлении против царя обещана была смертная казнь; даже жена и дети царского недруга подвергались смертной казни, если не доносили на него. Понятно, что всякому слышавшему что-нибудь похожее на оскорбление царской особы приходила мысль сделать донос, чтобы другой не предупредил его, потому что в последнем случае он мог подвергнуться каре за недонесение» [130] (с. 432).

Так что этот кошмар, на столетие вперед погружавший страну в ужас, чем-то схожий с нашим послереволюционным, когда люди доходили чуть ли ни до истерики после каждого ночного шороха, опасаясь стука в дверь, изобрел вовсе даже не Петр, но его эпохи еще только предшественник, за что-то поименованный *Тишайшим*...

Может за то, что все эти свои кровожаднейшие нововведения он умудрился провести *под шумок — втихую?*

Вот какие «подвижки» в отношении русского купечества предпринял этот монарх.

Вторым пунктом, после торговли черной икрой, в России всегда стояла торговля *семгой*. И вот у кого в руках она оказывается на тот злосчастный для русского человека период:

«В Коле ежегодно ловится более 200 ластов [1 ласт — примерно — 2 т 200 кг — А.М.] семги, и (эта ловля) принадлежала лежащему на Белом море... монастырю Соловки» [196] (с. 95).

Алексей Михайлович отбирает этот промысел у своих, и отдает его иностранцам, позволяя теперь каждому из них, последовательно, пользоваться этим доходным местом по десятку лет, выжимая из него все возможное и даже невозможное.

Причем отбирает в пересказах историков якобы уж чрезмерно набожный этот монарх данное доходное место не у частного лица, но у Русской Церкви! Вот какой он был, что на поверку выясняется, «святоша».

Но и его предшественник на троне, первый еще из этой масонской династии Романовых, славился все тем же. Для прокормки имевшихся у него во множестве полицейских войск, предназначенных вовсе не для защиты от иноверных, но лишь для поддержки правящего страной кровавого режима, не особо заботясь о хоть какой либо ретуши своих деяний перед титульной православной русской нацией, этот сходный Лжедмитриям своей ненавистью к Русской вере царь прибегал:

«...к чрезвычайным налогам на монастыри...» [269] (с. 36).

Так что вовсе не Петр завел моду на обирание и уничтожение Русской Церкви. У него, что выясняется, был в данном вопросе предшественник.

Но и следующий за Михаилом сын его Алексей, что выше выяснили, тоже отбирал у монастырей имущество. Тратил же награбленное даже не на армию, которая якобы не бунты усмирляла, но с кем-то там все готовилась воевать, но на прихоти иностранцев, позволяя им грабить нас на тех промыслах, которые чуть ранее принадлежали русским монастырям. Причем перепуливали эти доходные места посаженные на наше тело упыри другу дружке как свои собственные вотчины в своей собственной стране.

Вот что пишет об этом в 1674 году побывавший в России некий Иоганн Филипп Кильбургер. Эту наиболее важную часть дохода нашей страны:

«...держал 10 лет Филипп Ферпоортен. *Но при этом ничего не выручил.* Теперь имеет ее Генрих Буденант, купец в Гамбурге, и его родственник Иероним Фрадель, голландец, живущий в Ярославле, и говорят, что *они также имеют плохую прибыль*» (там же).

Так в чем же причина такой их патологической неудачи?

А в упрямом нежелании русского человека пособничать басурманам. Все ведь дело в том, что:

«Рыба ловится русскими» (там же).

А они, что и понятно, наиболее удачный улов вовсе не спешат сдать своему этому эрзац «работодателю», благодаря Романовым пытающемуся принять посильное участие в разграблении его рыбных угодий.

И вот куда эта «излишняя» рыба «уплывает»:

«...часть товаров, идущих через Восточное море [Балтику — А.М.]... привозится самими русскими прямо в Россию на своих ладьях из Швеции через Ладожское озеро, на котором царь владеет еще приблизительно третьей частью берега...» [196] (с. 122).

То есть рыба, в массовом порядке, вывозится контрабандой — это единственное, чем может ответить русский человек на свое закабаление этими странными «русскими» царями. Взамен же ей, теми же нашими ушкуйными судами, везется контрабанда и в обратную сторону.

А вот какие странности о взаимодействии нашего русского сибирского населения бытовало с приходом этой странной династии. Вот что сообщает в 1692 г. посол Петра I в Китай Избрант Идес:

«Примерно 50 лет назад русские сибиряки имели право запастись необходимой провизией, как, например, зерном, мукой и т.д., в лежащих по побережью моря местах и свободно возить сибирские товары через Вайгач» [340] (с. 274).

Михаил Романов порешил эту статью доходов русского человека обложить непомерными налогами, а самого его вынудить за возможность питаться хлебом, который на Оби, почти до самых ее верховьев, не растет, платить чуть ли ни военную контрибуцию, как с побежденного народа — таможенную пошлину при переезде из России в Россию. Однако ж и здесь партию управителей страной, узаконивающую свое беззаконие, ждала очередная в борьбе с этим русским упрямым неудача. Русские промысловые люди:

«...провозили многие товары в Россию тайно, по другим рекам, что причиняло упомянутому величеству большой убыток... Поэтому до сегодняшнего дня в силе запрещение провозить какие-либо товары через Вайгач, можно их провозить лишь через Березов и Каменный пояс» (там же).

А если точнее, через Березов и Верхотурск, где Романовы расположили таможи для обложения непомерными данями русскую предпринимательскую деятельность. Правительственные же караваны, что и понятно, этой данью не обкладывались.

Однако ж русский мужик, что Романовых в особенности удивляло, пусть не без риска его предприятий, все ж какими-то правительству неведомыми путями умудрялся перевозить свой контрабандный пушной товар и получать за него не меньшую драгоценность для обеспечения успеха промысловых работ — хлеб.

А что промысел этот русский распрекрасно процветал не только через 50 лет после введения еще первым из Романовых запрета на вывоз мехов из Сибири, но и через 150 лет, прекрасно обрисовывает в своем исследовании ценообразования на этот товар французский дипломат Корберон:

«Многие меня спрашивают о меховой торговле в России. Думают, что меха здесь дешевле, и очень ошибаются. Они, правда, гораздо лучше, чем в Париже, но выделка здесь плохая» [389] (с. 63).

С чего бы, спрашивается, во Франции и ее окрестностях, то есть вообще в Западной Европе, где никакими горностаями, соболями и куницами никогда и не пахло, цены на меха ничуть не превышают российские?

Да потому, что контрабанда, ввиду просто невозможности легального промысла своими же товарами из-за многократно взвинченных торговых пошлин, была поставлена на очень широкую ногу. И если лучшие меха, за которые и у нас можно было получить хорошие деньги, все же оставались в России, то те меха, за которые здесь у себя хороших денег получить было не возможно, контрабандой поставлялись за рубеж. Причем, именно контрабандный товар выделан был много лучше, чем товар, сдаваемый властям практически за безценок. Но и этой особенности имеется прекрасное объяснение — Россия испокон веку славилась вывозимой из нее юфтью, то есть имела какие-то свои содержащиеся в большом секрете способы выделки кож. Потому именно контрабандный товар был не только дешевле продаваемого в Москве или Петербурге, но и много качественнее. Там, вероятно, как и многое иное, выделку кож перевели на способы, используемые за границей. Так что и здесь, пустив большую часть продажи мехов минуя официальные таможи, ничего Романовы не добились. Русский человек просто перестал пользоваться ими введенными таможами, оставив и здесь их в дураках, — только-то и всего.

Но не только пушнину и лучшую в России рыбу попытались отнять у русского человека Романовы, но и Русский корабельный лес:

«Вернер Миллер и Генрих Буденант, купцы в Москве, составили теперь с несколькими (купцами) в Амстердаме компанию и заарендовали у царя лес...» [196] (с. 106).

Но и не только лес, рыба и пушнина отбирались у русского человека законодательным порядком. Вот как Алексей наш Михайлович «спихнул» мусульманам баснословные барыши от купеческого общения с Востоком. Коту понятно, что торговля шелком на Каспийском море по сравнению с доставкой шелка на верблюдах приносит просто колоссальный доход:

«...2 тюка шелка с провозом и издержками через Каспийское море до Астрахани стоят самое более только 4 таллера. Напротив, если они его везут на верблюдах с большими затруднениями через горы в Ормуз, бывают в дороге от 80 до 90 дней и с каждого верблюда, который однако может нести только 2 тюка, ежедневно платят за

провоз и другие издержки 0,5 реала от восьми... Но русские сами не умеют в этом отношении соблюдать своей пользы и скорее тормозят персидскую торговлю. В 1667 году царь, говорят, заключил с шахом такое условие, что именно персы должны иметь в России и через нее свободную торговлю...» [196] (с. 149).

То есть нам самим, имеющим здесь, на Каспии, самые большие в мире корабли (в восемь раз своим водоизмещением превышающие океанские каравеллы Колумба), такая выгодная торговля, видите ли, вовсе не нужна: так отдадим же ее сухопутным басурманам — пусть не столь и выгодно, но хоть нашим собственным купцам подзаработать не позволим: врезать как следует предприимчивому русскому человеку и здесь по рукам — вот наипервейшая уже в данном регионе была задача «русского», на тот день, государя.

«С того самого времени персы имели свободную торговлю в Москве...» [196] (с. 149).

Но и далее шелк шел по какой-то достаточно странной кривой, проходя мимо не только народа, но и вообще всего этого взятого масонами в полон государства, прямым в иноземные порты. Вот что сообщает шведской королеве на эту тему ее представитель в Москве Иоганн де Родес:

«Я привез его из страны (*России*) свободным от пошлины и с даровым вывозом и на риск Их Цар. В-ства (*так как доставка шелка была на счет царя, и он отвечал в пределах России за его целость*)» [409] (донесение №4, с. 40).

То есть «Тишайший» и в отношении торговли шелком сделал все от него зависящее, чтобы русский человек и от выгоды своего географического положения не положил ни копейки в свой карман. Но все без остатка отдал бы иноземцам.

Однако ж и здесь, как и в случае неудачности иностранцев при откупе торговли *семгой*, конец басурманскому засилью положили наши доморощенные ушкунники. И если барыши северных откупщиков были вычищены посредством массовой контрабанды в Швецию *семги* нашими шальными людьми с Ладоги, то закрома южных басурманов, которым очередной масонский ставленник на русском троне заповедал вести торговлю в обход русских купцов, обчистил Стенька Разин. И наказал их на такую баснословную сумму, что после его стремительного нашествия они уже больше не оправались никогда. Потому торговля в Москве персами, и даже индусами, была потихонечку свернута:

«Когда теперь недавно персидский государь взыскивал с царя убыток, он, однако, не только ничего не добился, но это сделало персов такими ненавистными, что в 1673 году они потеряли всю свободу, и теперь ни один перс и индеец (так как собственно индийцы также торгуют через Персию и персидскими товарами) не смеет везти своих товаров дальше Астрахани, и теперь русские сами забирают их оттуда и производят ими в Москве свою торговлю» [196] (с. 150).

А вот что сообщается о стекольных заводах, лицензию на возведение которых тоже никому из русских людей Романовы ни за какие деньги так и не пожелали уступить. Но отдали в безвозмездное пользование иностранцам же. Голландец Витсен вот что сообщает на эту тему, посетив Московию в 1665 году:

«Стекольный завод находился в Духанине, в пяти верстах от Нового Иерусалима и в шестидесяти от Москвы (по данным, приведенным в ППК, с. 165)... дед Петра Юлиус (Julius) переехал в Россию, поступив на службу в качестве мастера по литью пушек и колоколов во время правления царя Михаила... В 1634 г. он получил от властей лицензию на строительство стеклодувного завода, но в том же году умер, не дожив до завершения строительства. Управлять заводом стал его старший сын Отто... После смерти Отто в 1660 г. место занял его сын Петр» [361] (прим. 268 к с. 188).

А вот что на эту тему сообщает швед Кильбургер в 1674 г.:

«Около Москвы есть два стеклянных завода: один из них казенный, и называется Измайловским (в селе Измайловском). Сим заводом управляет один итальянец, по имени Мингот, который славится своим искусством и делает довольно чистое стекло. Другой завод называется Духанинский, в 40 верстах от города и заведен одним человеком, по имени Юлием Койетом» [437] (с. 197).

Так что и эта область народного хозяйства, что выясняется, была также отдана иноземщине. Как умудрились втемяшившие нам в голову басни о некоем таком «Тишайшем» наши примилейшие историки обвести нас и здесь вокруг все того же пальца?

Так что пик распродажи нашей страны оптом и в розницу приходится аккурат еще на самых первых из Романовых. Но почему же эта мрачная атмосфера тех времен так и не отложилась чем-то по-особому вызывающим и не вяжущимся со всем ходом русской истории? И почему же мы так просто и легкомысленно все же прохлопали этот очень нелицеприятный для тех же Романовых в нашей истории момент?

А все дело в том, что атмосфера с засильем у нас иностранщины, весьма странно столь усиленно десятилетиями все протаскиваемая в законы этими странными басурманообожательными эрзац Российскими царями, все так и продолжала буксовать, несмотря на все постоянно увеличиваемые иностранцам поблажки. Да и сами они сообщают, что обстановка их у нас проживания с каждым днем становилась все взрывоопаснее:

«Гости — царские комерц-советники и факторы неограниченно управляют торговлей во всем государстве... а так как однако они не в состоянии одни одолеть так далеко рассеянной торговли, то назначают во всех больших городах одного, двух или трех из живущих там знатнейших купцов, которых под видом царских факторов заставляют пользоваться, хотя не именем, но привилегиями гостей... это замечает и хорошо знает простой купец, потому и говорит плохо о гостях, и можно опасаться, что если когда-нибудь произойдет бунт, то шеи всех гостей будут свернуты...» [196] (с. 164).

Вот до какой степени доходила «народность» существовавшей при этом самом «Тишайшем» власти. Власть, что выясняется, уже тогда была практически мало чем отличима от сегодняшней.

Но этот странный нами разбираемый «по косточкам» монарх, какой-то просто пацифист до мозга костей на троне, даже рудники — и те, что выясняется, разрабатывал лишь себе в убыток. Свидетельствует все тот же Кильбургер:

«...возле Олонца Колонца, недалеко от озера Онеги, к карельским границам, 5 или 6 лет тому назад открыт рудник и до сих пор с большим убытком разрабатывается самим царем. Теперь этим рудником управляет нидерландец Денис Иовис, который прежде служил в шведских медных рудниках в Лапландии» [196] (с. 165).

Вот она — настоящая любовь Романовых — любовь к иностранцам. Они готовы им раздавать все и вся. Причем, если это только выгодно иностранцам, даже себе в убыток.

Вот еще пример подобной же любви. На 228 версте от устья реки Мезень нашли еще два стратегически важных месторождения медной руды. И что же?

«Эти оба места лежат на 18 миль одно от другого и, говорят, они оба вместе с вышеназванным рудником возле Олонца в 1674 году были отданы царем с привилегиями Петру Марселису, и при этом было обещано, что будут просить у датского короля рабочих» [196] (с. 165).

А вообще данному иностранному штрейкбрехеру от железодельной промышленности принадлежали заводы:

«...в Тульском, Каширском, Олонецком и Костромском уездах, на реке Ваге и Шексне» [348] (прим. 17 к с. 10).

Подтверждает передачу немцам на откуп этого нашего вроде бы как исконно русского оружейнического искусства в нашем исконно русском городе Туле, если мы все так пока и отказываемся верить словам шведа Кильбургера, поляк Яков Рейтенфельс:

«Железные рудники разрабатывают на счет и трудами немцев близ города Тулы. Само железо... вывозят в необработанном и совершенно сыром виде за пределы государства, а оттуда получают железные изделия» [365] (гл. 2, с. 382).

Так что деградация, то есть изъятие в железный век железа из рук русского человека, продолжилась. А захватившие в свои руки наши разработки немцы ничего путного из добываемого железа произвести не могли. Потому лишь переправляли его за кордон в качестве лома.

Закрепляет данную особенность Романовых по безвозмездной передаче нашей железорудной промышленности в руки иноземцев немец Шлессинг, описывавший события Московии десятилетием позже Рейтенфельса:

«...приблизительно в 8 милях от Москвы находится знаменитый железный рудник, где работает очень много немцев, шведов, французов. И с каждым днем их сюда выписывают все более...» [319] (с. 114).

Но начало отъема русской промышленности в пользу заграницы началось вовсе не во времена Шлейсинга, Рейтенфельса и Кильбургера, но куда как много ранее. Еще во время своего первого путешествия в Московию с голштинским посольством, что произошло в середине 30-х гг., Адам Олеарий сообщает об отданных на откуп все тому же иноземцу, но еще в царствование предыдущего нашего царя масонской династии, Михаила, наших Тульских железоделательных заводов:

«Этим заводом по особому контракту, заключенному с ним великим князем, заведует господин Петр Марселис... Он же ведет еще и иные крупные торговые дела в Москве» [267] (с. 158).

Но 30-е гг. — это еще не предел начала разграбления наших земных недр алчной заграницей, запущенной этими предателями Родины, усаженными на трон нашими врагами — сторонниками Лжедмитриев и польских королей и королевичей. Тот же Олеарий сообщает, что:

«...лет 15 тому назад, в известном месте в России некто указал также золотую жилу, но не сумел устроить рудник, вследствие чего не только не обогатился, как предполагал, но, напротив, стал бедным человеком» (там же).

И этот «некто», что понятно без всяких комментариев, был тоже иноземцем.

То есть недра наши этими странными царями раздавались в дар вообще кому ни попадя — только бы не достались своим. К русскому же человеку вот какие меры воздействия применялись этими якобы народными царями. Юрий Крижанич вот что сообщает на эту тему в своем пересказе путешествия в Московию в 1641 г.:

«...можно представить себе насколько угнетается народ боярами, так как они стараются (заставлять) работать в своих полях в течение всей недели, так что крестьянин принужден затем работать по воскресеньям и по праздникам [О работе по воскресеньям и праздникам (кроме Благовещенья) см. у Поссевина, с. 106]. Князь же, сознавая необходимость этого, принужден и сам притворно скрывать все это. А когда греки увещевают его соблюдать праздники, он делает вид перед народом, что ни в чем не расходится с греками» [306] (с. 29).

Грекам можно увещевать столь обожествляющего заграницу монарха. Иностранцам, после перехода в стране власти к Романовым, нечего было опасаться ни за свое имущество, ни за свою жизнь — они при них становились полноправными хозяевами

подставляемой под безжалостное разграбление страны. Своим же хоть чем-либо перечить этому западолобивому монарху было достаточно небезопасно:

«...тех, кто говорит ему о чем-либо подобном, он имеет обыкновение заточать или бросать в такое место, что никто не может уже знать потом, жив ли тот (заключенный), или умер» (там же).

Конечно же, пусть несколько и перегибают палку по части «тюрьмы народов» обнаруженной ими в Московии Крижанич с Поссевино — лучше б глянули, что в то же самое время творилось у них самих. А у них самих крестьяне земли вообще не имели. Потому, если у нас обманом можно было все же вынудить доверчивого мужичка сделать, понятно дело, во имя своего же государства, а не какого-то там барона, чего-либо лишнего в несоответствующий для таковых работ день, то там у них процветало самое изощренное из всех видов рабства. Неимущий человек за человека вообще не считался. А потому был используем лишь исключительно в качестве рабочей скотины. О чем Крижанич с Поссевино упоминать не слишком-то и стремятся.

Однако ж дыма без огня не бывает. И если крестьянский быт был от иноземцев в России все-таки далек, то те, кто имеет возможность что-либо пусть и попытаться возразить государю, были у них на виду. Потому, после каких-либо попыток склонить царя выполнять в первую очередь все же свои обязанности по укреплению государства, а не по его развалу, отдавая все и вся на откуп иноземщине, человек такой оказывался в оковах, а чаще вообще куда-то пропадал. О чем и свидетельствуют иностранцы.

И как выглядит на этом фоне внушенная нам сказка о необыкновенной добродетельности якобы самого что ни есть народного нашего избранника — Михаила?

Что-то не слишком он и смахивает на манекен «отсутствующего царя», каким его, следуя как раз нашим историческим опусам, изображает Солоневич («Народная монархия»).

Но и следующий за ним Романов к русскому человеку расположен явно не был. О чем свидетельствует, например, тот же Кильбургер:

«В России, почти около Москвы, находятся теперь три железных завода.

Первым и наибольшим владеет, **как наследственным и собственным**, Петр Марселис. Он датского происхождения... и в этом году заплатил своему родственнику Томасу Келлерману за $\frac{3}{4}$ части заводов 20 000 рублей» [196] (с. 166).

То есть инородцы и иноверцы чувствовали себя в те времена в России лучше, чем дома — перекупали друг у друга все, что им только заблагорассудится, куражась друг перед другом дурными деньгами, сколоченными этими басурманами от наживы на средствах производства русского человека и его страны.

Здесь же следует отметить и ту простую деталь, что именно у металлистов во времена Алексея Михайловича была самая высокая среди всех иных профессий зарплата.

Однако ж, как отмечает все тот же Кильбургер, не в коня корм:

«Льют там пушки, самые большие в 18 шиффунтов... были они отправлены через Архангельск в Голландию и там, на испытании, вскоре треснули...» (там же).

Так что не выдержала испытания даже такая мелюзга! И это в стране Андрея Чохова, отливавшего еще почти за век до этого вдвое большие — 320-пудовые орудия...

«В XIX–XX веках в России и за границей сложилось мнение, что допетровская артиллерия была технически отсталой. Но вот факты: в 1646 году Тульско-Каменские заводы поставили Голландии более 600 орудий, а в 1647 году — 360 орудий калибра 4,6 и 8 фунтов». Вот что нам на эту тему свидетельствует «Энциклопедия вооружений».

О рекламациях, понятно, ни слова. Так что странная склонность к чужебесию этого нашего лишь «под шумок» и гадающего России «реформатора» теперь высветилась и еще куда как более непредвзято.

Теперь слушаем рассказ о нашей артиллерии сотней лет ранее. Посол в Московию императора Максимилиана Иоанн Перштейн, например, сообщает, что Иоанн Грозный:

«...имеет до двух тысяч пушек и множество других орудий, из коих некоторые изумительно длинны и столь широки и высоки, что самого высокого роста человек, входя в дуло с надлежащим зарядом, не достает головою до верху. Узнал я об этом, между прочим, от одного немца, который сам это испытал при осаде Полоцка, продолжавшейся не более трех дней (Тут, в примечании к тексту, находится примечание, взятое из Неаполитанской рукописи, в коем сказано: “tre hore” [три часа] — прим. переводчика), в каковое время крепость эта, известная своими оборонительными сооружениями, была вся уничтожена, при таком пушечном громе, что казалось небо и вся земля обрушились на нее» [321] (с. 18).

Вот как выглядели некоторые из этих орудий. Свидетельствует посол Дании в Московию Ганс Ольделанд:

«Здесь же стояли две огромные пушки, каждая в три сажени длины... [2, 13360 м x 3 = 6, 4 м — А.М.] причем жерло одной пушки в диаметре было 9 четвертей, другой же 6 четвертей локтя» [320] (с. 295).

И вот что на фоне нами изложенного можно слышать из уст немцев, не понявших политики национального предательства «всемирно избранных» Романовых:

«— А русские сами не знают горного дела?»

— Нет, совсем не знают. Впервые открыли этот рудник немцы [этот рудник основали не немцы, а русские — прим. переводчика], и еще по сей день он находится в их наследственном владении...» [319] (с. 114–115).

То есть пушки и колокола, на несколько порядков превосходящие иностранные аналоги, русские льют. А вот горного дела, при этом, якобы не знают. Понятно дело, что немцам, после совершенно ничем неоправданного получения ими в дар наших отечественных железорудных заводов от этого странного масонского рода «Русских» царей, остается лишь предполагать, что сами мы в разработке своих полезных ископаемых якобы ничего не соображаем. Оттого-де и передали свои стратегически жизненно важные предприятия за границей (точно так Ельцин весь наш обогащенный уран Америке отдал: пусть бомбят нас — а нам самим его для своих ракет не надо — мы любим Америку).

А вот еще очередное упоминание немцев, столетием позже накрепко запамятовавших о высказываниях своих же соотечественников, о нашем несомненном по части артиллерии превосходстве не только их самих, но и вообще всех. Конрад Буссов сообщает, что у Бориса Годунова имеется:

«...в изрядном количестве артиллерия в несколько сотен пушек крупного калибра (каковых немало у них в стране, и они такой огромной величины, так великолепны и красивы, что здесь, у немцев, этому едва можно поверить)...» [266] (с. 84).

И это, напомним, пишут о нас враги. Что же о нашем лучшем в мире оружии могли написать друзья?

Но друзей у России, кроме ее армии и флота, к сожалению, нет и не было никогда не только за границей, но и в самих пределах Российской империи. По крайней мере, за последние 400 лет...

Потому лишь их пропаганда нам пробуравила все уши.

Но и она, как ни странно, сообщает все о том же: о нашем несомненном техническом превосходстве над всей этой упорно выписываемой царями масонами инородчиной.

А пытаются нам теперь втереть миф о научившей-де нас чему-то такому особенному со стороны все той же немчуры, что выясняется, ничего путного по тем как раз давним временам и делать не умеющей.

Шведский резидент и торговый представитель Швеции в России, Иоганн Родес, сообщает в своей депеше от 23 марта 1652 г.:

«После моего последнего (*письма*) были снова посланы в Онегу (Onega) против границ Вашего Кор. В-ства 10 — 12 000 мушкетов. Мушкетов делается все больше и больше; их заготавливается весьма большое количество, однако при пробах, говорят, **почти половина разрывается**» [409] (с. 101).

А потому, как свидетельствует итальянец Вимена да Ченеда:

«...Великий Князь был принужден в 1654 году купить у [иностранцев — А.М.] купцов 40 000 ружей и столько же панцирей с прочею аммунициею и некоторое число пистолетных курков, а в 1655 еще 60 000 ружей» [412] (с. 434).

Вот еще пример. Ведь что там пушки, запоротые на сооруженных датчанами заводах или вырожденчество немцами наших на весь свет знаменитейших Тульских заводов в производство по изготовлению железного лома. Что там, в конце-то концов, через один запарываемые мушкеты, а потому покупаемые после этого сотнями тысяч за границей. Вот какое «искусство» демонстрирует здесь у нас запущенная этими чужебесами иностранщина по производству куда как много более примитивного вида военной техники — холодного оружия:

«Сабельные клинки. Их делается не так много, и они совершенно плохи» [196] (с. 167).

Та же «Энциклопедия вооружений» сообщает и о клинках, продаваемых нами за границу много ранее прихода к власти в России «Гишайшего». Причем в очень больших количествах. В ту еще пору рекламаций на них, что и без комментариев понятно, не поступало. Но как оккупировали басурмане нашу промышленность, так и в данной области мы тут же превратились в банановые острова.

То есть вновь полная аналогия с сегодняшним днем, когда мировая атомная держава, мощнейшая во всем мире, лишь в малый перестроечный миг превращается в аналог Гвинеи Бисау.

И вот чем, в конце концов, закончилось это попугайничание. Полустолетием позже вот что сообщает о подобного рода заводах в наличии у России датский посол Юст Юль:

«...при вступлении царя [Петра I — А.М.] на престол по всей России не было (ни одного) железного завода и (ни одного) русского оружейника для холодного оружия» [322] (с. 213).

То есть отнюдь не гению Петра мы обязаны их наличию в его времена, но низведению нашей железорудной военной промышленности под ноль при его предшественниках.

Но что там клинки, запоротые закордонными бракоделами:

«Ковали у него также маленькие якоря, какие употребляются на Оке и Волге, но так как из-за ломкости железа имел ими малый сбыт, то такие товары были прекращены» (там же).

Что на такую бездарную деятельность главного загрязняющего экологию столицы завода скажешь?

Да гнал бы царь такого вот «специалиста» от своей метрополии взашей. И чем быстрее, тем лучше — вреда меньше успеет натворить: бракованных пушек, сабель и даже морских якорей. Уж их как можно умудриться загубить? Обыкновенная железяка...

Однако ж, вместо этого, Алексей Михайлович продолжал расцеловывать своих заграничных шарлатанов в самые интимные места. Чем же руководствовался при этом наш этот странный масонами воздвигнутый управитель?

Очень похоже, что тем же, что и нынешние — *развалом страны!*

Потому находим о последующей судьбе на редкость бездарного немца следующее:

«Марселис по сегодняшний день не платил со своих произведений ни одного геллера, ни десятины, ни пошрины, ни каких других налогов. Царь даже подарил этому заводу в наследственную собственность 400 крестьян... Привилегии кончились теперь в этом году; но лишь только просили продолжения, царь их опять продолжил на 20 лет» [196] (с. 167–168).

А вот и еще подобное подобным:

«Другой железный завод принадлежит тоже немцу, по имени Тильман Акема... Этот завод, подобно предыдущим, не только совсем свободен от налогов, но также пользуется от царя 200 собственными крестьянами» [196] (с. 168).

Но и здесь ничего сложнее якорей не выпускается — руда-де не та.

«Павловский — третий и собственный царский завод лежит в 52 верстах от Москвы, по дороге в Клин... но он плохой важности, потому что руда идет из болот. Мастер там наемный и служит он у Марселина.

Впрочем найдена еще железная руда в 90 верстах по эту сторону Архангельска... но в нынешнее время не употребляется» [196] (с. 168).

Такая вот у нас в деле выплавки металла наблюдается безрадостная картина во времена воцарившейся масонской династии, которой удалось взобраться на трон с помощью прекрасно организованной масонами кампании по «выбору Царя».

Ох, как эта картиночка напоминает и сегодняшнюю, когда встал в Москве, вместе с тысячами подобных ему по всей стране, один из крупнейших и наиболее рентабельных заводов мира, с передовой технологией, — завод «Серп и молот». А по всей стране???

А вот как эти иностранные «специалисты» ведут разработки железорудных жил:

«Рудники лежат на ровном поле... Не знают никакой гидравлики, но как скоро вода идет в рудник, они занимают другой и большую часть каждый год переменяют так рудники» [196] (с. 169).

А на что такая «умность» закордонских «специалистов» походит? Где мы про подобную методу «производственной необходимости» уже слышаны?

Точно. Такое мягко говоря безхозяйственное отношение к нашему народному достоянию, в данном случае к недрам, полностью походит на поведение двух друзей из детской книги Носова «Незнайка на Луне». Там им было лень мыть посуду. А потому они грязную складировали в одну комнату за другой. Посуды и комнат оказалось в достатке. Так они и жили себе годами, словно нами рассматриваемые подобного же рода «рудокобы».

И вот что в особенности отличает получающую все возможные и невозможные льготы эту «ученую» заграницу от русского человека, сильно удивляющегося затеям непонятной царской династии:

«Ни на одном из тех заводов не делается **стали**, но в разных местах крестьяне делают и то и другое — железо и сталь — маленькими ручными раздувальными мехами и причиняют тем значительный ущерб Марселину и Акеме» (там же).

«По такой же причине перестали они ковать [даже — А.М.] гвозди» [437] (с. 202).

«...также кочедыки, сапожные шила и другие мелочи делаются крестьянами и продаются в Москве» [196] (с. 169).

Так вот для чего этот царствующий масон столь упорно десятилетиями подпитывал убыточные заводы бездарных иностранцев. Он вел упорную борьбу с русским человеком за возможность обладания железом в железный век.

Но русский человек, что самое удивительное, даже кустарь, все-таки сумел изгнать со своего рынка бракоделов иностранцев, несмотря на все потуги правителя, пытающегося им помочь всеми силами — как возможными, то есть объяснимыми всякими там мифологическими «целесообразностями», так уже и просто неприлично невозможными. Это когда кустари-одиночки своими изделиями даже не соперничают, но разоряют производства целых заводов, в которых самим же государством для подрыва деятельности своих же мастеров вколачиваются в одностороннем порядке просто астрономические средства.

Так дело обстояло по части выплавки стали в стране.

И здесь, в заключение, очень кстати повторить сочинительство немца Шлейссингера, побывавшего в России и своими глазами прекрасно видевшего остававшиеся еще к его времени наши гигантские пушки и ничуть не менее гигантские колокола:

«— А русские сами не знают горного дела?

— Нет, совсем не знают...» [319] (с. 114–115).

И вот как они его «не знали». Как только появляются первые демидовские, то есть наши отечественные, заводы на Урале, вот как все та же заграница, в данном случае англичанин Джон Перри, оценивает соотношение в качестве выпускаемого железа наших уральских предприятий к предприятиям европейским, отданным на откуп иноземцам:

«В Сибири находится несколько железных заводов, и привозимое оттуда железо за доброту свою ценится весьма высоко: его в России продают втрое дороже, чем всякое другое железо» [336] (с. 54).

А «другим» в ту пору, когда уже теперь Петром, наследником дел Михаила и Алексея, русский промышленник в европейской части России оказался полностью вытеснен иностранцем, включая теперь и плавящих сталь кустарей, и было аккурат железо иноземцев: Иовисов и Акем, Марселисов и Келлерманов. И бракоделами они продолжали оставаться лишь потому, что тайны изготовления железа им никто из русских мастеров так и не раскрыл. Сам же уровень западного образца техники, что мы теперь прекрасно видим в сравнении с нашим, был в те времена ох как еще и не на высоте.

Кстати, само по себе наименование стали дамасской вовсе не означает изготовление ее исключительно в этом городе. Вот например что пишет о способах отделки седел русскими мастерами во времена Ивана Грозного англичанин Энтони Дженкинсон:

«Седла их... золотятся, украшаются **дамассковою** работою и покрываются сукном или сафьяном» [400] (с. 128).

То есть секретами *дамасской стали*, судя по всему вышеприведенному, обладали, являясь наследниками культуры этого теперь далекого от нас города, лишь мы.

Кстати, вот в чем заключается наше извечно никем и не оспариваемое: «а какой же русский не любит быстрой езды»:

«Покраям седла привешиваются маленькие барабанчики, по гулу коих бегут лошади их гораздо быстрее» (там же).

Теперь становится понятным, почему на тройке всегда любил кататься с бубенцами. Это очередное изобретение русского гения, в очередной раз куда-то упрятанное историками, позволяло гонять на наших санях с такой скоростью, которая иностранцам и не снилась. Так что даже и тут нас историки оболгали и обворовали как и во многом минном.

А вот что говорится о попытке учреждения полотняных предприятий. С разрешения все тех же западолюбивых Романовых, как свидетельствует швед Кильбургер, хлопчатобумажная:

«...фабрика поставлена на реке Пахре, в 20 верстах от Москвы, там, где река сия впадает в Москву-реку, и заведена одним немцем Иоганном фон Шведеном» [438] (с. 359).

И что же из этого мероприятия у Романовых получается?

«Хотя московские немцы в прошедшие годы устроили в стране и пустили в ход несколько заводов и мануфактур... до сих пор не могли с пользой продолжать суконного производства. Иоганн фон Шведен, известный в Москве купец, до этого привез туда суконщиков, но на производстве получился такой убыток, что он должен был отпустить обратно мастеров» [196] (с. 171).

Так что и здесь западомания правительства потерпела полное фиаско от русского кустаря-одиночки.

Но почему даже и здесь немцы, что называется, «пролетели», словно фанера над славным городом Парижем?

Так ведь сказано же: *привезли своих мастеров*. А ведь для успешной работы высокооплачиваемых специалистов, что распрекрасно известно, требуются еще и низкооплачиваемые работники — подмастерья.

Но если за нашими границами люди согнаны со своей земли, а потому и готовы работать за любые самые жалкие копейки, то у нас задарма работать никто не соглашался — у нас порядочки с границей диаметрально противоположные.

Потому-то немцы, не найдя себе чернорабочих, так быстренько и разорились.

И с обесермениванием армии, некогда лучшей в мире, тоже все было начато еще в правление этой столь падкой до границы династии каких-то странных царей-самоубийц, в лучшем случае, то есть с чуть менее безнадежным диагнозом, — извращенцев-мазохистов:

«В 1630 началось формирование полков “нового строя”. Резко возросла численность дворянского ополчения...» [108] (т. 5, с. 330).

«Всего за три с половиной года было сформировано десять полков нового строя общей численностью в семнадцать тысяч человек» [225] (с. 31).

И все это:

«...при значит. сокращении служилых казаков» [108] (т. 5, с. 330).

Дальше — больше. Уже при Алексее Михайловиче, что и вообще в деле реформации в военной области никаких «лавров» Петру не оставляет:

«...вводились постоянные солдатские полки “нового строя”. Они комплектовались по общегос. наборам из крестьян и посадских людей...» [108] (т. 1, с. 145).

«С 1658 по 1661 год в три набора была собрана в солдатские полки пятьдесят одна тысяча человек» [225] (с. 31).

И вот для каких нужд эти наемные войска, столь несвойственные нашему изначально народному государству, формировались:

«...укрепление власти самодержавия, его защиты от крестьянских выступлений требовали создания послушной, дисциплинированной армии» [132] (с. 176).

То есть создание жандармских формирований было начато вовсе не Петром, но еще Филаретом, продолжено Михаилом, а закончено Алексеем Михайловичем. Что производилось, чисто по Пестелю, исключительно на тот случай, если народ вдруг не пожелает забираться в изготавливаемое для него стойло добровольно. И все это было заретушировано благовидным предлогом — модернизацией войска для борьбы со

степью, извечно тревожащей наши рубежи. Но вот какими «новшествами» была оттеснена степь:

«В 1635–38 была установлена и усовершенствована Большая засечная черта...» [108] (т. 5, с. 330).

То есть ничего нового для обороны, но лишь изменение порядка прохождения службы, где добровольные защитники заменялись поставленными под ружье призывниками. И вот здесь был применен и новый вид войска. Именовалось оно *дворянским*. И его боеготовность, словно средневековые вассалы Запада, теперь должны были поддерживать в надлежащем состоянии русские крестьяне, переходящие в подчинение этим феодалам на узаконенном Филаретом основании. То есть ту самую систему, которую теперь именуют крепостничеством, что так прекрасно помогала Западу в борьбе со своим «перенаселением», начал вводить еще Филарет.

«Следствием повсеместного введения писцовых книг было окончательное укрепление крестьян за землю; по указам прежних царей крестьяне могли, в известных случаях, переходить от одного помещика к другому; при Михаиле они были приписаны к земле в полном смысле...» [269] (с. 36).

То есть страна наша после этого «новшества», то есть обыкновенного повторения последствий крестового похода Запада против славян Шотландии и Ирландии, Померании и Реймской области, выглядела под стать тем православным провинциям, которые оказались разгромленными и разграбленными вторгшимся туда (а может быть и впущенным, точно так же, как затем и у нас — с черного хода) неприятелем. То есть победили они уже эту Восточную Русь, на этот раз вовсе не в поле, где наши воины всегда были непобедимыми. Их, на этот раз, победили изнутри — поставив масонскую династию для управления нашим государством. Причем абсолютно так же, как затем поставят масона Горбачева, которого сменит на посту все такой же филаретообразный масон Ельцин. А участь страны, сменившей производство ракет на производство сковородок, читаема. А потому силы МВД, за счет резкого сокращения сил обороны, все также подозрительно быстро растут.

Все то же было и тогда — при первых Романовых.

Потому и само наше воинство, став полностью полицейским, начинает выглядеть несколько своеобразно:

«Иноземные солдаты с этих пор составляли уже неизменную принадлежность русского войска. Они вели себя дурно и делали всякие насильства жителям. Правительство хлопотало о приезде в Россию иноземных как служилых, так и торговых людей. Русские купцы с неохотою смотрели на такой наплыв торговавших иноземцев. Еще в 1632 году псковичи просили государя, чтобы немцам запретили торговать в Пскове, но их просьбу не уважили. Подобные челобитные подавались и от других городов; роптали на иноземных купцов, которые ездили по всему государству в силу жалованных грамот, повсюду торговали, а при этом вели тайно безпошлинную торговлю... Русским торговцам делался подрыв.

Позволяя иноземцам торговать по всему государству с большими льготами, правительство старалось забирать, по возможности, разные предметы торговли исключительно в свои руки, в ущерб русским торговцам. В 1635 году правительство взяло себе монополию торговли льном и прислало из Москвы гостя скупать в Пскове лен по той цене, какая была указана в Москве. “Тогда, говорит современный летописец, — было много насилий и грабежа; деньги дают дурные, цена невольная, купля нелюбовная, и во всем скорбь великая, вражда несказанная, ни купить, ни продать никто не смеет мимо гостя, присланного из Москвы”. Подобное делалось в 1642 году по производству селитры, присвоенному себе казною. Посланный для этой цели Андрей Ступишин покупал для селитры золу и недодавал за нее денег, да еще,

стакнувшись с таможенными откупщиками, задерживал крестьян, привозивших золу, придирался к ним под разными предлогами, сажал в тюрьму и бил на правеже» [130] (с. 408–409).

Так что это безжалостное выколачивание любыми способами из русских людей денег вошло в систему даже не при Петре, но много ранее и представляло собою систему борьбы этого эрзац русского государства, захваченного масонами Романовыми, с его народом. Вот, например, что сообщает в 1675 г. проезжавший через Московию голландец Бальтазар Койэтт. В своем рассказе он упоминает о русских людях:

«...которые были арестованы за неплатеж податей, и поэтому ежедневно получали много ударов палками по ногам...» [395] (с. 355).

«...это так больно, что лица, получающие удары, часто громко кричат» [395] (с. 498).

Где же мы про такое изуверство слышали?

Так ведь Петр I в 1718-м году издал приказ о том, как следует в его палаческом государстве поступать с должниками. А он гласит:

«на правеже дворян и дворянских детей бить до тех мест, покамест с должники не разделаются» [32] (с. 473).

Однако ж еще самым этим таким «Тишайшим» в его «Уложении» это избиение было введено и узаконено. И уже к 1675 г. Койэтт сообщает, что:

«Такое наказание называется “поставить на правеж”» [395] (с. 498).

То есть даже это зверство, просуществовавшее затем более столетия в качестве последствия кем-либо произнесенного мазахистического ухищрения того страшного века «слово и дело», изобретено даже не Петром, но «Тишайшим».

«...несколько лет тому назад был издан закон, по которому обвинитель, не имеющих законных свидетелей, особенно в уголовном деле, сам прежде должен перенести пытку. Если обвинитель вынесет пытку, то обвиняемый обыкновенно находится виновным; если ж пытки он не вынесет, то наказывается тем же, что потерпел бы обвиненный» [395] (с. 530).

Причем, любимейшее занятие Петра, вырывание ноздрей, что выясняется, принадлежит тоже не ему, но его предшественникам. Что подтверждает все тот же Койэтт:

«Есть еще много других наказаний для преступников и злодеев, например, вырывание ноздрей, батоги и кнут...»

У палача в руках кнутовище, к которому прикреплены три ремня из жесткой необработанной лосиной кожи; ими он бьет так сильно, что каждый раз выступает кровь и спина становится до того кровава, точно с нее содрана кожа. Обыкновенно наказуемым приходится выдерживать таких ударов 20, иногда и 30, после чего они всегда падают в обморок, а иногда и умирают на месте» [395] (с. 498).

Но уже и при следующем из Романовых, Федоре Алексеевиче, все творящиеся при его отце зверства продолжались. Койэтт описывает несколько казней, где опытные каты просто ужасают мастерством своей страшной работы:

«Этот человек, которого так страшно мучили, не сознался, однако, ни в чем, прежде чем его стали бить кнутом... Им бьют с такою силою по голой спине, что каждый удар проникает сквозь кожу и оставляет глубокий рубец в мясе, из которого вытекает кровь. Палач так опытен в этих ударах, что каждый раз бьет по свежей части тела, не трогая два раза того же места. Этого мучения обвиняемый не мог вынести...» [395] (с. 510).

Так что же мы из этих свидетельств узнаем?

Что русского человека в те времена обирали и били, если он не хотел уступать, то есть если не снимал с себя последнего зипуна в пользу этих странных иностраннолюбивых царей. А статьи его доходов изымались:

«Разные городские занятия подвергались отдаче на откуп в пользу казны. В том же Пскове, например, где казенная торговля льном возбуждала такие жалобы, квасники, дегтяры, извозчики и байники (банщики) были на откупу и притом с торгов — с наддачею» [130] (с. 409).

На что такое походит?

Так ведь на систему отъема зерна у колхозников большевиками, прекрасно использовавшими в своем грязном деле, что выясняется, опыт первых Романовых, под таким же красным стягом с такими же целями ведущими в ад некогда самую во всем мире святую страну.

И не Ленин первым изобрел институт заложников. Но Алексей Михайлович — наследник «славных дел» лжепатриарха Филарета и его сына — лже-выбранного якобы русским народом лже-Русского царя Михаила:

«...по царскому указу в Москву для работ на Китайгородской крепости велено было отправляться мастерам каменных и кирпичных дел из Вологды. Царь строго наказывал вологодскому воеводе: “А которые учнут хорониться, сыскивать жен их и детей и метать их в тюрьмы, покамест мужья их не объявятся, и, учиня им наказание за укрывательство, выслать их к Москве. А буде тех каменщиков и кирпичников воеводы не вышлют и какими-либо мерами начнут их укрывать, и за тем наши каменные и кирпичные дела станут, и тебе от нас, великого государя, быть в опале и жестоком наказании, а поместья ваши и вотчины мы, великие государи, укажем отписать на нас, великого государя”.

Ремонт крепости был закончен в 1681 году при царе Федоре Алексеевиче» [179] (с. 124).

Бодяга же вся эта, когда Алексей Михайлович пытался впервые в истории России ввести институт заложничества, столь затем прекрасно используемый как петровскими, так и ленинскими комиссарами, свирепо наблюдающими «за добрым порядком», напомним, тянулась еще с 1658 г. То есть на протяжении более чем двух десятков лет русский человек тогда пытался противиться, каким-то нам теперь неизвестным образом, красному молоху филаретовской революции. Здесь несколько более четко проявляется деятельность нашего «Тишайшего», указывая на то, почему его эпоха не позволила русскому населению России увеличиться, но спустя половину столетия так и остаться на месте: все вновь рождаемые люди в его эту «тихую» эпоху куда-то странным образом тайно исчезали. Теперь начинает хоть несколько проявляться — куда.

Так что насчет личности Филарета Романова, что выясняется, — зачинателя петровской революции, становится все ясно.

«По-прежнему в эти годы правительство старалось об удержании жителей на своих местах, гонялось за беглыми, водворяло на прежних местах жительства. В случае второго побега виновных стали теперь ссылать в сибирские города...

...Безпресстанные побеги показывают, что крестьяне владельческие были не довольны своим положением. Они во множестве уходили под покровительство монастырей... Дворяне и дети боярские жаловались, что их крестьяне и холопы, убегая от них в монастырские имения, приходят назад и подговаривают других крестьян и холопей к побегу, а иногда и сжигают владельческие усадьбы» [130] (с. 409).

То есть русский человек, почувствовав на себе все возрастающее давление со стороны светских властей, стал уходить под защиту своей Матери — Церкви. Потому явно ведущее прамасонскую политику правительство Романовых (что просматривается теперь уже более чем отчетливо), порешило ввести законодательства, ограничивающие права русского духовенства:

«...Алексей Михайлович... создал Монастырский приказ, лишил Церковь прав, принадлежащих ей...» [255] (с. 224–225).

Странно такое слышать о «Тишайшем». Однако ж если пристальнее взглянуть на его воспитателей, приставленных к нему замутившим всю нами вскрываемую историю Филаретом, то удивления сами собою отпадут:

«Кто воспитывал царевича, кто влиял на него? Во-первых, конечно, отец и дед, во-вторых, приставленные к нему наставники: Б.И. Морозов, затем Ф.М. Ртищев, затем духовник Стефан Вонифатьев — все это *грекофилы*, можно сказать антинациональны...» [253] (с. 295).

Но, на самом деле, воспитатели Алексея вовсе не были исключительно грекофилами. Вот что о них же сообщается в более поздние времена:

«К кругу *латинников* принадлежали достаточно влиятельные при дворе люди: ...окольничий Федор Ртищев, свояк царя Борис Морозов...» [112] (с. 102).

Так что не были Ртищев и Морозов, что выясняется, никакими ни грекофилами, ни латинманами. Все они, совместно с Филаретами—Иосафо—Иосифами и Михаилами—Алексеями—Федорами, страдали единственной болезнью, и сегодня наиболее распространенной в правящих кругах — от Грефа до Чубайса — чужебесием.

«Придворные сторонники западной культуры, как Морозов и Ртищев, дорожа немцами... привечали греков и киевлян, как церковных учителей, и помогали Никонову предшественнику, патриарху Иосифу, который тоже держался обновительного направления вместе с царским духовником Стефаном Вонифатьевым...» [178] (с. 243).

Но и все уже столько раз оговоренные признаки обмирщения высших кругов того еще допетровского общества вновь всплывают на поверхность:

«Алексей Михайлович, воспитанный западником Морозовым, весьма интересовался виршеплетством, пытался и сам писать стихи (письмо Ромодановскому), и к тому же был любителем театра... В 1672 году он поручает Артамону Матвееву договориться об устройстве театра с немецкой слободой. Во главе дела стал пастор Иоганн Готфрид Грегори, который начал театральные представления в этом же году в летней резиденции царя, в селе Преображенском» [149] (с. 141).

А ведь за подобные-то штучки, да по правилам св. 6-го Константинопольского Собора, что проходил в городе Труле, вот что нашему этому якобы «святоше», якобы чемпиону мира по отбиванию поклонов (якобы по тысяче кряду), полагается. Правило за №81 гласит:

«Святой Вселенский собор сей совершенно возбраняет быти смехотворцам, и их зрелищам, такожде и зрелища звериные творити и плясания на позорищи. Аще же кто настоящее правило презрит, и предастся которому либо из сих возбраненных увеселений: то клирик да будет извержен из клира, а мирянин да будет отлучен...» [171] (с. 104).

Но не только где-то еще на отшибе за немецкой слободой баловался западническими поветриями, за что должен был подвергнуться отлучению от Церкви, наш якобы самый набожный на Руси правитель. Но уже и в самом центре Москвы, в самом Кремле, обнаруживаются эти модные сооружения, в виду более чем реального существования которых следует серьезно призадуматься в правоте разнесенной пропагандой некой такой особой набожности этого «Тишайшего»:

«**Потешный дворец** — место, где происходило комедийное действо при царе Алексее. Эти западно-европейские зрелища мирно уживались с преданиями русской старины, но человека 60–70 гг. XVII столетия еще шокировала эта близость православной церкви к игрищам нехристей-немцев...» [169] (с. 170).

И когда эти игрища уже были вынесены из подмосковного села в сам Кремль, то такое соседство сорока сороков с капищем Вельзевула и действительно не могла не шокировать московского обывателя, напомним, еще той набожной — допетровской Руси.

А пристрастие Алексея Михайловича к западным увеселениям отмечают в своих записках о тех времен Московии и сами немцы. Вот что сообщает на эту тему, например, в своем «Полном описании России» немец Шлейссинг. Алексей Михайлович, с его слов:

«...также держал при своем дворе много немецких музыкантов и комедиантов» [319] (с. 113).

Но вот еще какими темными делишками увлекалось высшее общество при нашем таком «Тишайшем» царе, якобы замоленном сверху донизу и чуть ли ни днюющем и ночующем в церкви:

«С. Полоцкий, А. Энгельгардт и С. Коллинс предъявляли ему свои астрологические выкладки... (Богданов А.П. Симонов Р.А. Прогностические письма доктора Андреаса Энгельгардта царю Алексею Михайловичу//Естественнонаучные представления Древней Руси. М., 1988. С. 151).

...царь приглашал на службу ко двору и Адама Олеария в качестве астронома, которого москвиты считали злым колдуном (Иконников В. О культурном значении Византии в русской истории. Киев, 1869. С. 554).

“Астрологическими аллегориями все более насыщалась придворная поэзия — орации, предназначавшиеся для дворцовых празднеств и включавшие в основном общеизвестные чиновникам государева двора понятия и символы. Некоторые из таких сочинений содержали прямые указания на прогностические возможности астрологии” (Богданов, Симонов. Прогностические письма доктора Андреаса Энгельгардта царю Алексею Михайловичу. С. 153)» [253] (с. 280).

Вот какими поветриями был наполнен двор при Алексее Михайловиче.

И как же выглядела эта его столь странно не православная деятельность на фоне его напускной набожности?

«Церковь всегда относила волхование и ворожбу к тяжким грехам, однако, убеждаемся, что “альманашная премудрость” проникла, и в высшую церковную и светскую среду» [253] (с. 281).

Причем, имеются тому и письменные доказательства. Например:

«День 3 и 4, то есть пяток и суббота добро и по взору планид имеют во обою действие, то есть во отворение жил и рожечное кровопускание доволство (В июне 1664 г. благоприятными днями, как установил Коллинс, были 3-е и 4-е числа. О.Р. Хромов обнаружил сведения о том, что 3 июня Алексею Михайловичу действительно делалось кровопускание, см.: “Выходы государей царей и великих князей Михаила Федоровича, Алексея Михайловича, Федора Алексеевича всея Руси и самодержцев”. М., 1844. С. 420. Из этого следует, что астрологические расчеты Самуила Коллинса учитывались при проведении кровопусканий Алексею Михайловичу)» [403] (с. 209).

Так что слухи и басни о мировом лидерстве по отбитию поклонов царем Алексеем, а также его смиренному простаиванию чуть ли ни сутками в храме, слишком преувеличены. Ведь именно гадательная наука является основным искусством халдеев Вавилона, стоящих на службе не у кого-нибудь, но у самого Ваала — бога нечистот и нечистой силы. Там же находится и сооруженный воспитанником Матвеева и Морозова *потешный дворец*, представляющий собою уже чисто материальные доказательства построения в Кремле, цитадели Православия, языческого капища. По-соседству, между прочим, с Дворцовым Судным Приказом.

Так что общество при Алексее Михайловиче разлагалось.

Не менее ускоренными темпами, что и расставляет в данной истории все точки над *i*, разлагался и труп почившего патриарха Иосифа, духовно окормлявшего весь этот безпредел. Вот что пишет об этом сам Алексей Михайлович.

Все придворные от его трупа куда-то поразбежались, хоть и должны были, что соответствовало чину почившего патриарха, быть при нем, проводя непрерывные службы у его тела. А остался лишь один, читающий Псалтирь. Да и тот трясся от страха, когда царь к нему подошел. Да и было с чего — труп разлагался буквально на глазах. Вот что на укор Алексея Михайловича ответил этот священник:

«...страх нашел великий, в утробе у него, святителя, безмерно шумело, так меня и страх взял; вдруг взнесло живот у него, Государя, и лицо в ту ж пору стало пухнуть: меня и страх взял, думал, что ожил, для того я и двери отворил, хотел бежать”...а вот и при мне грыжа грыжа-то ходит очень прытко в животе, как есть у живого; и мне пришло помышление... побегу ты вон, тотчас тебя, вскоча, удавит! И я, перекрестясь, взял за руку его, света, и стал целовать... Да в ту ж пору как есть треснуло у него в устах, и я досталь испужался, да поостоялся, так мне полегчало от страха...» [178] (с. 48).

Так разлагался патриарх. Что-то подобное его необычайно быстрому разложению следовало наблюдать и в том московском обществе, которое историками почему-то общепризнанно считать чуть ли ни святым.

И в довершение этой нам ранее не видимой упрятанной за пропагандой политики последователей Филарета Романова следует обратить внимание и на пестуемый им порок:

«Пьянство, покровительствуемое правительством...» [130] (с. 409).

То есть даже напойная казна Петра не является его собственным изобретением, но лишь наследием «славных дел» лжепатриарха Филарета, порешившего узаконить спаивание русского человека.

Понятно дело, нам нелегко понять, а в особенности сегодня, когда русским людям, вместо работы, кругом и всюду предлагается необычайно дешевое спиртное и страна за счет такой государственной политики практически спилась, что искони на Руси никогда пьянства не бывало. Ведь вот как здесь обстояло по данной части еще во времена Иоанна Грозного. Генрих Штаден, враг Ивана Грозного, вот что сообщает об основном отличии быта в Московии иноземцев, по тем временам просто врожденных алкоголиков:

«Во дворе он волен держать и кабак: русским это запрещено, у них это считается большим позором» [289] (с. 122).

То есть пьянство на Руси, о чем свидетельствует даже наш более чем явный недоброжелатель, во времена Ивана Грозного считалось большим позором. А вот что получал ежедневно все тот же Генрих Штаден после поступления на русскую службу:

«1 ½ ведра (Spann oder Eimer) меда...» [289] (с. 131).

Вот еще высказывание о времяпрепровождении иноземных наймитов, находящихся на русской службе:

«Войсковые офицеры живут весьма праздно, ибо, если они не в походе, у них нет никаких дел, кроме лишь того, что они по утрам должны приветствовать князя, стоящего во главе посольского приказа, да и то не всегда. В остальное время они ходят друг к другу в гости и проводят целые дни в курении табака и попойках» [352] (с. 127).

Так что о пьянстве иностранцев нам было распрекрасно известно, а потому белый человек, то есть русский, всю эту шушеру чухонскую закупал на службу себе исключительно за огненную воду. Без которой она, эта шушера, жить, что и сама подтверждает, в ту пору просто не могла.

То же засвидетельствовал и Михалон Литвин — иной враг нашего государства:
«В Московии... нигде нет кабаков» [288] (с. 78).

То есть строго запрещено корчмарство — спаивание русского населения страны (иностранцам, находящимся у нас на службе, пьянство не возбраняется). Потому Михалон Литвин на такое сетует:

«А так как москвитяне воздерживаются от пьянства, то города их славятся разными искусными мастерами; они, посылая нам деревянные ковши и посохи, помогающие при ходьбе немощным, старым, пьяным, [а также] чепраки, мечи, фалеры и разное оружие, отбирают у нас золото (московские седла и уздечки имелись даже у литовских великих князей (Хорошкевич А.Л. Русское государство... С. 28))» [288] (с. 78).

Но и Герберштейн, половиной столетия спустя, утверждает все то же:

«русским, за исключением нескольких дней в году, запрещено пить мед и пиво» [287].

А вот что сообщает на эту тему побывавший в Московии в 1581 г. посланник папы римского Паоло Кампани:

«Пьянство среди простого народа карается самым суровым образом, законом запрещено продавать (водку) публично в харчевнях...» [399] (с. 83).

Несколько позднее посол Австрии при царе Федоре Иоанновиче, Николай Варкоч, подтверждает это. В Московии его времен (1593 г.):

«...опьянение считается гнусным состоянием» [397] (с. 35); [452] (с. 166).

И даже в смутные времена Московия обходится без спиртного. Вот что об этом сообщает иной враг нашего государства — поляк Маскевич:

«Москвитяне наблюдают великую трезвость, которой требуют строго от вельмож и от народа. Пьянство запрещено; корчем или кабаков нет во всей России, негде купить ни вина, ни пива... Пьяного тотчас отводят в бражную тюрьму, нарочно для них устроенную (там для каждого рода преступников есть особенная темница), и только чрез несколько недель освобождают из нее, по чьему-либо ходатайству. Замеченного в пьянстве вторично, снова сажают в тюрьму надолго, потом водят по улицам и нещадно секут кнутом, наконец освобождают. За третью же вину, опять в тюрьму, потом под кнут; из под кнута в тюрьму, из тюрьмы под кнут, и таким образом парят виновного раз до десяти, чтобы наконец пьянство ему омерзело. Но если и такое исправление не поможет, он остается в тюрьме, пока сгниет» [428] (с. 56).

И вот откуда взялся этот сохранившийся до самого завершения смутных времен порядок в Русском государстве по отношению к горьковскому дну, столь сегодня ставшему для наших уничтожаемых им городов и особенно деревень привычным:

«...такая строгость была введена Борисом Годуновым, который не терпел пьянства» [428] (прим. 52 к с. 56). Однако же именно патриархом Тушинского вора, в очередной раз подтверждая всю гниль сущности этого масонского ставленника, и вводится пьянство в России. Которое и поддерживается им до самой его смерти в 1633 году.

Но вводится им не только пьянство, о чем теперь мы узнаем (*пьянство, покровительствуемое правительством*), но и табакокурение, появление которого у нас затем будет переписано на Петра I:

«...по предложению патриарха [Иоасафа], великий князь в 1634 г., наряду с частными корчмами для продажи водки и пива, совершенно запретил и **торговлю табаком и употребление его**» [267] (с. 181).

Что мы из этой фразы узнаем до боли знакомое в странности повторения нашей истории?

Так ведь нынешний наш патриарх аккурат и является водочно-сигаретным магнатом. Ведь аккурат на этом же «бизнесе», который он скопировал у патриарха еще того — Тушинского вора, он «наварил» 4 миллиарда долларов!!!

Так что история вновь повторилась.

Повторилась и фальшивая война времен «перестройки» якобы за народную трезвость, когда под корень были уничтожены виноградные плантации страны. То есть уничтожено вино нормальное, а введено, взамен, использование для изготовления веселящих напитков некачественных технических спиртов, определенный процент которых составляют так и вообще — яды. Потому счет отравленного насмерть таким способом народа уже переваливает за миллион.

И что же мы теперь обнаруживаем?

У нашего нынешнего сигаретно-водочного магната был, что выясняется, великолепный в данной области уничтожения русского населения России предшественник. И еще какой! Ведь именно его потомству якобы и обязан теперь по гроб жизни своим существованием русский народ...

Однако ж выясняется, что прекратил спаивание народонаселения России запущенной к нам в Москву за границей уж никак не первый Романов, которому якобы столь чем-то и обязан по гробовую доску русский народ. Но сменивший Филарета патриарх, очевидно, в эту затею масонов оказавшийся не посвященным.

Однако ж как покидает этот свет безвольный монарх Федор, разрешивший запретить табакокурение в России, а вслед за ним и оказавшийся не в курсе затеваемого масонским правительством патриарх, политика государства вновь направляется на истребление подвластного Романовым народа — за границе вновь дается «зеленая улица» в нашей стране. Спаивание же народа вновь переключается на государственные рельсы. Вот что сообщает на эту тему королеве Швеции в своем послании от 31 января 1652 г. ее поверенный по торговым делам в России Иоганн Родес. Алексей Михайлович, по его словам, имеет от спаивания народонаселения России достаточно немалую выгоду:

«в своих доходах свыше 400 000 рублей, которые он ежегодно (*получает*) с водки от “кабаков”» [409] (донесение № 17, с. 96).

По тем временам эта сумма финансовых средств, получаемая этим всех и вся рекордсменом по богомолью, выглядела просто колоссально. Но и явственная необходимость этой меры в ту пору также явственно видна — спойть народ, тем и не допустить его до вполне законного при государственном закабалении все сметающего на своем пути русского бунта. Отбирается же эта власть у русского человека, как и у предшественников «Тишайшего», в пользу все той же патронирующей Романовых заграницы.

И вот лишь когда иноземному здесь безраздельному владычеству приходит конец: под давлением вступившего во властные структуры Никона.

«...уже через семнадцать дней после его поставления патриархом, 11 августа 1652 года, был издан указ, ограничивавший и даже совершенно запрещающий продажу водки по праздникам и некоторым постным дням... указ 4 октября того же 1652 года запрещал иностранцам-иноверцам проживать в самой Москве и предписывал им переселиться в особую слободу на берегу реки Яузы» [277] (с. 160).

«4 октября 1652 г. было указано отвести у Яузы, в Иноземной Слободе, земли для строений иностранцев (И. Собр. Зак., I, № 85)» [409] (примечание 198).

До этого же момента иностранцы целиком и полностью властвовали в Москве, отданной им Романовыми на разграбление. Именно они и занимались спаиванием москвичей по средствам исключительно им и разрешенного правительством Алексея Михайловича, а несколько ранее Михаила Федоровича, владения корчмами. Да и понастроили здесь, между прочим, своих церквей, которых при Борисе Годунове в Москве не было. О чем свидетельствует побывавший в Москве в 1602 г. голштинiec Аксель Гюльденстиерне:

«...в городе нет немецких церквей... а равно нет здесь немецкого священника... кроме тех, что (находятся) в Немецкой слободе» [415] (с. 39).

Но водворяются на Русском троне Романовы. И иностранцы сразу же начинают селиться в Москве и строить здесь свои церкви. Мало того, бусурманам разрешается использовать русских людей в качестве слуг. Чему ставит предел лишь Патриарх Никон. Вот как комментируют иностранцы плоды его деятельности.

Швед Иоганн Родес в депеше от 23 марта 1652 г. жалуется своей королеве:

«При здешнем правительстве с некоторого времени объединены (*собрались на собор*) все духовные (*лица*)... однако плоды их деяний так горьки... первым плодом этого было то, что открыто (*всенародно*) было опубликовано и провозглашено, что ни один русский впредь не должен более служить у некрещенных язычников, под чем они разумеют всех чужестранцев в совокупности, под (*страхом*) того наказания, что тот, кто будет найден у чужестранца... будет в первый раз бит “батогами” (*Padoggen*), во второй раз — “кнутом” (*кнuht*), или плетью, а в третий раз... оба уха будут (*у него*) отрезаны, и в опале будет сослан в Сибирь, а тот, кто его задерживает, привлекается к такому же наказанию. Это теперь строго исполняется... Также хотят объявить, что у всех тех (*иностранцев*), которые имеют здесь поместья (*landtguter*) и не хотят позволить себя перекрестить, будет их имущество обратно отнято» [409] (донесение №18, с. 98).

Что и было вскоре исполнено, на что и жалуется Родес в своем письме от 4 февраля 1654 г.:

«В прошедшую субботу по побуждению патриарха (*Никона*) всем голландским купцам и иностранцам, сколько ни жило их во всем городе и пощаженным до сих пор ради их больших каменных домов и большого количества товаров, было серьезно объявлено... в четвертом часу ночи посредством большого количества “стрельцов”, чтобы они (*иностранцы*) удалились из своих домов и из города и поселились на поле [куда два года тому назад должны были отправиться и строиться также офицеры и другие немцы] под угрозой, что если они, самое большее, в следующий понедельник будут еще в городе, то они будут не только выгнаны силой, но и их товары будут конфискованы» [409] (с. 238).

И в таких своих бедствиях швед Родес обвиняет ни кого там еще иного, как исключительно Патриарха Никона. Так что не только спаиванию, но и вообще засилию инородчины, что отмечают и сами иностранцы, в благословенные годы правления Патриарха Никона, приходит конец. Сами же виновники пьянства, причем, под серьезной угрозой конфискации их имущества, убираются из Москвы в свой Кукуй.

И вот как здесь с поклонением Бахусу в те времена обстояло дело. Свидетельствует Павел Алеппский (1655 г.):

«...жизнь московитов очень стеснена и никто (из чужестранцев) не в силах переносить ее стеснений: человек видит себя постоянно как бы в тюрьме, ибо если кто проступится в чем-либо или напьется пьян, то подвергается всяческому унижениям, а под конец заточению. Потому... все купцы... живут в страхе Божиим и смирении» [371] (гл. 6, с. 25).

То есть, вопреки устоявшемуся при Романовых обычаю, иностранцам гадничать на улицах Москвы во времена патриаршества Никона запрещалось. Своим, что и понятно без комментариев, так и тем более. Так что возвращались благословенные времена Ивана Грозного, когда русского человека, на что сетует Михалон Литвин, спаивать было строжайше запрещено.

Однако ж после своей победы над Никоном Алексей Михайлович вновь узаконивает спаивание русского населения России. Вот, например, что сообщает о последствиях Пасхи в своем дневнике от 7 апреля 1665 г. участник голландского посольства в Московию Николас Витсен:

«Улицы были заполнены пьяными: многие лежали в грязи, как свиньи, без сознания, другие вплоть до рубахи все пропили, отдав все в казну царя» [361] (с. 154).

То есть, отдав Алексею Михайловичу, державшему в своих руках для спаивания русского человека это им изготовляемое пойло, вообще все то, что им удалось к тому времени заработать.

А вот что примерно в те же годы записывает на эту тему другой голландец — Ян Стрюйс:

«Нет государя, который получал более доходов с откупов. Например, в Новгороде есть три питейных дома, из которых каждый платит ему 10 000 ливров за право продажи; а так как их существует безчисленное множество в Москве и во всем царстве, то из этого можно заключить, что богатства царя громадны» [327] (с. 59).

Вот для чего он заводит у себя этого строгого Патриарха. С помощью Никона он от засилья инородчины, усаженной в России стараниями Филарета и Михаила, освобождается, а освободившись затем и от самого же Никона, продолжает спаивание народа. Но, что уже на этот раз, в свою собственную пользу:

«Каждое ведро обходится в 30 коп., а продается за 100 или 120 коп...» [375] (гл. 3, с. 13).

Ох, как все это похоже на наш некоторыми и по сию пору обожаемый до слез совок. Причем, большевики даже сильно усовершенствовали этот способ обирания до нитки своих верноподданных. Ведь цена на водку государством в ту пору была установлена 3 руб. 62 коп. (и это в самом дешевом исполнении), а себестоимость даже не водки, а спирта, была что-то порядка 10 копеек за литр. То есть себестоимость изготовления водки составляла менее 1,5 % от ее цены в розничной торговле.

Но и табакокурение, после отобрания власти у Патриарха Никона, Алексеем Михайловичем вновь узаконивается. О чем сообщает в своих реляциях в Англию, побывавший в 1663–1664 гг. в Москве англичанин Гвидо Монт:

«В настоящее время табак употребляют свободно, так как за этим мало следят и вовсе не штрафуют за его продажу» [424] (с. 21).

Так что истинное лицо Алексея Михайловича, а в особенности на фоне все более проясняющегося образа Патриарха Тихона, становится все более различным.

Но и инфляция, явно разорившая тогда русского человека, слишком здорово напоминает времена «приватизации» имущества СССР времен «перестройки»:

«...в 1633 году за один рубль серебряный надобно было давать уже 12 медных. Наступила страшная дороговизна; указы, запрещавшие поднимать цены на необходимые предметы потребления, не действовали...» [178] (с. 54).

Вот один из примеров. На этот раз сообщается о фокусах, которые устраивал с понижением и повышением курса рубля уже сын Михаила — наш эдакий историками поименованный «тишайшим» царем, чуть ли ни недоделком каким, но на самом деле хват, почище Горбачева с Ельциным, — Алексей Романов. Новый гостиный двор, как сообщает швед Кильбургер:

«...наилучшее здание во всей Москве и построен теперешним царем 12 лет тому назад, когда в стране были еще в ходу медные деньги, причем была употреблена такая хитрость, что рабочим платили медными деньгами, но тотчас по окончании постройки их отменили и выкупили обратно за очень низкую цену» [196] (с. 172).

И вот каковы были наказания тем, кто пытался в эту доходную статью царя втиснуться сам. Свидетельствует Ян Стрюйс:

«За подделку монеты заливают рот расплавленным свинцом» [327] (с. 60).

Однако ж обогатиться на разорении русских людей этот «Тишайший» так и не смог. Слишком много оказалось желающих погреть руки на разорении России вместе с ним.

Вот что сообщает на эту тему Патрик Гордон, не мене всех иных жителей тех лет Московии возмущенный этой неудавшейся аферой царя страны Русских. Причиной страшного по тем временам падения курса рубля:

«...было то, что большое количество оной [фальшивой медной монеты — А.М.] ввозилось тайком из-за моря, а в Москве и других городах чеканилась частными лицами. Было поймано много фальшивомонетчиков, каждому из коих отрубали руки, били кнутом и ссылали в Сибирь, изъяв имущество в казну, но ничто не помогало» [347] (с. 117).

Деньги же наши продолжали обезцениваться, что производило опустошение страны ничуть не хуже иноземного нашествия.

Коллинс добавляет, что эта реформа подчистую уничтожила и русского предпринимателя. Русское купечество при Алексее Михайловиче практически прекратило свое существование. У русских купцов:

«...силой брали товары за медные деньги, а медные деньги упали сначала от ста до одного, и, когда казна снова захотела ввести их, многие разорились...» [404] (гл. 24, с. 39).

Разоряли русское купечество и иными вводимыми под шумок «Тишайшим» мерами. Родес о том свидетельствует. Таможенники Алексея Михайловича, в очередных поисках прибыли, чем затем сильно прославится Петр I:

«своих собственных подданных, которые до того платили только за проезд, обложили пошлиной в 7% за все товары, которые они (*русские*) везут через границу» [409] (донесение №18, с. 101).

То есть собственное купечество этот странный мазохистического поведения царь каких-либо прибылей, оставив притом беспошлинную торговлю в пользу иностранцев, просто напросто лишил. А зачем ему свое собственное купечество, если для поставленной ему масонами цели, которой является уничтожение нашей страны, поддерживать ему, царю, так сказать, всея ее окрестностей, следует, дабы избежать доброй порции мышьяку, все же купечество иностранное, а уж никак не наше отечественное. На что Родес, находящийся в Москве, замечает:

«торговля год от году увеличивается, и сюда прибывает все больше и больше купцов» [409] (донесение №18, с. 102).

Иностранных, понятно дело. Ведь таможня «Тишайшего» обкладывала лишь русских купцов с русскими товарами. Потому-то им взамен, ранее посещающим порты иностранные, количество иностранцев в России все увеличивалось.

Но и вообще вводится система окна-воронки, которой затем будет прославлен совершенно напрасно последователь Алексея по расхищению страны — Петр. Вот что о ее хитроумности сообщает итальянец Вимена да Ченеда:

«...доходы, получаемые Князем от государства, состоят из пошлин с товаров, привозимых в Московию, а не с вывозимых, именно же в десятой доле оных, или в десятом проценте цены их, наличными деньгами» [412] (с. 438).

То есть Россия при «Тишайшем», опять же — под шумок, была поставлена под окончательное разграбление инородчиной: вывозимые из страны товары, причем, исключительно иностранцами (наши-то купцы, что приведено выше, платили 7% за вывоз), пошлиной не облагались вообще!!!

А потому уже ко временам Кильбургера (1674 г.) ни о какой русской торговлей русскими в своей же стране речи уже не шло:

«Архангельским кораблеплаванием не занимаются руссы, а некоторые голландцы, гамбургцы и бременцы, которые безпрестанно содержат в Москве своих служителей и приказчиков, в чем участвуют некоторые оседлые в Москве немецкие купцы, как-то:

Даниил Гартман, Гейнрих Буденант, Адольф Гаутман, Вернер Миллер и Конрад Канненгиссер и пр.» [437] (с. 200).

«Гости суть царские коммерции советники и факторы и неограниченно управляют торговлею во всем государстве. Корыстолюбивое и вредное это сословие состоит из довольного числа людей купеческого звания и имеет голову или старшину; между ими есть несколько немцев, а именно: Клинк Бернгард и Фогелер в Амстердаме, и Томас Келлерман в Москве. Они рассеяны по разным местам государства и везде, по своему званию, имеют право покупать первые, хотя это не всегда делается для казенной выгоды... По корыстолюбию своему стесняют они везде большею частью торговлю. Простые купцы замечают и знают это очень хорошо; почему и говорят дурно о гостях. В случае какого возмущения опасаться надобно, чтобы народ не сломил шеи всем гостям. Они оценивают казенные товары в Москве, также располагают соболиным промыслом и соболиным ясаком в Сибири, равно и Архангельскою заморскою торговлею, и дают царю советы и проекты к учреждению казенной монополии. Они безпрестанно стараются подрывать торговлю Балтийскую и не давать ей нигде свободы, чтобы им только одним быть господами и набивать свои карманы. [437] (с. 201).

Так что и в делах торговли этот странный мазохизм Романовых не совсем понятен. Ведь даже в заповедную свою Сибирь этот весьма странный монарх дозволил иностранщине забраться — даже соболиные свои промыслы пожелал лучше дяде отдать, чем русскому человеку позволять на преимуществе своего места жительства наживаться.

Вот еще пример изобретения этим антинародным правителем очередных методов обирания народонаселения России. Алексей Михайлович, как свидетельствует Википедия:

«...ввел клейменные железные аршины, которые продавались по 60 или по 70 копеек; но тогдашнее купечество жаловалось как на запрещение своих деревянных неклеяемых аршинов, так и на высокую, по его мнению, цену, наложенную на клейменные. Некоторые писатели указывают это недовольство в числе других причин, производших первый бунт в царствование Алексея Михайловича» [ru.wikipedia.org/wiki/Аршин].

То есть кусок железа у этого эдакого такого «тишайшего» шел чуть ли ни по цене коровы. Далеко ль после такого нововведения до бунта?

Оказалось, что не далеко. Народ в ту пору еще не был приучен к обиранию его до нитки. Потому, после введения такого вот новшества, бунтовал.

Вот еще вариант на эту тему даже не обирания, но устроения здесь у нас голода в пользу все той же любимой им чуть ли ни до слез заграницы. Понятно, распродаже русского зерна на сторону положил начало еще родоначальник Романовых — патриарх Тушинского вора — Филарет. Ведь для травли народа русского голодом требовалось, для начала, очистить его закрома от «излишков» хлеба (что через 300 лет распрекрасно и повторяют, следуя уже когда-то пройденной дорожкой, продолжатели дел этого лжепатриарха — большевики). В отчете голландских послов в Россию Альберта Бурха и Иоганна ван Фелтдриля, посетивших Московию в 1630–1631 гг., насчет отношения Романовых как к иностранщине, так и к подвластному им народу, которому надлежит периодически голодать от такой политики «партии и правительства», сообщается:

«...к нашему великому государю, Е. Ц. Вел-ву, и Е. Вел-ва отцу, великому государю святейшему патриарху Филарету Никитичу Московскому и всея России, пишут и присылают многие великие христианские государи, английский король Карл, датский король Христиан и шведский король Густав-Адольф и другие, своих посланников и

гонцов для переговоров о покупке хлеба и просят оказать им помощь и позволить им покупать хлеб в Московском государстве, потому что они в нем нуждаются. И наши великие государи, Е. Ц. Вел-во и Е. Вел-ва отец, великий государь святейший патриарх, по своей государевой милости, обыкновенно исполняют просьбы этих государей и позволяют им покупать хлебные запасы в Московском государстве...» [414] (с. 165–166).

А потому нам-де, голландцам, после такого более чем тщательного очищения русских закромов, мало чего перепадает. Однако ж закордонолюбивый наш двухголовый тех времен правитель, царь-отец и царь-сын, несмотря на уже вычищенные до блеска свои стратегические закрома, голландцам отказать не смог. А потому:

«...пожаловал и дозволил им покупать в Московском государстве, для продовольствия своих ратных и служилых людей, в течение следующих трех лет по 200 тысяч четвертей в год, причем желают считать эти годы и начинать покупку хлеба с 1632 г.» [414] (с. 164).

Так было поставлено дело с нашим всенародным сокровищем, хлебом, уже первыми Романовыми. То есть патриархом Тушинского вора и его детищем.

Что после такого должно было периодически в нашем государстве случаться?

Голод! Ну и сопутствующие ему естественные народные возмущения — бунты. Их было достаточно, но пропаганда как следует потрудилась, чтобы, по возможности, упрятать о периодически случающихся этих хлебных бунтах сведения.

Но шила в мешке все равно не утаишь. Прошли годы и раскрылись архивы, ранее секретные.

И вот, например, что сообщается об одном из хлебных бунтов, произошедшем в царствование уже наследующего Михаилу-Филарету правителя — Алексея Михайловича. Шведский резидент в России, Иоганн де Родес, находившийся в Московии в 1650–1655 гг. в своем послании от 14 марта 1650 г. сообщает своей королеве:

«...прибыл из Пскова дворянин, который известил, что знатный русский купец — Федор Емельянов (Foedor Innlieanosı), который скупал зерно для Их Цар. В-ства, убит там простонародьем (von dem gemeinen Mann). При (*царском*) дворе этим очень встревожены» [409] (донесение №2).

И было от чего тревожиться засевшей в Кремле неруси. Вот чем объясняет причину этой *тревоги* переводчик:

«Федор Емельянов (Омельянов), псковский гость, получил приказание скупить для царя 2 тыс. четвертей ржи. Тогда в псковской области был недород, и народ, узнав, что Емельянов скупает хлеб будто для иностранцев, 28 февр. явился к нему на двор, чтобы с ним расправиться, но тот вовремя скрылся, избежав тем верной смерти» [409] (примечание 33).

То есть за попытку травли русского человека голодом у нас поступали совершенно однозначно — за такое убивали. Потому засевшая в царских чертогах иноземщина при попытке скупки в пострадавших от недорода хлеба районах зерна так не на шутку и перепугалась. Однако ж не только царский закупщик попал в тот момент в смертельно опасное положение, которое просто чудом избежал, но и укатившая туда же и для того же иностранщина. Вот что об этом сообщает Родес в следующем своем письме от 7 апреля:

«...дня 3 тому назад говорили, что будто один русский купец — Федор Емельянов (Foedor Imilianof) был там убит народом (gemeine) из-за скупки хлеба для Их Цар. В-ства; таким образом, это тотчас возбудило во мне дурное подозрение, что там должно быть случилось что-то неблагополучное также с господином Левином Нумерсом,

который для себя и своей компании взял с собою здесь от меня хорошую сумму русских денег... для сопровождения и безопасности которых, я приказал канцлеру, согласно контракту, дать ему, Левину Нумерсу, когда он уезжал, одного “пристава”, даровые подводы для упомянутых денег и 20 “стрельцов” для конвоя» [409] (донесение №3).

Так что голодуху в вверенной ему якобы русским народом, а на самом деле масонами, стране обустроивал сам этот «Тишайший». Чему имеются и иные подтверждения, указанные переводчиком:

«Левин Нумерс, нарвский купец, был послан в Псков “с некоторой суммой вашего Кор. В-ства комиссаром Иоганном де Родесом” (донес. Померенинга 23 марта 1650 г.). Он имел при себе 20 тыс. русских денег, данных ему Родесом из числа полученных им сатисфакционных денег. Нумерса сопровождал пристав псковитянин Марк Тимашов. В М. Гл. Арх. Ин. Д. хранится (шв. д., реестр II, 1650 г., № 2) немецкий подлинник “письма” Родеса о Нумерсе, подданный в Посольский приказ дьякам думному М. Волошенинову и Алмазу Иванову. Этот собственноручный немецкий подлинник Родеса подписан им и помечен 12 февр. 1650 г. Родес просил послать в Новгород и Псков грамоты, чтобы пропустили и дали провожатых посланному им шведу Нумерсу с 20 тыс. рублями денег и дозволили ему купить там же 10 тыс. четвертей ржи: при этом ему следовало дать провожатых из Москвы и 8 подвод, “да с ним едет вместе господин Петр Териох с человеком, и тот Петр поедет из Новгорода на Ругодив, подвод под него и под человека его и под рухледь надобно 4 подводы”. В этом деле также находится выписка об отнятии у Нумерса денег, вследствие этого мятежа, посылка светских и духовных лиц для его прекращения и указ о возвращении Нумерса в Москву» [409] (примечание 37).

А между тем:

«... в январе 1649 г. (января 157 года) новгородцы писали, что у них самих хлеба до оскудости, потому что “по многим местам хлеб морозом побил”, так что “во 156 году в Новгородском уезде хлебу ржаному и яровому учинился недород, и купят в Новгороде четверть ржи в московскую меру по 30 алтын”, и у никого не было запасов, так что шведам нельзя было дать хлеба» [409] (примечание 41).

Но «Тишайший» приказал дать. Причем, по заведомо заниженной цене.

Так что удивительнейшая здесь забота о лишении русского человека хлеба, дабы устроить в стране русских голодуху, прослеживается более чем очевидно. И голодуху, что выясняется, пытался в тот момент устроить у нас сам царь — всея, так сказать, Руси Великой...

Однако ж все вышеописанное являлось лишь началом произошедшего в ту пору народного возмущения против изготавливаемого «Тишайшим» для подвластного ему народонаселения голода. О чем Родес сообщает следующее:

«Лишь только я хотел окончить (*это письмо*), как к немалому удивлению меня снова известили, что пламя из Пскова перешло уже в Новгород, и что там еще хуже, чем было в Пскове. Двор Стоянова (Stoijanoff), как здесь говорят, они там совершенно разграбили. К этому времени как раз и датский посол М-г Граббе (Grabbe) прибыл в Новгород, подобно тому как г. Левин Нумерс — в Псков, и сообщают, что они его (*Граббе*) совершенно ограбили, раздели до рубашки и потом его с его воинами (volck) заключили в тюрьму... передают, что они говорят, что не допустят, чтобы деньги, а тем более хлеб, вывозились из страны. Но это происходит, по моему малому и ненавязчивому мнению, не от чего иного, как оттого, что... хлеб приказали скупать по более низкой цене, чтобы (*казне*) также извлечь из этого не меньшую прибыль. Это все причинило большое негодование... и (*здесь [во дворце — А.М.]*) живут в немалом страхе, так как этот мятеж, как бегущее пламя, перешел в Новгород, и очень боятся, что

он распространится дальше сюда, что однако может совершенно легко случиться» [409] (донесение №3, с. 28–29).

Вот теперь и всплывают слишком явно не совпадающие между собой факты из биографии этого столь странного царя — Алексея Михайловича. С одной стороны все вроде бы в один голос стремятся нас уверить о его некоей-де наиудивительнейшей святости: он в церкви, якобы, не только дневал, но и чуть ли уже и ни ночевал. Мало того, был чуть ли ни чемпионом мира по отбиванию поклонов, которых якобы клал, чуть ли ни по тысяче кряду. Однако тут же приводятся и совершенно противоречащие им сообщения о западнических приверженностях монарха еще с самого юного возраста. Такие подробности упоминает даже Ключевский. Но и Костомаров этого не может не отметить:

«Каждый день посещал он богослужение, но в этом случае не был вовсе чужд ханжества, которое неизбежно проявляется при сильной преданности букве благочестия: так, считая большим грехом пропустить обедню, царь, однако, во время богослужения разговаривал о мирских делах со своими боярами» [130] (с. 420).

Многие сведения о нем выглядят слишком противоречиво. Ведь даже внешность его на разных портретах совершенно разная: на одних он полностью блондин, где и намек нет на какую-либо его схожесть с Петром, на портретах же иных Алексей выглядит ярко выраженным брюнетом. Каким из них верить?

Смотрим, что о его деятельности сообщает все та же советская энциклопедия:

«...усиливал эксплуат. порядки, завершил законодат. оформление крепостного права» [108] (Т. 1, с. 145).

Дальше, больше:

«Правительство начинает вмешиваться и в хозяйственную жизнь крестьян, ограничивая (или пытаясь ограничить) их право свободного распоряжения их землями... главной обязанностью выборных крестьянских властей становится своевременный и “бездоимочный” сбор... податей, а главной заботой воевод становится понуждение и наказание тех, кто свою “оплошкой и нерадением” допускает недоборы...» [160] (с. 93).

Именно по этим причинам:

«...вторая половина XVII в. является временем упадка земского начала и растущей бюрократизации и в центральном и в местном управлении Московского государства» [160] (с. 93).

Так что не Петр сверг русского человека в безправие. Это за него произвел сын избранного «гласом народа» царя. О том совершенно недвусмысленно говорит и восстание Степана Разина, произошедшее именно в результате попытки русского человека вырваться из этого все усиливающегося закабаления. А поддерживаемый антинародной политикой Романовых извечно тлеющий после их воцарения фитиль в любую минуту способного разразиться грандиозного русского бунта более чем очевидно прослеживается и в посланиях шведского резидента и комиссара по торговым делам в России Иоганна Родеса. В донесении от 31 января 1652 г. он сообщает:

«Насколько по крайней возможности я могу судить об этом (*русском*) государстве, мне кажется, что им не легко было бы что-нибудь предпринять, что могло бы вызвать войну, и это я вывожу из того, что (*здесь*) **безпрерывно боятся внутреннего восстания или беспорядка**» [409] (донесение № 17, с. 94).

Знает, видать, собака — чье мясо съела! Ведь даже и начало оно эту войну лишь потому, что могло заполучить хорошего пинка от народа русского за упрямое нежелание вступиться за истекающих кровью в неравной борьбе с басурманами наших

западных братьев, подпавших под ярмо дрящегося вот уже на протяжении нескольких столетий католического безпредела.

Вот как подтверждают все вышеизложенное и археологи:

«В XVI в. за пределами Кремля на каменных подземельях сооружались в основном постройки, принадлежавшие государю и церкви. И только сто лет спустя ими стали обзаводиться наиболее состоятельные люди» [179] (с. 171).

То есть государственный карман в результате правления первых Романовых переходит в пользование повылезавших из всех щелей нуворишей: *какая знакомая картина.*

Причем, вот чем это масонское правление отличалось от правления последнего истинно Русского Царя — Бориса Годунова. Вот что на эту тему сообщает голштинiec Аксель Гюльденстиерне, побывавший в России в 1602 году:

«В это путешествие из Нарвы в Москву мы проезжали мимо многих боярских и дворянских дворов, в которых жили сами хозяева, но дворы эти состояли только из бревенчатых домов и мало отличались от прочих крестьянских домов...» [415] (с. 17).

Но лишь приходят к власти Романовы, как вдруг появляется нам сегодня до боли знакомая картина — изо всех щелей повылезавшие нувориши спешат настроить себе побыстрей четырехэтажных дворцового типа коттеджей на Рублевском шоссе.

И вот с каким поразительным вниманием эта странная династия внимала искони враждебной русскому человеку загранице:

«В царствование Михаила Федоровича в Москве уже получались многие печатные немецкие ведомости; при царе Алексее Михайловиче Москва уже получала до двадцати иностранных газет и журналов.

В посольском приказе тогда было до 50 переводчиков и 70 толмачей для греческого, латинского, шведского, немецкого, польского и татарского языков. Для государя и двора они переводили из газет статьи...» [169] (с. 290–291).

Так что своих собственных переводчиков, ко временам знаменитого раскола, у нас было более чем достаточно, чтобы обойтись при переводах наших служебных книг своими. Потому версии о нашей-де в чем серости и неграмотности того периода, когда инородцы портили наши богослужебные книги своими лжепереводами, не имеют под собой почвы.

Кстати, сам этот XVII век вовсе не является веком открытия нами заграницы.

Ведь еще в начале XVI века вот что сообщает о русских купцах на Двине Франческо да Коло. Они приезжают:

«...с толмачами для обмена товарами» [449] (с. 60).

Так что и веком ранее большого любителя иностранных газет, царя Алексея Романова, у нас было кому на с иностранных языков переводить.

Но и много ранее мы наблюдаем все то же. Вот еще когда у нас никаких проблем с межнациональным общением с Европой и близко не существовало:

«Известно, что папы XIII столетия писали к русским великим князьям и Новгородским князьям латинские грамоты; что и прежде еще того были в Руси училища, в которых обучали греческому и латинскому языкам; и что Русские князья славились способностью своею говорить на разных языках, и именно на греческом и латинском (БР. XIV, под 1227 г. п. 8, 9; под 1231 п. 43; под 1248 п. 41–43. ТИР. III, 220, 238, 280 и т.д. — ДВМ. 27)» [275] (с. 200).

Но грамотность нашего народа, что и понятно без каких-либо особых пояснений, XIII веком вовсе не ограничивается, уходя в века на совершенно неопределенное время. Однако ж попугайничать при этом невежественным инородцам мы никогда не стремились. И свои книги мы всегда ревниво оберегали от вкраплений в их тексты лжепереводов басурман.

Совсем иную картину мы наблюдаем при вступлении в управление Русью Романовыми. Именно их, а уж никак не Никона, следует обвинять в организации чужеземных поветрий, породивших раскол:

«...уже до Никона (при патриархах Филарете и Иосифе) делались попытки исправления церковных книг и обрядов» [160] (с. 66).

А потому случившийся впоследствии раскол своим существом обязан именно Филарету, так как его породили, как считает официальная историческая наука:

«...нелепые ошибки и опечатки в Филаретовом служебнике» [130] (с. 604).

Однако же если трезво взглянуть на существо кипучей деятельности Филарета, совершенно невозможно не заметить, что все эти *ошибки* были вовсе не *нелепыми* или *нечаянными*, но исключительно *умышленными*. А точнее даже — *злоумышленными*.

А вот что говорится о Иосифе:

«...исправление церковных книг было поводом к основанию секты старообрядцев. Патриарх Иосиф, предшественник Никона, заметя, что рукописные книги, употребляемые в церквях... были наполнены грубыми ошибками, составил особую комиссию для поправления и перепечатывания их. Но люди, избранные для сего занятия сколько по суеверию, сколько по невежеству, а может быть и с умыслом, не только не исправили порученных им списков, но издали их с включением нелепых толкований» [269] (с. 57).

Так что и после Филарета наши древнеотечественные книги приспокойненько так себе все продолжали портить злоумышленники, вовсе, как это ни странно, не опасаясь расплаты за свои вольные с нашими священными текстами обращения.

И вот кто называется в первых рядах этих самых «справщиков». В рассказе об Аввакуме сообщается, что:

«В Москве проживал он у священника Московского Казанского Собора Неронова и ведал его церковь, когда тот отлучался. Патриарх Иосиф сделал его справщиком церковных книг под главным надзором боярина князя Львова, начальника печатного двора. Здесь трудился он вместе с другом своим Нероновым и протопопами Никитою Пустосвятым Суздальским, Даниилом Костромским, Лазарем Романовским, с Федором диаконом Благовещенского Собора, с Логином протопопом Муромским и другими. Они ввели множество ошибок в книги, напечатанные при патриархе Иосифе...» [386] (с. 109–110).

И вовсе творилось это не по невежеству или суеверию, что пытаются внушить наши милые историки, но исключительно лишь с умыслом. А как иначе, если масоны из нашей страны со времен внедрения в нее вместе с Самозванцем главного по тем временам масона, прообраз Христиана Розенкрейца — Михаила Сендивогия, вовсе убираться не планировали. Но оккупировали ее так плотно, что переделка наших богослужебных книг являлась только еще цветочками от всей той вредоноснейшей деятельности, которую они в те злополучные для нас времена вели в нашей стране, отданной для управления их ставленниками — Романовыми.

И вот до чего Филарет и Иосиф, доисправлялись. Костомаров:

«...в 1649 году приехал в Москву иерусалимский патриарх Паисий... Он заметил, что в московской церкви есть разные нововведения, которых нет в греческой церкви, и особенно стал порицать двуперстное сложение при крестном знамении... а на Афоне монахи даже сожгли богослужебные книги московской печати как противные православному чину богослужения» [130] (с. 467).

Но неужели же никто из наших священнослужителей той поры так и не выступил в защиту нашей старины?

Как же, выступали. Вот, например, что заявил Алексею Михайловичу епископ Павел Коломенский, которого за эти его слова заточили в темницу:

«с того времени, как мы сделались христианами и получили правую веру по наследству от отцов и дедов благочестивых, мы держались этих обрядов и этой веры и теперь не согласны принять новую веру» [370] (гл. 2, с. 155).

Но и не только он один протестовал против нововведений Иосифа и Алексея Михайловича. Ключевский:

«На Афоне монахи... признали двуперстие ересь, сожгли московские богослужебные книги, в которых оно было положено, и хотели сжечь самого старца, у кого нашли эти книги» [178] (с. 245).

Вот где выходят на поверхность плоды занимающегося столько лет чем-то непонятным основавшего свою масонскую династию Филарета! То есть все эти нововведения, которые святогорцы восприняли как еретические, упирались именно в церковные искажения, для чего, собственно, для единственного и затевался весь этот странный сыр-бор со Лжедмитриями и польскими королевичами.

Вот еще очередные факты антиправославной деятельности Романовых.

На сей раз мы выслушиваем хвалебные оды Алексею Михайловичу из уст заморского восхвалителя этой западообожательной династии поляка Якова Рейтенфельса, посетившего Московию в 1670 г.:

«...Алексей так предан набожному образу жизни, что с ним постоянно духовник, без разрешения которого он не посещает даже никаких игр или зрелищ» [363] (гл. 7, с. 290).

То есть посещает выстроенный им же театр Алексей Михайлович, что выясняется, аккуратно с одобрения своего духовника. Что ж у него за духовник за такой был? Какого вероисповедания, коль наше отечественное театр запрещало вообще?

Вот какой вид церкви за полвека правления выстроили к тому моменту Романовы.

А вот и еще атрибутика этой церкви, книги которой столь безжалостно спалили афонские монахи:

«По внушению последнего [духовника — А.М.] и при содействии также покойной царицы он велел вынести дорогие, прекрасной работы органы, находившиеся в главной церкви Кремля, и удалить вообще всякую музыку из храмов» (там же).

А интересно бы знать — как *орган*, общепризнанный музыкальный инструмент католической церкви, вообще попадает в наш центральный храм страны??? Мало того, какую такую *музыку* удаляют и из всех иных храмов?

На этот вроде бы и неразрешимый на первый взгляд вопрос дает ответ сам же Рейтенфельс. Алексей Михайлович:

«...выражает страстное желание присоединиться к св. католической церкви» (там же).

Причем, выражал он это свое желание прилюдно. Даже при приеме послов иностранных государств. Вот, например, как описывает один из произнесенных им тостов присутствовавший в 1655 г. в Москве в составе австрийского посольства Франциск Гундулич:

«Пью за здоровье моего дражайшего брата Фердинанда III, желаю ему здоровья, долголетия и продолжения между нами, как и между нашими предками, братской любви и дружбы, чтобы мы общими силами уничтожили общих врагов **святой веры католической**» [405] (с. 155).

То есть веру Ватикана Алексей Михайлович считал святой...

Потому-то и палят отпечатанные им богослужебные книги русские монахи на св. горе Афон. После чего становится понятной и многолетняя опека Романовых постоянно приезжающими в нашу страну масонами.

И чтобы до конца стала ясна суть этих посещений, следует лишь вспомнить тот момент, когда, сотню лет спустя, руководитель московских масонов Шварц даже открыл одному из своих подопечных:

«...потаенные **цели ордена**, клонившиеся даже к тому, чтобы **уничтожить Православие в России**» [40] (с. 134).

Так что пышный расцвет масонства в XVIII столетии был подготовлен столетием предыдущим. И все это устроено с помощью: двух Лжедмитриев, «первопечатника» Федорова, князей Острожских и Филарета, основателя династии Романовых.

ФИЛАРЕТ — *обусловивший видимость веры в СЛОВО.*

Но тут точнее о тайной его деятельности и не скажешь!

Вот какими словами подводит итог под деятельностью первых Романовых Ключевский:

«Они поназывали несколько тысяч иноземцев, офицеров, солдат и мастеров, с их помощью кое-как поставили значительную часть своей рати на регулярную ногу и то плохую... после больших хлопот и усилий с трудом вернули две потерянные области, Смоленскую и Северскую, и едва удержали в своих руках половину добровольно отдавшейся им Малороссии. Вот и все существенные плоды их 70-летних жертв и усилий! Государственного порядка они не улучшили, напротив, сделали его тяжелее прежнего, отказались от земского самоуправления, обособлением сословий усилили общественную рознь и пожертвовав свободой крестьянского труда» [178] (с. 295).

То есть, иными словами, но уже в духе нынешнего времени, — прославили себя упорными попытками отъема земли у свободного хлебопашца и высаживаемой ему на шею всякой шушеры захребетной — по типу советского образца колхозов — с безправным замордованным населением Русской Земли.

А потому исключительно с засилием иноземщины, что сами же они и подтверждают, что выясняется, и воевал наш народ, предводительствуемый Стенькой Разиным. В захваченной им Астрахани:

«...особенное внимание разбойника было обращено на немцев, которых он всех, сколько ни мог захватить, велел перебить...» [395] (с. 453).

Вообще же эта народная война, преподанная нам как кутеж некоего пьяницы и душегубца, имела много иные от нам внушенных цели:

«Пленные, спрошенные при пытке, чего они добивались, отвечали: “итти прямо на Москву и умертвить всех бояр”» [395] (с. 456).

То есть изрубить продавшуюся масонам верхнюю прослойку общества.

Сам же Разин, что выясняется, был взят в плен обманом:

«...некий капитан донских казаков, оставшийся верным царю, хитростью... взял его в плен, и под красивым предлогом, увез его в Москву... его убедили, что ведут его туда, чтобы он мог устно переговорить с его царским величеством» (там же).

И вот чем подытоживает достаточно непривычную для нас оценку деятельности Степана Разина голландец Койэтт:

«Злобный против вельмож, с которыми он обращался жестоко, он очень любовно относился к простым солдатам: он называл их братьями и детьми, и это доставляло ему такую любовь с их стороны, что, будь ему удача, он, без сомнения, сделался бы и остался бы замечательным государем» [395] (с. 458).

И действительно. Россия ну никак не могла бы не возродиться как величайшая в мире держава, если бы захватившие ее трон масоны были в ту пору прогнаны за границы или перебиты.

Но случилось иначе.

Тайная миссия Сендивогия

Однако ж возвратимся к истории с Лжедмитриями. И еще раз просмотрим и уточним уже пройденный выше материал. И теперь, поняв само существо затеянной нашими врагами этой самозванческой эпопеи, просмотр картинки произошедших тогда событий становится куда как более четок и понятен.

Вот чем закончил подготовленный Филаретом на царство первый вор:

«...не долго властвовал новоявленный правитель. Воцарившись в Москве, Лжедмитрий I показал свое истинное лицо. Польские приспешники проматывали огромные деньги, безчинствовали на улицах города.

Терпение москвичей истощилось. 17 мая 1606 г. на рассвете под звуки набата московский люд выступил против иноземцев. Москвичи, во главе которых встали бояре Шуйские, перебили более тысячи поляков, ворвались в Кремль. Лжедмитрий, спасаясь от преследователей, выпрыгнул из окна кремлевского терема, но был настигнут и убит» [132] (с. 186).

Так вроде бы и должны были закончиться вместе со смертью подготовленного Филаретом самозванца и все его самого последующие претензии на русский трон.

Но на самом деле, что нами уже выяснено, родоначальник династии Романовых вовсе не является каким-то одиночкой заговорщиком. Ему оказывается подвластной какая-то уж слишком мощная тайная организация, которая полностью контролирует «народные выступления» в столице. Потому лидер свергнувшего поляков восстания не в силах удержаться у власти, захваченной им только что посредством переворота, уничтожившего ставленника Польши. И вот по какой причине:

«Новейшие исторические исследования указывают на... сильный общественный центр Москвы, подготовивший восстание против Шуйского, центр, в котором первое место принадлежит Филарету Никитичу Романову... Филарет Романов был одним из соиздателей кандидатуры Владислава на московский престол, и новейшие историки зачислят его в круг лиц, хлопотавших в Москве об осуществлении унии с Речью Посполитой. Но в то время как глава одной из этих партий, желавших низвержения Шуйского, князь В.В. Голицын действовал открыто против царя Василия и принимал непосредственное участие в народных скопищах, другой влиятельный враг Шуйского, Филарет, по словам проф. Платонова, умел вести закрытую игру и, держась в стороне от площадной суеты, сохранял вид спокойного наблюдателя им самим вызванных событий» [160] (с. 314–315).

То есть Филарет, в отличие от шумливых бояр, во главе с Голицыным, действовал всегда чисто по-масонски — скрытно. Потому-то и победил.

Но чего добивалась его организация, устраивая на русский престол короля-поляка?

Смотрим, что собирался творить его предшественник.

Имеется, например, документ, заверенный печатью Лжедмитрия I, на котором он предоставляет своей невесте:

«...в вечное владение земель Новгородской и Псковской с **дозволением там богослужения католического...**» [160] (с. 214).

Казалось бы, мелочь, всего-то пару областей...

Но тут следует учесть, что именно в те времена католичеством активно велось «переваривание» наших западных земель, превращая наших братьев Белой и Малой Руси в басурман, уже завтра готовых к войне с нами. И для понимания этого момента в нашей истории необходимо лишь обратить внимание на тот факт, что немцами, в период Отечественной войны 1941–1945 гг., против нас было использовано практически все обесермененное славянство: и чехи, и хорваты, и даже поставленные на колени поляки — все они сослужили немцам очень неплохую службу. Точно такую

же службу оказали им и малорусские униаты, также выступив во время войны на стороне врага. С ними же в когорте оказалась и окатоличенная Прибалтика.

Потому ключевые русские области, являющиеся всегда нашим стратегически важнейшим рубежом перед Западом, поляки всегда и стремились захватить в самую первую очередь.

Однако же лишь северными нашими украинцами аппетиты поляков вовсе не ограничивались. И Самозванцу пришлось пообещать:

«...отдать Польше половину земли Смоленской и часть Северной... разрешить свободный въезд иезуитов в Московию; дозволить строить католические церкви...» [149] (с. 133).

Но обасурманивание России, что и понятно, этим еще не заканчивалось. Самозванец:

«...не считал монахов полезными сотрудниками, и поэтому находил необходимым выписать учителей из-за границы. Но учеников тоже могли не найти. Ну, тогда и их на первый случай тоже можно выписать из Германии и Англии!» [149] (с. 156).

«Приблизительно также будет поступать и Петр Великий» [149] (с. 157).

И полная не случайность назначения им в митрополиты Ростовские Филарета Романова закрепляется и еще одним его слишком знаменательным в нашем розыске поступком. В русских войсках Самозванец не нуждался. А потому сразу по восшествии на престол поспешил от них избавиться. Часть их он распустил, а часть отослал к южным границам — в Орел. И здесь очень показателен произведенный им выбор доверенного лица:

«Исполнение этих распоряжений было возложено на кн. Бориса Михайловича Лыкова, старинного друга Романовых и будущего мужа дочери Никиты Романовича; выбор знаменательный» [149] (с. 163).

А в особенности после нами разысканной явной связи Федора Романова, будущего Филарета, с организацией, учредившей поход на Москву обеих Самозванцев.

И вот что еще подтверждает нашу догадку о вовсе не стихийном воцарении Лжедмитрия. Мало того, что вся случившаяся тогда история, даже и в том случае, если это был не Гришка Отрепьев, но самый настоящий царевич Дмитрий, была проведена какой-то единой для всех классов и партий тайной организацией:

«...тотчас за его воцарением бури, бушевавшие по всему государству и вздымавшие в одну огромную волну разнообразные революционные течения, вдруг затихли» [149] (с. 207).

Как по мановению волшебной палочки. Значит, палочка эта находилась у кого-то в руках. И у кого-то такого, который и стоял за Самозванцем в самом еще начале разбираемой нами эпопеи.

А стоял за ним Филарет Романов. Он-то и являлся тем самым пауком, который и держал все нити полыхавшей в те времена смуты.

Практически так же, как держали их три века спустя Ленин с Троцким. Ведь и с их приходом «народным волнениям» с демонстрациями пришел конец. Воцарились пауки, и дергать за ниточки подстрекателей стало не зачем.

В этом плане удивляет лишь единственное — смерть Лжедмитрия I.

Но и она сегодня имеет вполне разумное объяснение. Для этого лишь следует расписать план конкретных действий задуманного темными силами предприятия. А это теперь не сложно: смена царской династии была задумана для уничтожения Святой Руси. То есть один в один того, чего они добились на сегодня — обмирщения страны на государственном уровне с последующим превращением русских людей в общечеловеков с блятельными рефлексивными ведомыми на заклятия овечек под дудочки Сахаровых с Ковалевыми. А они уже, будучи пронумерованными, поставлены в

стойло, стоит теперь лишь под видом прививки чип ввести, а затем, при получении международного паспорта, заполучить свой номер голограммой на лоб и правую руку.

Однако ж, вернемся к Лжедмитрию. Ведь он вроде бы выполнял все требования поставивших его к власти в России масонов. Почему же был убит?

А все дело в том, что рядовые исполнители масонских планов никогда не знают конечной цели намечаемого «великодостойнейшими» закулисными кукловодами действия. Потому дальше своего носа ничего никогда не только не видят, но видеть и не в состоянии. Иногда не замечают даже и гильотины, в которую суют, по глупости, в том числе и свою собственную голову.

В данном же случае все обстояло следующим образом. Подготавливаемый Самозванец обязан был: расплатиться с поляками западными русскими землями; расплатиться с Ватиканом устройением в России костелов, открытием западных латинских школ, разрешением деятельности иезуитов; потворствовать разграблению страны посредством торговли, открыв ее таможи и запустив сюда западное купечество.

Все вроде бы и прекрасно — процветанию страны обязан наступить очень быстрый конец. Однако ж сам Лжедмитрий, о чем не желали думать ни снарядившие его в поход магнаты, ни поддерживавшие его воцарение иезуиты, при этом оказывался подставлен не просто под удар, но под неминуемый удар со стороны: русских священников, русских купцов, русских военных, но самое главное — русской аристократии — главной виновницы успеха воцарения Лжедмитрия. Но и сам простой народ, представляющий собой, что выяснится позже, просто никакими таранами не прошибаемую часть исконно православного населения планеты, то есть общность людей, прекрасно продолжающую осознавать свою принадлежность вовсе не к Ваал-Пеору, к которому столь настойчиво старались и стараются приписать его принадлежность масоны, но к Богу Русе, тоже ведь просто обязан был рано или поздно выступить против навязываемых стране нововведений.

Понимали ли масоны, заваривая всю эту бучу, что ввод в качестве правителя своего ставленника еще ничего не решает в пользу задуманного мероприятия?

Понимали, что мельком проскакивает у Валишевского. И понимали распрекрасно. Потому сюжет в этой драме был закручен куда как более сложно, нежели казалось исполнителям.

Вроде бы победители той Московской Руси поляки, как это ни парадоксально, в планах закулисы оказывались проигравшей стороной. Но каким же это образом?

А все очень просто. После прошедшего на ура первого акта масонской революции, посадившей на трон России масона, следовал следующий акт — обеспечение этому масону стратегической инициативы нападающей, но уж никак не защищающейся стороны.

А для этого требовалось лишь одного: списать долги, волей неволей набранные им перед походом на соискание престола.

Но как это сделать?

Лишь единственно приемлемой для нападающей стороны способом — физическим уничтожением кредиторов. А ими были: польский придворный вельможа Мнишек, польский король и католическая церковь. Как их стравить между собой, чтобы ставленника масонской закулисы можно было полностью освободить от своих по уплате долгов обязательств?

А очень просто. Мнишек организует заговор против польского короля, финансовую поддержку ему оказывает Самозванец, которого, в случае удачи заговорщиков, ставят во главе обеих стран, оказавшихся на тот момент полностью в руках масонов.

Чем такое объединение грозит?

Мы прекрасно помним — как объединилась Польша с Литвой: Литва, после этого казалось бы исключительно именно ею и сделанного приобретения (ведь король-то был литовец), как объединяющая народы страна перестала существовать — литовцев, среди которых не мало имелось по тем временам уже и православных, поглотило католичество. Русские же области Литвы, которых в этой стране 9/10, попадают под власть католицизма, что и приводит в самые ближайшие времена к унии.

Но даже это еще не все. Сначала открываются все ворота для впрыскивания в вены подлежащего обасурманиванию русского населения яда иноверия. Для чего в страну запускаются терентарии и манихеи, ариане и кальвинисты.

И когда православные храмы, не имеющие никакой ни от каких сект в захваченной иноверцами стране защиты, отбираются в пользу иноверцев, приходит новая волна — ре-кальвинизация.

Протестанты, что и понятно, изгоняются, но храмы православным не возвращают, а отдают католикам или униатам.

Вот лишь маленький пример. Рейнгольд Гейденштейн, описывая Киев в 1596 г., сообщает, что:

«В самом городе немало уничтоженных храмов, которые все были греческого обряда. Остался доселе один из них св. Софии, но и то в таком жалком виде, что богослужение в нем не совершается» [423] (с. 24).

А ведь это столица Западной Руси! И в ней ни одного действующего православного храма! Вот чем заканчивалось это пресловутое «присоединение» католической Польши к православной на все 90% Литве.

Так что все давно масонами было уже отработано в данном вопросе до самых последних мелочей. Оставалось только одно — произвести «захват» Польши Россией по недавнему сценарию образования на основе «победившей» Литвы польского католического государства — Речи Посполитой.

Так что вполне проторенной дорожкой масоны приспокойно собирались уже приступить к ликвидации государства Русь. Ведь Москва, оказавшись властелином населенной латинянами Польши, просто обязана была в самые ближайшие месяцы покрыться густой сетью костелов — великодушно предоставить возможность проигравшей стороне возносить мольбу «Господу» по-своему.

А что он все Турцию-то крушить опять-таки собирался?

Так ведь все опять то же: вернуть «завоеванным» туркам возможность наши недавно освобожденные земли Среднего и Нижнего Поволжья вернуть к своей только совсем недавно господствующей религии — *исламу* (что сделает за него впоследствии Петр даже без завоевания Турции). Всех же, кто не покорится ни исламу, ни католичеству, должны атаковать массово переселенные на земли России обитатели «завоеванных» Гощи и имений князя Острожского: ариане и кальвинисты.

И это вовсе не плод несбыточной фантастики, лишь в своих мечтаниях лелеемой масонством. Ведь Москва, становясь мировой столицей, автоматически превращается в столицу той же Турции. Потому просто становится обязанной заводить у себя мечети. А становясь столицей Польши, а впоследствии Англии и Франции, просто обязана возводить у себя костелы, кирхи и даже синагоги. То есть именно Пиррова победителя и ожидает обесермивание его вероисповедания по полной программе, загодя прекрасно заготовленной кукловодами закулисы.

Такой сценарий ожидал подножие Престола Господня после полной победы Лжедмитрия — более чем явного антихриста, подготавливаемого для воцарения над миром.

Вот как раскрывает Валишевский уголок завесы, скрывающей от нас тайну этого крупномасштабного заговора масонов. Вот что стояло в основе ответа Лжедмитрия

послу Сигизмунда, когда от него потребовали выполнения взятых еще в Польше обязательств:

«Вместо Северщины, которую он желал сохранить, и войны со Швецией, на которую не желал давать своих войск, он предлагал денег, как будто его казна была неистощимой. Он соглашался на мир, но не желал иметь ни иезуитов, ни латинских костелов» [149] (с. 210).

То есть с одной стороны вроде бы от своих прежде данных обязательств перед польским королем он отказывался, но, с другой стороны, как то не покажется странным, предлагал Польше хорошие деньги, которые должен ей вовсе не был.

«При сопоставлении с другими указаниями, вывод, какой можно сделать из этого загадочного разговора, оказывается довольно определенным. Мы знаем, что ходил слух о ста тысячах флоринов, предназначенных тогда Дмитрием для польских мятежников; про набор местами лошадей, которые, по мнению занятых этим людей, должны служить для похода в Польшу (“Руск. Арх”, март 1886, 123–124; Акты для ист. Зап. Руси, VI, 251; сравн. Иконников, Дмитрий Сам. и Сигизм. III в Чтениях Общ. Нестора Лет., 1890, IV)» [149] (с. 210–211).

Так что эта развязанная Романовыми-Острожскими революция просто обязана была, после завоевания России, перекинуться еще и на Запад: для царства зверя всегда требовался лишь объединенный мир.

А для контроля за выполнением данного мероприятия, в подтверждение всему выше изложенному, в Москву к Лжедмитрию был направлен именно масон. Это был поляк Михаил Сендивогий, с 1599 года являвшийся секретарем у польского короля Сигизмунда.

Вот что сами масоны сообщают о его деятельности по организации революционного захвата власти в странах Восточной Европы. Как прекрасно известно, репетицией самозваннического заговора в Московии была попытка государственного переворота, предпринятого масонами в православной Молдавии:

«В сохранившемся письме, написанном в Варшаве королем Сигизмундом III и датированном 13 июня 1600 года, говорится: “Я посылаю Вашему Императорскому Высочеству Михаила Сендивогия для разрешения сложностей в Молдавии. Эта провинция всегда находилась под моей защитой...” (Интересно, что Альбрехт Лаский, приблизительно 35 годами ранее, пытался заполучить для себя молдавский трон, о возможности чего Джон Ди даже спрашивал позднее своих духов) [John Dee, Five Books of Mystical Exercises, ed. by Joseph Peterson, Silian 1985, p. 232]» [268].

Тех же *духов*, понятно дело — с копытцами, но уже в Москву, привозил с собою и Сендивогий. Вот что о нем сообщают сами масоны:

«Хотя имя это в прошлом было сокрыто, слава его теперь рассеивает тьму... Прага в Богемии весьма признавала его труды. Он написал двенадцать книг, чрез кои обучал.

Он говорил: Сам Сатурн должен увлажнить землю, если она, дорогие солнце и луна, будет нести ваши прекрасные цветы [Переведено по: Paul Allen (ed.), A Christian Rosenkreutz Anthology, Blauvelt 1981, p. 461]...

Впервые имя алхимика было открыто в 1613 году, когда три его работы под общим названием *Tripus Chymicus Sendivogianus* были изданы в Страсбурге, однако, судя по всему, было изъято самим Сендивогием, поскольку прочие издания его трактатов в последующие годы оставались анонимными до второй аналогичной публикации 1621 года и окончательно разоблачено в Эрфуртском издании 1624 года *Michaelis Sendivogi Poloni Lumen Chymicum Novum* с комментариями Иоганна Ортеля, которые позднее были подвергнуты суровой критике в страсбургском издании *Tripus Chymicus* 1628 года, вероятно со стороны самого Сендивогия» (там же).

Какова же причина этой самокритики?

Желание автора оставить имя свое неизвестным. То есть уйти в тень, как и положено адептам этой тайной секты. И лишь оттуда, из своего укрытого от посторонних глаз темного логова, продолжать вести подкоп под устои государств, исповедующих христианство. А в особенности — против Православных государств.

«Умер Сендивогий в 1636 году. Но образ величайшего алхимика “Эпохи розенкрейцеров” пережил его и сделал его труды особенно знаменитыми... слава Сендивогия породила и народные легенды — и по сей день в его родном городе Nowy Sacz, как утверждают, в канун каждого нового года на рыночной площади появляется его призрак [Bogna Wernichowska, Maciej Kozlowski, Duchy polskie, Warszawa 1983, p. 81–83.]... Михаил Сендивогий мог послужить прообразом для Кристиана Розенкрейца... [ведь] он определенно был тесно связан с истоками розенкрейцерского фурора, что охватил Европу в начале XVII столетия и который можно почувствовать даже сегодня. Возможно, дальнейшее изучение и исследование архивных источников, в особенности переписки Сендивогия с правителями и алхимиками того периода, выведет на свет какую-то даже более откровенную информацию» (там же).

Но куда же еще-то *откровеннее!*? Ведь в уже изложенном выше Рафаэлем Принке повествовании утверждается, что алхимик, отправившийся в Москву для исполнения им какого-то сверттайного задания (что нами определено — государственного переворота в Польше, подготавливаемого с участием Мнишека и Самозванца), был не просто совсем не рядовым алхимиком. Но прообразом самого Кристиана Розенкрейца, «Химическая свадьба» которого будет затем представлять собой масонский манифест.

«С учетом самой сущности дипломатии мало что известно о результатах этой и прочих миссий, предпринятых алхимиком, однако, его способности должны были быть оценены весьма высоко, поскольку в 1608 году Георгий Мнишек, пфальцграф Сандомирский, поручил Сендивогию отправиться в Москву в связи с деятельностью Лжедмитрия, дабы склонить русскую аристократию принять последнего в качестве царя (он был зятем Мнишека). Задание, очевидно, весьма опасное, однако никаких его подробностей нам неизвестно» (там же).

Зато уже теперь нам эти *подробности* становятся все более ясны. Причем с точностью до наоборот, вышеописываемым Рафаэлем Принке. Не русскую аристократию следовало уговаривать для принятия Лжедмитрия I в качестве царя. Она его к тому времени в этом качестве уже приняла, убрав с трона его конкурентов — царствующий род Годуновых. Но, наоборот, обеспечить поддержку Лжедмитрия, в случае удачного свержения польского короля польской аристократией, закупив ее голоса с потрохами московскими деньгами. Данное секретное мероприятие, что уже отмечено, вело к мировой революции. И вовсе не Мнишек распоряжался действиями секретаря Сигизмунда, откомандировав в Москву очень влиятельного алхимика масона, прототип Кристиана Розенкрейца, но сам Михаил Сендивогий, судя по всему являющийся резидентом масонства в готовящемся очередном заговоре, отправился в столицу русских, чтобы обеспечить финансирование готовящихся уже теперь в Польше революционных беспорядков.

Но кто-то, на наше, как это ни звучит парадоксально, *счастье*, этой столь сложной игры тогда не понял или не захотел понимать. Потому столь многоходовая комбинация масонов была разрушена перед самым ее триумфом. И даже понятно кем:

«Через два дня после приведенной беседы Дмитрия не стало» [149] (с. 211).

А беседовал он, напомним, с послом Сигизмунда. То есть замешаны в этом убийстве какие-то польские ортодоксы, которым посол пожаловался на вопиющую с их точки зрения неуступчивость Самозванца.

То есть этой страшной организацией все было продумано до самых последних мелочей. Но чей-то тупой максимализм, желающий видеть для победы темных сил

свершение как исключительно всего задуманного, так и сразу, совершенно непредвиденно поставил жирный крест на этой хитроумной затее. Кстати, точно так же, как затем на победе мировой революции поставит такой же крест Брестский мир. Что не позволит взорвать революцией Германию, терпящую, несмотря на выход из войны России, страшное поражение в 1-й мировой войне. Ленин, сделав ее победительницей, также нисколько не догадываясь обо всех тонкостях основной стратегии затеявших развал России сил, являясь максималистом в скорейшем освоении уже захваченной им территории, погубит мировую революцию перед самым финалом ее свершения.

Но что делать? Троцкий, прекрасно посвященный во все планы закулисы и столь настойчиво тянувший время с заключением мира, не удосужился уведомить Ильича в его основной стратегической ошибке. И все потому, что ему лично было гораздо выгодней устранить своего конкурента на мировой трон чисто физически. Что и было предпринято. Но неудачно. Неудачей же закончилось и все это предприятие с мировой революцией, когда, в конце концов, в революционную Европу большевиков вновь не допустили те же поляки, которые, также, не разобравшись в ситуации, не позволили приступить к управлению задуманной мировой империей и Лжедмитрия, прикончив его перед самым началом заключительного аккорда формирования Польско-Русской империи.

Кто является главным виновником случившегося убийства Лжедмитрия?

Здесь сразу определить трудно. Но уж Романовы в произошедшем были явно не заинтересованы. Не имеет причастности к случившемуся и усавившая на трон Лжедмитрия их тайная организация.

Здесь просматривается новый парадокс: польский бунт при истреблении поляков и ими же вроде бы и поставленного лжецаря. Странно, но именно попытка выжать из случившегося больше разумного, то есть откусить кусок пирога, много превышающий размеры желудка, перечеркнула все гегемонистские завоевания поляков, полученные к тому времени практически даром.

«Патриарх» Тушинского вора

Но вот, после загадочной смерти Лжедмитрия, вновь начинаются волнения, как по мановению волшебной палочки было исчезающие с воцарением ставленника закулисы. Появляются слухи, что Лжедмитрий жив: что он вновь чудеснейшим образом спасся. Хотя свидетельств о его действительной смерти предостаточно.

Вот лишь одно из них. Об осмотре трупа Самозванца в своем «кратком известии о Московии XVII века» сообщает голландский посланник Исаак Масса:

«Однажды, когда волнение утихло [на третий день после убийства Лжедмитрия — А.М.], я вышел из дому, чтобы посмотреть на мертвые тела [трупы Лжедмитрия и Басманова — А.М.]... я внимательно осмотрел его... это был царь, коего я неоднократно видел... они умертвили того, кто в течение года управлял государством...

Я сосчитал его раны, их было двадцать одна, и сверх того череп его был рассечен, так что оттуда вывалились мозги...» [309] (с. 146).

А вот что касается главной приметы Самозванца — бородавки у носа:

«...что касается бородавки у носа, то я и множество других людей вместе со мною видели ее на убитом...» [309] (с. 160).

И подобного рода свидетельств, утверждающих более чем явную смерть Самозванца, более чем предостаточно. Лжедмитрий и действительно был умерщвлен. Вот, например, как об этом же свидетельствует Мартин Бер, так же, как Масса, очевидец событий:

«Сочинитель сей книги, зная Дмитрия лично и видев его мертвым, может уверить, что Русские умертвили и сожгли того самого человека, который правил государством, и который уже не воскреснет. Пусть явятся еще трое Самозванцев под именем Дмитрия: все они будут обманщиками» [336] (гл. 6, с. 74).

Так как же раздувающим эту смуту масонам все же удалось уверить часть населения России, что якобы чудом спасшийся от рук убийц царевич Дмитрий все-таки продолжает оставаться живым?

В те времена желтой прессы пусть пока и не было, но была иная форма передачи информации — из уст в уста. И здесь требовалось лишь раздать какому-то количеству подлых людей, вполне готовых на передачу ложной информации, а таковых по тем временам в московских подземельях находилась целая армия [см.: «Ушкуйники урочища Обираловка»], крупную сумму денег, чтобы по стране поползли сплетни. В том числе и просто невероятные — что убитый, недавно воцарившийся якобы Дмитрий, якобы вновь, чудеснейшим же образом, как то ни покажется невероятным, жив.

А во главе слухов становится новый предводитель нового реального войска Самозванца, хоть самого его пока нет еще и в проекте. Этим предводителем становится Болотников.

Но и им проводимая политика слишком очевидна:

«Болотников, принимая звание великого воеводы, как будто слушался каких-то приказаний» [149] (с. 239).

Так что и в его деятельности, этого эдакого «народного оракула», вновь слишком хорошо заметна чья-то направляющая его действия невидимая рука. И хоть сам он, как и все прочие самозванцы, кончил тогда плохо (Болотникова просто «кинули», оставив без помощи в осажденной Туле), но им посеянная буза даром не рассеялась. Но воплотилась, и опять же — с чьей-то подачи, в новом авантюристе.

Что обязан был претворять в жизнь новый Самозванец — Лжедмитрий II?

Да все тоже самое, что обязан был выполнить, но не успел, Лжедмитрий I. Потому и к этому уже более чем явному авантюристу, словно не желая и в упор видеть более чем очевидной подмены:

«...примкнули не только московская чернь, но и многие видные бояре...» [160] (с. 333).

И если с боярами все понятно, то стоит разобраться: причем здесь эта самая какая-то такая «чернь»?

Так ведь это же революция! Точно такая, которую затем все те же силы провернут в 1917-м!

Однако ж и не только Горьковское дно, готовое всего лишь за бутылку на любые «свершения», в этот момент всплывает на поверхность. К Самозванцу:

«...переметнулись многие русские бояре, образовав в Тушинском лагере “правительство”» [132] (с. 197).

«Почти два года Тушино было бойким перекрестком, где встречались все беспокойные умы, все искатели власти и удачи — *все изменники*» [149] (с. 262).

Здесь, у стен Белокаменной, пользуясь поддержкой все той же продолжающей оставаться за кадром организации, начинает вырастать свое правительство России.

«В ненароком учрежденной иерархии новой столицы не хватало только патриарха, и вот осыпанный милостями и почестями Филарет соглашается принять на себя этот сан

и в качестве патриарха совершает богослужения и рассылает окружные грамоты по областям» [149] (с. 276).

Мартин Бер, очевидец событий, причем, сам прекрасно видевший и засвидетельствовавший доподлинность смерти Лжедмитрия I, подтверждает это Иудино «патриаршество» Филарета Романова с большой помпой принятое им с барствующего плеча Тушинского вора. Обласканный первым Самозванцем присвоением ему Ростовской митрополии (это подстриженному-то в рядовые монахи гражданскому лицу) Федор Никитич был экскортирован:

«...в подмосковный лагерь, где Самозванец принял его ласково и возвел в достоинство **патриарха**» [366] (гл. 8, с. 101).

А ведь именно Филарет, прекрасно видевший в лицо и не имеющий просто ни малейшей возможности не распознать в новом Дмитрие обманщика, несколько ранее засвидетельствовал и еще очередное — чудо обретения нетленных мощей убитого в Угличе Царевича. Причем, это явствует не из чьих-то разговоров, но из имеющихся документов:

«...из грамоты царской видно, что в Углич отправлены за мощами св. Дмитрия митрополит Ростовский Филарет, епископ Астраханский Феодосий, архимандрит Спасский Сергей, архимандрит Андроновский Авраамий, князь Воротынский, бояре Шереметев, Григорий и Андрей Нагие (Собр. Госуд. Грам. часть П. стр. 311); все они единогласно засвидетельствовали нетленность мощей св. Отрока; уже одно это свидетельство удостоверило бы нас в святости царевича, если бы мы и не имели других доказательств: можно ли думать, чтобы такие особы, как Филарет, согласились содействовать обману... В таком случае, надобно было бы лишить человека всякого нравственного достоинства» [427] (прим. 163 к с. 202).

А Филарет, что теперь выясняется, этого самого *нравственного достоинства* не имел и иметь не мог ни по каким нормам. Ведь он признал сразу одновременно трех царевичей: Лжедмитрия I, убиенного Дмитрия Царевича и Лжедмитрия II. О каком там еще «облика-морале» этого лгуна даже не в квадрате, но в кубе может идти еще речь?

То есть, как минимум, солгал он даже не единожды, но если не трижды, то уж хотя бы дважды. Что осталось зафиксированным историей фактом.

За что и был очередным лжецом премирован — получил чин патриарха. И от кого? От самого Тушинского вора. За что и одарил за оказанное ему Тушинским правителем воровское доверие этого ну совершенно явного самозванца, по-царски.

О чем и свидетельствует Бер:

«...митрополит вынул из своего жезла восточный яхонт, ценою в полбочки золота, и подарил его Димитрию» [366] (гл. 8, с. 101).

Как это они так архилюбезно с глубочайшей полубовностью раскланялись: ты мне — я тебе. Вор Филарету Патриаршество, а Филарет вору — в обратку — золота — не поднимешь: раз поставил меня духовным главковерхом, так получай денег на формирование армии. И пусть сегодня кто-то будет мямлить, что, мол, родоначальник династии Романовых, Федор-Филарет, эдакий-де горемыка, якобы не по своей воле поступил на службу врагу, не слишком-де желая этой воровской себе чести. Однако ж вышеприведенные доказательства его полной добровольности принятия предложенного ему сана Тушинским вором писаны просто белыми нитками, чтобы этого предательства можно было бы хоть попытаться как-нибудь у себя под самым носом не разглядеть. Причем, уже этого-то второго, как более чем явного обманщика, он не знать просто не мог — хотя бы в силу своего лжемитрополитства, преподаренного ему с барствующего плеча первым еще вором (или в счет начальника комиссии, направленной в Углич для освидетельствования мощей Дмитрия Царевича).

Но за царственную оказанную ему услугу он и приносит поистине царственный же и подарок — камень стоимостью в полбочки золота.

Одного этого вполне хватит, чтобы признать за ним истинного врага русского человека. Ведь полбочки золота — это снаряженное против нашей страны войско. Вот, между прочим, с каких денег и жировали наши враги — заготовленный для войны против России этот Тушинский лагерь Самозванца. Он вооружался и снабжался столь щедро, что выясняется, самим Федором-Филаретом Романовым — патриархом Тушинского вора. Какие еще доказательства для подтверждения масонства Федора Никитича Романова еще нужны?

И мало того, что снабжал, но и духовно окормлял всю эту здесь собравшуюся со всех стран и волостей шайку воров избранный очередным самозванцем в некие такие «патриархи» боярствующий монах — Филарет Романов. Он, собственно, профинансировал вора и вступив в качестве главы духовенства его лагеря, потянул в лагерь врага и всех иных себе подобных предателей Отечества:

«Вслед за Филаретом, этой **пародией на патриарха**, вся церковь ринулась, очертя голову, в тину: священники, архимандриты и епископы оспаривали друг у друга милости Тушинского вора, перебивая друг у друга должности, почести и доходы ценою подкупа и клеветнических изветов» [149] (с. 280).

Таким образом, Филарет, что необходимо признать, являлся не просто ставленником Тушинского вора, но и его наиглавнейшей опорой.

«Этот тягостный эпизод в жизни Ростовского митрополита обойден молчанием в его официальном жизнеописании, составленном в 1619 г.» [149] (с. 276).

А тут апологетам правящей в стране династии и соврать-то было уже нечего. Потому лучше промолчать — авось как-нибудь забудется. Но не забылось. Факт истинного «облика морале» ставленника масонов так и остался ничем не прикрыт. Вот даже и состав Тушинского лагеря оглашается:

«...“патриарх” Филарет с духовенством, Михаил Салтыков с тушинской “Думой”, Заруцкий с ратными людьми и хан касимовский Ураз-Махмет с татарами...» [149] (с. 297).

Так почему ж, спрашивается, самый яркий борец с самозванничеством, что затем было историками историй выдуманно, вдруг оказывается не просто в лагере изменников, но во главе этого лагеря?

Самозванец, по замыслам, обязан был победить — ведь страна, фактически, в ту пору была уже у него в руках. Да и воинство, благодаря просто невероятной щедрости родоначальника династии Романовых, у врага было собрано очень значительное. Вооружив наемное войско на полученные от Филарета Романова деньги, поляки захватили Ярославль, сожгли и разграбили близлежащие к нему деревни.

«...из Ярославля они двинулись к Даниловскому монастырю, сожгли его и умертвили всех жителей; потом пошли к Костроме, Галичу и другим непокорным городам: все обратили в пепел и овладели несметною добычею. Так миновал 1608 год, бедственный для России; много пострадала она от стотысячного войска Дмитриева!» [366] (гл. 8, с. 102).

Кто здесь еще попытается защищать Филарета, патриарха Тушинского вора, на чьей совести лежит уничтожение этих некогда цветущих русских городов?

Так ведь и в 1609 г. вооруженная с помощью денег Филарета Романова стотысячная Тушинская армия продолжала заниматься мародерством — убийствами, грабежами и изнасилованиями.

Однако ж не все у тушинцев получилось так гладко, как планировалось. Вроде бы и войско собрали серьезное и напали неожиданно, подмяв под себя пол России. Но вот со взятием Троице-Сергиевой Лавры, последнего оплота Православия в центральной

области Державы, что-то у безбожного воинства, духовно окормляемого Филаретом, не сложилось. Да и Москву с ходу захватить не удалось.

Но глава Тушинского лагеря и здесь не унывал. И именно с его подачи сюжетец с воцарением антихриста стал закручен и еще похлеще. Ну, во-первых:

«...после бегства Дмитриева [Лжедмитрия II — Тушинского вора — А.М.], поляки, русские бояре и патриарх Филарет Никитич, в общем совете положили единогласно: жить в мире друг с другом» [366] (гл. 10, с. 111).

То есть собрались все наши враги и порешили более не ссориться между собой. Врагами же этими, что и объясняет Мартин Бер, являлись на тот момент: поляки, бояре по обе стороны — как в Москве, так и в Тушино, и патриарх Тушинского вора Филарет Романов (настоящий Патриарх, Гермоген, в это время находился у поляков в темнице).

Да, они всем скопом порешили ни к кому не присоединяться. Но тушинцам это замирение, что выясняется, требовалось лишь для того, чтобы исполнить идею Филарета — посадить в Москву уже не лжемонарха, но монарха настоящего. С той лишь разницей требуемого русским человеком, что посадить нам на шею монарха иноверного и инородного:

«...мысль о призвании королевича Владислава на царство еще раньше, нежели в Москве, возникла в Тушине...» [160] (с. 335).

Тут, судя по всему, заговорщики поняли, что красная революция у нас все равно не пройдет и вору на престоле сесть не даст никто. Однако же хорошая перспектива обасурманивания страны могла осуществиться при передаче власти урожденному королю католику.

И все в замыслах Филарета складывалось здесь просто на удивление споро. Но вдруг возникло неожиданное препятствие:

«...патриарх Гермоген продолжал настаивать на избрании русского православного царя...» [160] (с. 336).

В этой связи достаточно интересно выглядела деятельность Филарета. С высоты Лобного места он вещал одно:

«Не прельщайтесь; мне самому подлинно известно королевское злоумышление над Московским государством; хочет он с сыном им завладеть и нашу истинную христианскую веру разорить, а свою латинскую утвердить» [160] (с. 336).

Но такое им периодически вещалось исключительно для подъема своей репутации. То есть немножечко покорчить из себя некоего такого уж слишком особенного праведника. Но на поверку его деятельность оказалась направлена в сторону прямо противоположную:

«В пользу королевича склонялся одно время и митрополит Филарет, **о чем свидетельствуют сохранившиеся его грамоты**» [160] (с. 336).

То есть свидетельствуют уже теперь не домыслы или толки в качестве рекламы некоей его такой слишком особой русскости, но исключительно *вещественные доказательства!* И доказательства именно деятельности его в пользу латинства, которое лжепатриарх (а вовсе не митрополит) Филарет уже на самом деле, а не на словах, так усиленно к нам пытался протащить Лжедмитриями и польским королевичем.

А вот теперь не просто о грамотах, но о взятии Филарета, что называется, с поличным.

Скопин-Шуйский:

«...напал на польский лагерь ночью, рассеял его совершенно, истребил войско, взял множество пленных, между коими было множество русских, которые, оставив Самозванца, перешли к королю...» [160] (с. 382).

Что они там делали?

Так ведь являлись посольством, призывавшим на русский трон польского королевича Владислава! И не только пытавшимся организовать это призвание, но уже и присягнувшим, за отсутствием самого королевича, его отцу. И Сигизмунд, ну, как хороший:

«...ограничился только требованием от них присяги, которую они, за отсутствием королевича, само собою разумеется, должны были принести королю. Это не представило затруднений. Итак, Московское государство покорилося Сигизмунду, поскольку его представляли москвитяне в Тушине и под Смоленском» [149] (с. 309).

Главным же из этих представителей являлся патриарх от Тушинского вора — Филарет Романов.

Но вот, совершенно неожиданно, под Смоленск нагрянули освободители. И среди прочих иных тушинцев, присутствующих в логове врага, Скопин-Шуйский «освободил», между прочим:

«...патриарха Филарета...» [160] (с. 382).

Ну, во-первых, все-таки *лжепатриарха!* Ведь Патриархом настоящим был в тот момент Гермоген. И второе: пусть мозги нам на эту тему не вправляют — он сам туда отправился — то есть никто его в плену не держал! А потом, с какой стати Филарета считать пленником — ведь он находился у короля, которому только что присягнул?

И подтверждением этой столь странной любви к плену Филарета Романова служат и все последующие события. Ведь он вновь направляется к «врагам». Поначалу они его вновь «пленяют» под Смоленском. Там в стане не только защитников, но и нападающих, стоит страшный голод. Но Филарета такие проблемы не касаются. Вот чем потчует этого «пленника» Сигизмунд на Пасху, извиняясь притом, что угощения-де слишком скромны из-за царящего голода:

«К пасхальному столу, однако, король прислал им кусок говядины, старого барана, двух ягнят, козу, четырех зайцев, тетерева, четырех молочных поросят, четырех гусей и семь кур. Он извинялся при этом, что не может лучше угостить их, потому что Русская земля по отношению к нему самому недостаточно гостеприимна» [149] (с. 357).

Так что с голоду Филарету помереть и здесь не позволили. Далее отсюда уехал он «пленничать» еще и в Польшу. И вновь несколько лет кряду «томился» в этом самом «плену» теперь еще и там.

О чем это говорит?

Значит, уж не так худо ему было в этих самых «пленях» «томиться», коль его вновь туда потянуло.

Подытожим эту его тягу к «пленениям». Плен за № 1: скачок из постриженного в монахи заговорщика в лжемитрополиты. Плен за № 2: скачок из лжемитрополитов в лжепатриархи. Плен за № 3: неудачный — его слишком не вовремя «освободили» (то есть освободили от оставшейся за кадром уж очень высокой должности). Плен за № 4: воцарение сына на русский трон. Ну а как из последнего плена «освободился», пятого по счету, за одно освободившись от достаточно серьезного на русский трон претендента, так и править страной, отданной ему тайной сектой в распоряжение, управлять и прибыл.

А вот как происходило это странное «народное» избрание его сына:

«21 февраля 1613 г. “казаки и чернь [то есть обитатели ночлежек или вообще подземелий, купленные за бутылку водки — А.М.] не отходили от Кремля, пока дума и земские чины в тот же день не присягнули” новому царю. Так, под давлением казаков...» [132] (с. 223)

был избран сын самого крупного в стране масона, заварившего всю эту кашу с Лжедмитриями и пачками раздаваемыми самозванцами митрополичьими и

патриаршими должностями, которые резидент тайной секты так обожал коллекционировать.

В довершение же ко всему он, благодаря поддержке казачества — главной опоры обоих Лжедмитриев, весьма успешно подготавливает выбор царя. Хотя известно:

«Помазанника Божия, Царя — нельзя выбрать, Его можно только смиренно принять из Руки Божией» [254] (с. 37).

Вообще-то не понятно: как вообще можно было воспринимать русскому вроде бы и православному в ту пору обществу решение силы, не многим ранее вместе с иноверцами, поляками, штурмовавшей Троице-Сергиевую Лавру? Ведь этих еретиков, поднявших руку на русскую святыню, следовало бы, по-хорошему, на костре запаливать, а не советов по избранию царя у них испрашивать!

А вот, между прочим, кто является истинными победителями смуты:

«Надо отметить еще одно явление: в этих вооруженных восстаниях против “вора” и его приверженцев одни только крестьяне доказали свое усердие, мужество и самоотвержение» [149] (с. 282).

И конечным победителем смуты, где правящее сословие доказало полную свою несостоятельность в управлении Россией, явилась русская:

«...община, этот обломок исконных учреждений самоуправляющегося мира, — такого благотворного учреждения не было в других общественных группах, — вот, без сомнения, причина этого явления, требующего глубокого научного исследования (См. Платонов. Очерки, с. 400).

Итак, общины северных областей со всех сторон пересылались грамотами и сговаривались» [149] (с. 282).

Так что победу в этой народной войне одержал как сам русский народ, так и его же форма управления — община.

Плодами же победы воспользовались все те силы, которые и палец об палец не ударили для восстановления русской государственности во времена смуты.

Причем ошибается тот, кто думает, что выбор этого царя казаками Трубецкого, лишь совсем недавно выступающими с поляками в поддержку Тушинского вора, избавил Россию от иноземного нашествия:

«...установившееся предание упорно настаивает на том, что товарищи Трубецкого имели очень важное, даже преобладающее влияние на соборе; поляки называли Михаила их избранником, и даже в 1614 году шведский генерал Горн писал новгородцам, что и тогда поляки распоряжались в Москве как хозяева (Акты Ист., Дополнения, I, № 166; Собрание Гос. грам. и долг., I, № 203; Дворцовые разряды, I, 1083–1086)» [149] (с. 395).

Кстати, Трубецкой вовсе не был сторонником лишь личного подчинения Тушинскому вору. 15 марта 1612 г. вот что о нем сообщает Иосиф Будило в своем дневнике:

«Донские козаки в московских таборах, услышав, что в Пскове объявился Димитрий, поверив, что он тот самый, которого Урусов убил в Калуге и надеясь иметь больше своеволия, присягнули на его имя. Трубецкого, Заруцкого и всех бояр, над которыми они имели [большую] силу, они насильно привели к крестному целованию на имя этого Димитрия...» [435] (с. 287–288).

Ох, так-таки уж и насильно? А почему бы и не наоборот — командиры призвали к очередной присяге очередному самозванцу своих подчиненных? С какой бы это стати тому же Заруцкому, приведшему на престол еще самого первого из самозванцев, а затем легко переключившемуся на служение второму, как того ухайдакали, вдруг упереться в нежелании служить еще и третьему такому же проходимцу?

И куда как еще более красноречиво подтверждает все вышесказанное и само назначение Трубецкого, полученное за свои труды перед Романовыми после воцарения еще и четвертого самозванца кряду, после неудачи троих своих предшественников, сына лжепатриарха Тушинского вора на Российском престоле:

«...князю Трубецкому пожаловали область Вагу, отобранную у Салтыкова... эта щедрая награда, несомненно, состоялась в течение того же года и еще раз указывает на весьма высокое положение, которое сохраняли за собой в Москве казаки» [149] (с. 396).

И совсем по-другому Романовы «благодарят» действительных защитников России от нашествия самозванцев:

«...с Пожарским хуже обошлись. Наградив его гораздо позже боярским чином, сам Михаил, должно быть, считал, что покончил с ним все свои счета... Что касается Минина, он просто исчез, без сомнения, возвращенный на прежнее положение, *как того желали поляки* (Собрание Гос. грам. и дог., III, № 48 и 56)» [149] (с. 396).

Ничуть не лучше сложилась после выбора на царствование Романовых и судьба главного виновника разгрома поляков при защите монахами Троице-Сергиевой Лавры:

«Авраамий Палицын, келарь Троице-Сергиева монастыря, много способствовавший Минину к освобождению Москвы от врагов... По вступлении на престол Михаила Федоровича... понес опалу царя, и был удален в Соловецкий монастырь в 1620 г.; там он кончил дни свои 13-го сентября 1627 года» [269] (с. 17).

Понес опалу, заметим, при воцарении лжецаря, а вот стал сослан уже после того, как вернулся из своих странствий по заграницам, то есть по им столь обожаемым пленам, лжепатриарх Филарет.

Был совершенно забыт Романовыми и Минин. Чему подтверждением как быстрая смерть этого патриота нашего Отечества, так и само место его захоронения — в Москве в качестве избранных лучших людей он так и не попал:

«...он скончался в 1616 году (Тело Минина погребено в Нижегородском соборном храме Преображения Господня)» [269] (с. 22).

Может и скончался не сам? Может и здесь помогли братья масоны? Ведь прожить всего три года после великой победы над поляками...

Поляки же, что выясняется, и о чем сообщает шведский генерал Горн, и после воцарения Романовых все так и распоряжались в Москве как хозяева.

А с воеводой Михаилом Борисовичем Шеиным, главным виновником неуспеха Сигизмунда под Смоленском, было поступлено и еще более подло. Когда в 1633 году его немногочисленное войско, судя по всему стараниями все тех же Романовых, попало в окружение, он уже не стал требовать от своих подчиненных выдерживать длительную осаду. Он понял, что помощи ему от специально посланных его на верную смерть Романовых, засевших в кремле с помощью его извечных врагов, никогда не дожидаться. А потому согласился на предложенный аккорд, тем сохранив вверенных ему людей живыми.

Но такое не устраивало Филарета. Потому он приказывает отрубить Шеину голову. Причем делает это продуманно подло:

«Чтобы, однако, Шеин... решился на это, применили к нему следующую хитрость: его убедили в том, будто выведут его только для видимости, но казнить не будут: "...как только Шеин ляжет, сейчас же явится ходатайство за него..." Когда теперь Шеин, утешенный и полный надежды, которую еще более усиливало **доверие**, по некоторым причинам питавшееся им **к патриарху [Филарету]**, — выступил вперед и лег ничком на землю, палачу был дан знак поскорее рубить: тот так и сделал, несколькими ударами срубив голову.

После этого, еще в тот же день, **сын Шеина**, также бывший под Смоленском... был... **кнутом засечен до смерти**. Остальные друзья его немедленно же были сосланы в Сибирь» [267] (с. 187).

Так что истинные победители этой войны с интервентами, в сражениях под Москвой, Смоленском и Троице-Сергиевой Лаврой доказавшие свою преданность идеалам Святой Руси, Романовыми, выбранными неким таким «гласом народа», не только оставлены до времени в полном презрении. Но оставшиеся еще в живых ко времени кончины Филарета, подло преданы этими ставленниками масонской закулисы лютой смерти. Причем, что наиболее высвечивает причину их столь вероломного убийства, Шеиных и их сторонников поубивали по той причине, что правящий масонский клан, предвидя скорую смерть Филарета, решил перестраховаться, расправившись со всеми оставшимися в живых легендарными народными героями — победителями интервентов.

И все потому, что обстановка в то время, когда практически все учреждения в стране уже были переданы в иноземные руки, была слишком накалена. По этой причине правящие масоны и решили перестраховаться — героя обороны Смоленска и его сына — убить. Что и исполнили тогда столь подло и вероломно, что даже в пересказе зарубежных писателей не удалось как-либо и в самых малых тонах заретушировать эту низость романовской клики.

Так поступили Романовы вообще со всеми преданными Отечеству людьми. Рыскавшие же по стране с Лжедмитриями и поляками бандиты, после этого странного собора, избравшего сына лжепатриарха на царство, не просто остаются в привилегированном положении, но их руководители получают с барского стола очень солидные подношения.

Они же являются и ближайшим окружением романовского трона:

«...тут были и клеветы Годунова, и приверженцы Отрепьева, Шуйского и Владислава, и даже сообщники вора Тушинского» (там же).

Не было только сторонников истинных виновников победы над интервентами: ни Минина, ни Пожарского, ни Шеина, ни Авраамия Палицына!

И все это по той удивительной причине, нами обнаруженной, что и сам папа избранного в цари темными силами мальчика во время всего практически периода смуты находится в самом центре нами вскрываемого заговора:

«Вынужденный облачиться в рясу и жить под строгим надзором в монастыре, как в тюремном заключении, Филарет сумел сохранить свои разнообразные связи с миром и участвовать в событиях, потрясавших его родину. Из польского плена он продолжал сноситься с родными и друзьями и, конечно, не оставался безучастным к совещаниям избирательного собора и их окончательному исходу» [149] (с. 399–400).

Потому об этом странном сборище, так помпезно сегодня нам преподносимом историками как некий такой якобы одолевший смуту собор, где русский человек, в силу присутствующего здесь большинства его не только тайных, но и совершенно явных врагов остался в меньшинстве, необходимо сказать словами Федора Студита:

«Не всякое собрание есть Собор, а только собрание стоящих в Истине» [254] (с. 37).

А стояли ли в ней казаки, долгие годы Смуты управляемые самозванцами и поляками? А бояре, столь упорно расшатывающие Русский Трон, чтобы самим немножечко «поправить»? А священники, столько лет кряду именуемые на Литургиях самозванцев законными царями?

А ведь все они вкуче и составляли этот не имеющий прецедента в истории «Собор», на котором, совершенно неслыханное в мировой практике дело, была на целый народ

наложена клятва. И даже не в случае неповиновения самому избираемому правителю, но неповиновению *династии* этой фамилии царей!!!

Уж такого ярма история просто не помнит.

Но и не должна помнить. Ведь на «добром» в ту пору Западе с правителями кончали чуть ли ни ежегодно. Такое было у них в привычке. А к нам в привычку вошло, между прочим, исключая братоубийцы князя Владимира и Святополка Окаянного, лишь с воцарением Романовых: своей смертью не умер ни один из них (может, только Петр I, сгнивший от сифилиса... [но уж он — ну просто более чем явно — не Романов]).

Но как, в таком случае, следует отвечать на вопрос ныне опрямлиенного «ортодокса», сторонника Редигеров-Гундяевых: «не прикасайтесь к помазанным Моим»?

Словами преподобного Иосифа Волоцкого. Ведь он утверждал, что неправедный царь:

«не Божий слуга, но дьявольский» [255] (с. 83) (в факсимильном варианте с. 287).

И очень не зря, следуя дальнейшему ходу развивающихся событий, сам виновник всего произошедшего тогда в нашей стране, Филарет Романов, избрал себе такую должность, которая позволяла не просто менять в России искони установленные порядки, но и менять порядок некогда установленного богослужения.

Так что теперь, находясь на высшем посту церковной иерархии, можно было продолжить ту работу, которую некогда начал в нашей стране жид Схария.

А те достаточно туманно теперь просматривающиеся времена, похвалы о которых слишком наигранны и не естественны, ознаменовались лишь тем, что население России в те годы не увеличилось. То есть о них имеющаяся сегодня история достаточно явно кем-то старательно подправлена.

Однако ж и здесь имеются исключения. Факты о тех забытых всеми временах иногда все ж прорываются и сильно теперь удивляют. Вот один из них, оказавшийся затерянным в объемистых манускриптах Кирилло-Белозерского монастыря:

«Кириллов монастырь остался единственной на Севере твердыней, не разоренной литовцами. Тогда весь край белозерский был занят их шайками; паны разбойничали здесь по крайней мере до 1618 года» [168] (с. 330).

Таким образом, выясняется, что, по крайней мере, первые пять лет в нашей стране правления первого из династии Романовых иноземного разграбления страны вовсе не остановило даже в самых отдаленных глубинках! А может, именно это и входило в планы столь странного воцарения сына находящегося по своему обыкновению «в плену у врагов» Филарета?

И вот какое событие произошло в том же году. Вот чем ознаменовали масоны, захватившие российский престол, свое вступление в обладание Русским царством:

«1 декабря 1618 между Московским государством и Речью Посполитой было заключено Деулинское перемирие сроком на 14,5 лет. К Речи Посполитой отошли Смоленск и Смоленская земля, Северская земля... (Савич А. А. Деулинское перемирие 1618 г. // Московский гос. пед. ин-т им. К. Либкнехта. Ученые записки. Серия историческая. Вып. 2. № VI. М., 1939)» [416] (примечание 200).

Иные же части Святой Руси, терзаемой иноверцами, но чуть ранее, были отданы на поругание иным варварам. И все в рамках заключения так называемого «мира»:

«Карелия и Ингрия, принадлежавшие к Руси с древних времен, по Столповому договору 1616 года были отторгнуты от Русской Земли; вместе с ними к Швеции перешел Валаамский остров с его знаменитой обителью» [168] (с. 340).

То есть, отдана басурманам этим странным царем русская святыня, древностью намоленного места не уступающая пещерам Киево-Печерской Лавры!

И так же как с нашими святынями поступала эта избранная разбойным казачеством фамильная клика и с вверенным ей народом: за время правления первых двух царей из этой очень темной династии население России не увеличилось. А ведь аборт в ту пору не существовало. Куда продолжало таинственным образом все исчезать нарождающееся население?

Вот один из примеров ответа по данному вопросу. Отношение к своему народу царей из династии Романовых нам разъясняет С.М. Соловьев:

«По вечному dokonчанию с шведским королем надобно было отдать всех перебежчиков, а довелось тех перебежчиков, православных христиан, в шведскую сторону отдать в лютерскую веру с 50 000 душ...» [178] (с. 27).

Вот от каких договоров с нашими врагами безлюдели земли Руси, разоряемой ворами, интервентами и Романовыми. А потому:

«...во время сошного письма, бывшего в 1625 и 1632 годах, многие деревни стояли пустыми, церкви разоренными и без пенья» [168] (с. 332).

Так что первые 20 лет правления, что, между прочим, слишком сильно совпадает с правлением у нас до 1943 года большевиков, в наших церквях, по преимуществу, продолжала царить **мерзость запустения!** Случайно ли такое совпадение или историки так запрятали этот предпетровский большевизм, что мы о нем теперь ничего не в силах доподлинно выяснить?

А вот как повествует, например, Академический словарь о том, что вытворяли иноземные по нашей разрушенной стране разгуливающие закордонные скоморохи, шпыни (от немецкого слова *шпилен* — играть), уже чуть ли ни четверть века спустя прихода у нас в стране к власти этой странной династии царей — аж в 1636 г.:

«во время же святого пения ходят по церквям *шпыни*, с безстрашием, человек по десятку и болши, и от них в церквях великая смута и мятеж» (Акты археогр. эксп. III, 40)» [32] (с. 835).

Откуда у нас на Руси аж еще в XVII в. воинствующие безбожники!? И это в допетровскую эпоху — безмятежную, по Солоневичу, эпоху Московских царей!? Кто же это не просто за границу в нашу страну безсчетными ордами запускать, но и позволял ей «с безстрашием», то есть с полной уверенностью своей полной безнаказанности, шастать по церквям и срывать Литургию, за что Иоанном Грозным, между прочим, в числе и иных всего лишь шести статей, предусматривалась высшая мера наказания?!

А еще 12 лет спустя этого открытого разрешенного заграничной клоунадой кощунства над русскими святынями, странным образом введенного в обиход этими странными царями (какой-то аналог «всешутейшего собора» Петра I), Русь была «обрадована» и следующим нововведением — крепостным правом: точной копией советских колхозов — у колхозников не имелось паспортов.

И вот как со своим народом расправлялся уже Алексей Михайлович, этот якобы некий такой тихоня и святоша. Вот фрагмент подавления даже не бунта, но народного волнения, в котором участие принимали, в своей подавляющей основе, уж вовсе не злоумышленные заговорщики, но всегда доверявшие справедливости Московских Царей уличные зеваки:

«...Алексей Михайлович обратился к стоящим около него стрельцам и придворным и велел двинуться на гилевщиков, которые, придя не за тем, чтоб сражаться, побежали врознь; их начали хватать... Человек сто утонуло в реке, больше 7 000 было перебито и переловлено, тогда как настоящих гилевщиков было не больше 200 человек, остальные пришли из любопытства, посмотреть, что будет делаться... Главного заводчика... не нашли и наказали тех, кто более других участвовал в самом гиле волею или неволею: вешали, резали ноги, руки и ссылали в дальние города» [178] (с. 57).

Нам о подобных зверствах, причем в эпоху некоего такого «Тишайшего», слышать приходится впервые. Ведь Царь для нас всегда являлся отцом. И как родной отец смог бы рубить руки и ноги своим родным детям — такое и по сию пору не укладывается в нашей голове.

И вот кем была произведена эта жесточайшая расправа над мирным населением, попытавшимся мирной демонстрацией повлиять на отмену несправедливого завышения цен на соль и отмену медных наполовину фальшивых денег.

Патрик Гордон, сам участник этой расправы, сообщает:

«Все иноземные офицеры получили за сие дело... пожалования и награды (Майоры иноземцы во главе с Гордоном получили “по 4 аршина сукна анбурского по полтине аршин” (РГАДА. Ф. 396. Оп. 2. Кн. 317. Л. 306–308 об.))» [347] (с. 121).

И вот что по национальному признаку представляли собой карательные войска, доверенные командованию иностранцев.

Гордон сообщает:

«У нас в полку было около 1200 человек, в том числе 800 мордвин и черемисских татар, кои, верно, не стали бы сочувствовать или примыкать к мятежникам и бунтовщикам» [347] (с. 120).

Так что наш этот самый «Тишайший», что выясняется, распрекрасно знал — откуда набирать ему это защитившее его тогда от русского народа штрейкбрехерское полицейско-палаческое воинство. Иностранцам, что и понятно, убивать и калечить русских было куда как много удобнее, чем становиться на путь предательства природным жителям своей земли.

А потому рубили головы, руки, вешали — нельзя было народу возмущаться политикой царя по тотальному обиранию его верноподданных.

Но и выше упомянутое не явилось чем-то из ряда вон выходящим в царствование этого ох как еще и не тишайшего царя:

«...за порчу денег переказнено было больше 7 000 человек да больше 15 000 наказано отсечением рук, ног, ссылкой, отобраением имения в казну» [178] (с. 58).

Так что зверства того времени просто ужасают и повергают в шок. А в особенности в сравнении с тем мнением лжеистории, которая навешивает на этого кровавого палача ореол некой слишком уж не в меру набожности и смиренности.

Потому и объявленная в его эпоху некая-де святость окружавших его «боголюбцев», силою пытавшихся навязать нам какие-то якобы нами забытые «древлеправославные» обычаи, — все из той же оперы. Ведь надетое этим царем на русского человека ярмо, в виде крепостного права, вкуче с вышеописанными никогда на Руси не бывальными жестокостями, было оформлено исключительно в тот самый момент, когда всех несогласных со зверствами официальных властей надо было загнать в леса. Именно там его поджидали двумя десятилетиями ранее кем-то организованные лесные общества Капитоновщины, зовущие к себе всех тех, кто заподозрит в правительстве признаки прихода антихриста.

А потому, коль антихрист настал, следовало как-то по-особому подходить к возможности усиления проявлений остающегося от супостата в неповрежденности нашего святоотеческого вероисповедания. Увеличить, что и понятно, время молитвы (что и демонстрировали «кружковцы» Алексея Михайловича) или, второй вариант, усилить пост. Что и демонстрирует Капитон:

«...вопреки православным правилам о посте, он заставлял своих монахов не только поститься по средам и пятницам, но и вообще ничего не позволял им есть как в эти дни, так и в субботу» [277] (с. 132).

Поститься же в субботу без воды и еды, что всеобщее известно, за исключением Великой Субботы, вообще нельзя. Ведь даже во времена строгих постов на субботу и

воскресенье делается некоторое послабление. Вот что сообщается современниками Капитона, иностранцами в России, об обычаях москвичей той эпохи по части держания строгого поста:

«Некоторые Великим постом принимают пищу по воскресеньям и субботам, а в остальные дни воздерживаются от всякой пищи» [306] (с. 28).

Что свидетельствуют как Поссевино, так и Крижанич.

А вот какие аргументы не в пользу католицизма приводит Алессандро Гваньини, и сам католик:

«В субботу же они [русские — А.М.] считают грехом не есть мяса, и более всего за это порицают римлян, доказывая это аргументом папы римского Климента, который говорит в 64-м правиле апостольских статутов: “Если обнаружат, что церковнослужитель постится в субботу или воскресенье, за исключением субботних постов, предписанных церковью, то да будет он лишен священнического сана; если же это будет мирянин, то да будет он лишен причастия и отлучен от церкви”» [402] (гл. 2).

Да и нам самим хорошо бы все-таки знать об особенностях проведения постов нашими далекими предками.

А вот откуда взята эта привычка поститься когда того не должно — в субботу. Юст Юль, датский посланник в России, вот как описывает имеющиеся в его время по данному вопросу обычаи:

«...пятница, а равно и среда, у русских дни постные или рыбные, как у католиков пятница и **суббота**...» [322] (с. 50).

Так кто же он такой — этот самый «старец» Капитон, заставляющий людей достаточно сомнительными нововведениями впадать в грех?

Он, судя по всему вышеизложенному, отнюдь не является основоположником какой-то особой гностической ереси. Но лишь аккуратным исполнителем порученного ему Романовыми задания.

А задание было поставлено на расцерковление русского человека. Что Капитоном и исполнялось над разбежавшимися от крепостного права людишками. Все этим ересиархом было сделано для того, чтобы русский человек:

«...перестал ходить в церковь и принимать причастие» [277] (с. 133).

И власти с Капитоном, как это ни покажется теперь странным, всегда работали в тесной связке. Что подтверждает своими исследованиями даже такой явный апологет «древлеправославия», как Зеньковский. Вот для каких нужд создавалось столь кропотливо Филаретом и его последователями это лесное староверчество, не соблюдающее, как положено, постов, и даже принявшее католические обычаи поститься по субботам, и вообще переставшее принимать причастие:

«С 1649 года... крепостное право достигло своего максимального развития. Эта победа помещиков-дворян над крестьянами стала причиной бесконечных социальных волнений, заставила крестьян бежать... Эта же победа позже поддержала и раскол внутри церкви, так как крестьянин-беглец больше сочувствовал преследуемым правительством раскольникам, чем представителям официальной церкви» [277] (с. 128).

То есть в заблаговременно расставленные Капитоновщиной сети, а объявляется его учение уже в 30-х гг., и был направлен несогласный с крепостнической политикой мужик. А чтоб он не думал, что с ним будет кто-то шутить, был издан закон об умышленном членовредительстве — отрубании палачом рук и ног. Жестокости, которой у нас на Русской Земле никогда испокон века и в природе существовать не могло.

Вот что свидетельствует об использовании этого нововведения при Алексее Михайловиче приехавший в составе голландского посольства в нашу страну Николас Витсен. В его дневниковых записях от 9 марта 1665 г. значится:

«...наш штальмейстер был предательски ранен двумя ранами. Преступник был схвачен, по обычаям страны ему отрубили пальцы ног, заковали в цепи, и вскоре он будет отправлен как ссыльный в Сибирь» [361] (с. 130).

Вот какие «обычаи» бытовали в России во времена первых Романовых.

Но такой случай был не единственным. Лишь через неделю после вышеописанного Витсен увидел куда как более массовую и куда как и еще более жуткую расправу «Тишайшего» над своими верноподданными:

«17-го здесь руками палача были казнены примерно 120 человек, кроме тех, которые кнутом или иначе были наказаны. Одного, я видел, сожгли заживо...

На том же месте у двух-трех человек были отрублены руки и ноги, а затем голова. Одни потеряли руки, другие — ступни; жуткое зрелище... Здесь же прибавилось еще третье исполнение [приговора]: одного человека повесили на высокой виселице... Еще в одном месте женщине вырезали язык. В общем, то здесь, то там вешали, обезглавливали и т.д.» [361] (с. 134).

А калечили вот за какие, например, проступки:

«Кто описку сделает в титуле царя, хотя бы в одной букве, того лишают руки» (там же).

Врач Алексея Михайловича Самуэль Коллинс дополняет Витсена:

«Два года тому назад один удалец выстрелил по скворцу в царском дворе, но пуля скользнула и упала в царские покои. Стрелку отсекали левую ногу и правую руку. Открыв тайный заговор, заговорщиков мучат втайне, потом увозят... и, отъехав сто или двести верст, попросту опускают их в прорубь. Других, отрезав им носы, уши и выколол глаза, ссылают в Сибирь за три тысячи верст...

Виселица недавно введена в употребление» [404] (гл. 14, с. 24).

«За разные преступления лишают человека глаза, носа или уха, разрезают щеки или лоб. Должников бьют по голням. Кроме того, что сжигают людей, их бросают живых и связанных в огонь для пытки и оттуда вынимают» [361] (с. 134).

Так что никак не Петр ввел человеконенавистничество в обиход российской фемиды. Но, как этот ни покажется странным, именно этот самый «Тишайший», якобы замоленный и перемоленный с головы до самых пяток.

Вот как характеризует этого монарха, кстати, лишь превозносящий его достоинства чуть ли ни до небес, Павел Алеппский:

«...воеводы в Путивле, во дни Михаила, отца теперешнего царя, были притеснители, обидчики и **взяточники**... Но... Алексей... воцарившись, казнил всех этих неправедных воевод... и поставил на их место новых, которые постоянно трепещут перед ним, ибо он склонен к пролитию крови...» [368] (гл. 9, с. 114).

То есть, предваряя преступления Ленина, лишь еще ступив на трон, сразу же и казнил *взяточников*. А вот как, по обнаруженным Латышевым архивным документам, поступал со *взяточниками* вождь мирового пролетариата:

«13 мая в письме к наркому Ленин высказался за создание в Петрограде “надежной рабочей армии 20 000 человек для дисциплинированного и беспощадного военного похода на деревенскую буржуазию и на взяточников” (50; 72). Как армия может с успехом “воевать” против **взяточников** — одна из загадок Ильича» [369] (с. 61).

Разрешенная, заметим, уже двумя с половиной столетиями ранее «Тишайшим». Он поступил с ними просто: без суда и разбирательств, то есть лишней с его точки зрения волокиты, взял да и казнил всех — на всякий случай. Понятно, поставленные на их место воеводы уже боялись и чихнуть лишней раз.

Вот еще пририсовочка к этому портретцу. Нам долго внушали, что Петр I ну никак не мог осквернить своих рук в качестве палача. Но лишь неопровержимые факты, причем, собранные по множественным свидетельствам современников, наконец составили более чем красноречивый ответ на эту тему: да, Петр I является убийцей. Причем сам лично на глазах многих людей не только совершал эти убийства, но и наслаждался ими (см.: [237]), являясь садистом, каких свет не видел.

Все то же теперь всплывает и про «Тишайшего». Павел Алеппский, его современник, свидетельствует:

«Нам также сообщили о царе, что государственные сановники, в царствование его родителя, не боялись царя, потому что он был человек простодушный, мягкий, слабого сложения, не любивший кровопролития и войны или подобного, так что его звали монахом. Но этот царь обуздал и смирил вельмож вконец и многих из них казнил. Нам рассказывали, что в самое недавнее время он убил собственною рукою одного из вельмож среди дивана. А именно: он послал его в одну область привести тамошних ратников для похода. Эти же, придя к нему, упросили его, подкупив деньгами, освободить их от похода и дать отсрочку до будущего года. Вернувшись к царю, посланный стал просить его, под разными предложениями, избавить их от похода. Царь тотчас понял, в чем дело... призвал того несчастного и, как он молод и весьма жесток, **умертвил его своим мечом среди дивана**» [373] (гл. 8, с. 96).

То есть он не просто приказал убивать взяточников, но, что выясняется, он их сам лично убивал, исполняя роль палача.

Что из всего лишь еще здесь пересказанного напоминает нам о саге про некоего такого уж чрезмерно набожного, что и мухи не обидит, — «Тишайшего»? Алексей Михайлович, что выясняется, казнил направо и налево, причем, даже своих воевод. А уж за всех остальных, ошибающихся ли в титуле царя или не успевших вовремя ему в ножки плюхнуться, и говорить нечего: кому рубил руки, ступни ног, или резал языки. Противящихся же им изобретаемой новой вере, затем переименованной в некую такую уж чрезмерно «старую», сжигал живьем на кострах.

Потому мужик, почувствовав пришествие в его святую страну антихриста, массово, как и было запланировано правительством, и кинулся в леса.

А там его и поджидал Капитон со своими постыющимися по субботам (в день, между прочим, Бога Отца — Творца небу и земли — Русы) «монахами». То есть, во что это движение вполне закономерно еще десятилетие спустя и выльется, буквально с мыльцем и с пеньковой веревочкой, весьма услужливо подготовленными для тех, кто с масонской диктатурой Романовых будет не согласен.

Не нравится тебе влезший на престол наш всеруссконародный антихрист?

Встань на табуреточку и одень головку в петельку. А мы вам и с мыльцем поможем — смажем веревочку — затянется на шейке в лучшем виде — любо-дорого.

И таким весьма не сложным образом и можно было избавляться от всех наиболее непреклонных русских людей, столь упорно постоянно мешающих масонам построению государства зверя. Ведь как еще по-другому заткнуть глотки всем этим непокорным правительству русским людям, пытающимся вернуться к своей древней исконной старине?

Вот какова была цель всех этих весьма странных нововведений второго царя из масонской династии Романовых.

Но и в быту Алексей Михайлович выглядел более чем беспокойным. Совсем не таким, как славословят о нем, уверяя, что он был каким-то якобы неумеренно тихим.

Вот какой выходкой, например, отмечено его присутствие при богослужении, проводимом при посредстве Патриарха Антиохийского Макария:

«В конце пения псалмов чтец... начал: “благослови отче!”...Вдруг император вскочил со стула и с бранью сказал чтецу: “Что ты говоришь?! Мужик, б...н сын!! — почему ты говоришь «благослови отче?» он патриарх; скажи — «благослови владыко!»”

Чтец был ошеломлен...

И вообще от начала до конца службы он постоянно учил монахов церковному чину и постоянно, подходя к ним, говорил: “пойте так; повторяйте такой-то канон...”. Если ошибались, он бранил их... пропели полиелей, и наш господин вошел было в алтарь разоблачиться, но государь остановил его и просил не снимать облачения, пока не прочтет Евангелия.

Кроме того, от начала и до конца службы, император не переставал разговаривать с нашим господином» [271] (с. 76).

Коллинз отмечает, что праздные разговоры в церкви у Алексея Михайловича являлись вовсе не исключением, но правилом:

«В известные промежутки служения они разговаривают о делах, и почти всегда Император занимается делами в церкви, где он окружен всеми своими боярами...» [404] (гл. 1, с. 3).

Такими вот выходками отметил поведение в церкви Алексея Михайловича Павел Алеппский. Но и не только чтецов обкладывал в церкви матюганями наш «Тишайший», но, что выясняется, и самого Патриарха всея Руси:

«...рассказывали, например, что будто бы в В[еликую] пятницу император поспорил с Патриархом и поспорил так крупно, что назвал его мужиком, б... с...» [271] (с. 89).

Но бывали выходки и покруче. Когда Илья Данилович Милославский, находящийся в ту пору в солидном между прочим возрасте, предложил царю себя в качестве военачальника против поляков, «Тишайший» закатил истерику:

«“Как ты смеешь, страдник, худой человечиска, хвастаться в своем искусстве в деле ратном? Когда ты ходил с полками? Какие победы одержал над неприятелем? Или ты смеешься надо мною?” Словами дело не кончилось: гневный царь дал пощечину старому тестю, надрал ему бороду, выгнал его пинками из комнаты и захлопнул двери» [178] (с. 181).

Так поступил он в самой безобидной казалось бы ситуации не с кем-то там из просто приближенных, но с родным отцом своей жены!

Вот еще вариант издевательства Алексея Михайловича над ним же. Витсен от 18 марта 1665 г. в своих дневниковых записях сообщает:

«Сегодня на Илью Даниловича было наложено сделать 800 земных поклонов во дворце» [361] (с. 135).

То есть «Тишайший», что выясняется, над престарелым человеком, отцом своей жены, просто издевался в открытую.

Вот еще пример. Член польско-литовского посольства в Московию в 1678 г. чех Бернгард Таннер вот что сообщает об очередной выходке этого самодура. Поляки устроили на своем дворе ночную попойку. Проснувшийся среди ночи Алексей Михайлович:

«...не могли докликаться спящего служителя, встал сам и, стараясь разбудить его со свечкою в руках... зажег ему бороду, по обыкновению весьма длинную» [425] (с. 222).

И такие выходки, к чему присоединяется и наш историк Соловьев, были отнюдь не единичными в царствование этого самодура.

Еще один пример. Царь отворил себе кровь. Ему от этого полегчало. Потому он потребовал от своих верноподданных сделать то же. Все приближенные, прекрасно зная нутро этого, что выясняется, просто какого-то не иначе как идиота на троне,

перечить не посмели и пустили себе кровь. Но вот старичок один, Родион Стрешнев, от кровопускания отказался:

«Алексей Михайлович вспылит: “Разве твоя кровь дороже моей? Что ты считаешь себя лучше всех?” И тут дело не кончилось словами...» [178] (с. 181).

Вот вновь слушаем рассказы о нравах Алексея Михайловича современника. Павел Алеппский:

«Нам рассказывали, что в прошлом году [в 1654 — А.М.] он выехал... на богомолье... по дороге царя был мост; но царь оставил этот мост (в стороне), а съехал подле него в реку, которая очень глубока, переехал через нее и вышел на другой берег в совершенно мокрой одежде; затем крикнул своим вельможам: “кто не поедет за мной, тот лишается жизни”... Уверенные в неминуемой беде... они поневоле спустились в воду... Царь смотрел на них и смеялся, пока они не перебрались через реку в самом жалком положении, в промокшей одежде... они вошли в монастырскую церковь и отстояли обедню от начала до конца... в промокшей одежде, с которой струилась вода: он никому из них не позволил выйти до окончания обедни. Все пошли в его дворец и простили отпустить их, чтобы переменить платье, но он не пустил... так что большая часть их дрожала от холода и у них зуб на зуб не попадал» [373] (гл. 8, с. 97).

Вот еще выходка. Когда его приближенные, решив что царь куда-то уехал, не запоздали или не явились на одно из церковных богослужений:

«Он тотчас записал имена тех, которые не явились, и послал привести их из дому со связанными руками, отвел их на берег реки Москвы, которая течет близ дворца, и велел бросить их всех в реку, схватив за руки и за ноги, в их парчовой одежде и со всем, что было на них, говоря: “вот вам награда за то, что вы предпочли спать со своими женами до позднего утра этого благословенного дня и не пришли отстоять заутреню вместе с царем”.

О нем существует много подобных рассказов, но записаны не многие...» [373] (гл. 8, с. 98).

А вот что сообщают о подобного рода случаях со своими соотечественниками даже столь удивительно любимые «Тишайшим» иностранцы. Итальянец Вимена да Ченеда, например, вопреки и тогда и теперь имеющемуся о нем мнению, сообщает, что:

«...некоторые случаи обнаружили в нем свойства суровые. За некоторые и маловажные преступления определены строжайшие наказания, как то случилось с сыном Вольфанга Якоби, переводчика шведского языка, которого по неосновательным подозрениям приказал он четвертовать. Другим примером служит один немецкий Капитан, которого за то, что он осмелился просить позволения побывать в отечестве, с обещанием возвратиться в службу, приказал он сослать в Сибирь» [413] (с. 90–91).

Так что очень зря мы считаем эту эпоху, в противоположность временам ей nasledующим, достаточно благоприятной для России. Мордобою подвергались даже самые близкие ему люди. Мало того — иностранцы — народонаселение Западной Европы, приставленное им для откачки как можно большего количества русской крови с целью нашей Державы от ее нехватки быстрейшего умерщвления. Что говорить за тех, кто находился от него хоть на самую малость подальше? Причем, как уже выяснили, в средствах расправы Алексей Михайлович уж вовсе не стеснялся.

И именно от него и пошедшее «слово и дело», то есть быстрая и не слишком пытающаяся отыскать действительно виновного расправа, судя по всему, творилась не только при нем самом, но как при его предшественнике, так и при его последователях. Причем, лютой петровской эпохе система издевательств над скованными по рукам и ногам людьми досталась в наследство именно от этого самого «Тишайшего»:

«Порядок исследования и решения по этим делам в Преображенском приказе был одинаковым с прочими приказами, и в руководство принималось Уложение царя

Алексея Михайловича. Расспрашивали сперва доносчика или обвинителя. Потом выслушивали обвиняемых. В случае разногласия, давали очную ставку. После очной ставки, если обвиняемый не сознавался, то пытали доносчика, если он продолжал свое обвинение, то пытали обвиняемых, и эта пытка тех и других продолжалась до тех пор, пока который-либо изменит свое показание. Когда же доносчик сознавался, что поклепал напрасно, или спьяну, или со злости, или мстя обвиняемому, то доносчика опять пытали три раза, и тогда только освобождали обвиняемых, когда с этих трех пыток доносчик подтверждает свое сознание» [386] (с. 581).

То есть правым, что изобрел Алексей Михайлович, становился тот, кто лучше выдерживал эти страшные пытки. И через эту палаческую систему с тех пор проводили огромное количество людей, калеча и убивая пытками практически все слои населения России: как неимущие, так и имущие — от пытки избавления не было ни у кого.

Потому население России в период правления Михаила, Алексея и Федора не возросло. Вот по причине попытки сокрытия всего выше обнаруженного период правления первых Романовых столь странным образом и оказался надежно упрятан нашей якобы темностью и непросвещенностью тех допетровских лет. А история России на тот период стала выглядеть белым пятном, задрапированным ярлыком главной персоны того времени — некоего такого «Тишайшего», попытавшегося укрыть от нас самое главное в своем правлении: сотканную паутину в качестве цепей, которые в самые ближайшие годы захватившая в стране власть клика собиралась навечно накинуть на русского человека.

И лишь более века спустя чужеродного введения в России системы определения правого или виноватого путем применения к ним обеим пыток эта система объявляется порочной:

«Злым, подлым подавали способ, или ложными затеями протягивать вдаль заслуженные ими казни и наказания, или же знатнейшими клеветами обносить своих начальников и неприятелей».

Вследствие этого рассуждения... Петр III, в сенате 7-го февраля 1762 года, объявил об уничтожении тайной канцелярии и запретил ненавистное «изображение *слова и дела*» [386] (с. 584–585). Но масонский заговор свергает с престола этого императора. И пусть уже не так, как прежде, но система эта так все и продолжает существовать аж до 1800 г.

А изобретена эта безчеловечная система лютых издевательств над людьми, просуществовавшая в России полтора века, повторимся, все тем же «Тишайшим». О чем нам и догадываться, в силу отсутствия на эту тему какой-либо информации, в свое время, было достаточно сложно.

Но и мировая история переделывалась под общепринятый в тот момент масонский знаменатель не иначе как под чьим-то общим руководством. Потому в наших летописях сегодня и обнаруживается слишком много несовпадений с действительностью:

«...летописи писались много десятилетий спустя после описываемых событий, и потому точность описания и датировки в них оставляют желать лучшего. Возможны и позднейшие вставки...» [256] (с. 200).

«В фальсифицированной версии была сильно заинтересована династия Романовых, которая, по сути дела, осуществляла тотальную цензуру всех работ по русской истории... В результате этого многое из подлинной русской истории не увидело свет, а что-то было, видимо, просто уничтожено» [146] (с. 14).

То есть под изобретаемую учеными немцами версию подправлялась и история о нас: шла адова работа по изготовлению народа-стада. Для этого необходимо было на самого

грамотного человека повесить ярлык серости и неотесанности. Потому так необходимо было отнять у него память. А все остальное нам слишком хорошо известно: колхозы и стройки века, ГУЛАГ и войны. Это рецепт построения общества нового типа, которое бы кроме всеизвестного «му-у-у», ничего иного и вымолвить уже и не могло бы.

Именно такое общество строилось Романовыми, чей лжецарствующий род был отстранен от управления Россией отравителями еще в конце XVII века, а Анной Иоанновной и физически закончен (Петр Первый ну никак не является сыном Алексея Михайловича. Доказательства см.: [204]).

Так что именно приход к управлению страной масонами, как прямо вытекает из всего вышеописанного, и мог привести Россию к столь теперь кажущемуся странным признанию выдуманной на потребу немцев истории по мировой истории. И лишь столь многолетнее правление сторонников чужебесия, когда переписывали и пересогласовывали варианты некогда произошедших событий на потребу столь самообожествляющих себя народов этой самой заграницы, как нами лишь теперь выясняется полностью чуждой и зачуханной (см. книги серии СЛОВО т. I–XXIII), могло позволить так презрительно выколотить из наших мозгов чувство своего несомненного над всем иноверным миром превосходства.

Вот как, судя по всему, происходил этот процесс, оставшийся за кадром:

«В течение всего XVI в. в Европе продолжался дележ византийского наследства, который закончился падением к началу XVII в. монархов *старой* имперской династии: Рюриковичей в России, Пржемысловичей (=Люксембургов) в Центральной Европе, Валуа во Франции, Ависов в Португалии, Тюдоров в Англии и т.д. и приходом к власти *новых* династий — Романовых в России, Бурбонов во Франции, Габсбургов в Центральной и Юго-Западной Европе, Стюартов в Англии и т.д.

Вот эти новые династии и *договорились* между собой о создании такой *собственной* истории, которая *утверждала бы их монархические права*. Естественно, всю предыдущую “Славную Византийскую историю” каждая из монархий постаралась сделать частью своей. Так появились параллельные версии *одной и той же* истории...» [40] (с. 4).

Но можно ли доказать масонство всех перечисленных династий? Ведь лишь в случае принадлежности всех их к единой тайной организации им и удалось бы между собою договориться.

Принадлежность к масонству королевской династии Англии неоспоримо. Ведь именно Английская королева возглавляет сегодня список «комитета 300». Прослеживается же эта связь еще с придворного алхимика королевы Елизаветы — Джона Ди (конец XVI в.).

Но и среди правителей России — Романовых, с 1613 г. захвативших власть в России, также обнаруживается связь с масонами. Михаилом Романовым приглашается ко двору уже сын Джона Ди — Артур (1621 г.).

Что же до всех иных стран Европы, то нам известная длительная очень для нас со стороны непонятная война за Испанское наследство. А суть ее такова, что завещание короля Испании:

«...Карла II было составлено в пользу Франции, герцог Анжуйский (приходившийся ему по матери племянником), был провозглашен Испанским королем. Это означало резкое нарушение системы политического равновесия в Европе в пользу Франции... Под угрозой оказывались прежде всего колониальные державы — Голландия и Англия...» [337] (с. 9–10).

Европейские же революции, естественно — масонские, начались с Голландии, а затем перекинулись и в Англию. Над обеими же этими странами во времена еще молодого Петра I главенствовал Вильгельм III Оранский — не просто масон, но

руководитель европейского масонства. И все примкнувшие к этой коалиции страны, что и понятно без дополнений, представляли собою этой же организацией возглавляемые правительства.

А вот что можно сказать о французской европейской коалиции тех же времен. Во Франции, во времена юности все того же Петра I, вот кто в те времена главенствовал. Посланный Петром в Голландию послом сын масона и чернокнижника, Артамона Матвеева, Андрей, вот что записывает в своей книге под заглавием «О чине королевского ордена кавалеров под именем святого Людовика, короля Французского»:

«Сей орден произведен от нынешнего короля Людовика Великого в 1693 году... Его есть началом самодержавным и великим мастером сам король... Первого градуса, или степени, доход годовой есть по 6 000 ливр...» [337] (с. 160–161).

Понятно дело, что с этого времени Брабант, Фландрия, Южная и Северная Италия, часть Германских княжеств и Испания попадают под власть масонского государства. Однако ж начало масонства во Франции прослеживается с куда как и еще более раннего времени. Вот что пишет уже о предшествующем вышеназванному подобном же масонском ордене Андрей Матвеев:

«Тот орден прежде устави Генрик IV Великий, король Французский, в 1608 году, и именовал его наша госпожи от горы Кармильския на память целого ордена дуков бурбонских, и соединил купно с орденом прежде бывшего святого Лазаря иерусалимского... и производятся в тот орден от него, великого мастера, по заслугам из честной шляхты...» [337] (с. 161–162).

Так что страны, стоявшие во главе столетием позже враждовавших европейских коалиций, что нами выяснено, ко времени воцарения в Московии Романовых, являлись масонскими. Понятно дело, им сговориться о перекройке мировой истории в пользу возглавляющих эти государства кланов было не трудно. Тому прекрасно обязано было помочь к тому времени составленное из тюркоязычных наречий завоевавших Европу представителей аморреев, являвшихся, наряду с хананеями, туземным населением Ханаана, общеевропейское эсперанто. Именно это тарабарское наречие обязано было вытеснить с белого континента разговорную речь белых людей — старославянский язык. А эсперанто это и есть на сегодня считающаяся одним из древнейших наречий человечества латынь, изобретателем которой, что уже на самом деле, возможно и является, следуя версии Кеслера, Данте Алигьери.

В этом же сговоре, что достаточно ясно прослеживается, участвовал и Китай, освоивший азы своей иероглифической грамотности в тот же практически период.

«Когда пишут о том, что некий талантливый ученый в подлиннике читал: Гомера, Демокрита, Демосфена, Платона, Плутарха, Софокла, Эврипида и пр., мы воспринимаем это как очевидный факт, и, вероятно, не многие сознают, что указанных “античных классиков” невозможно ЧИТАТЬ В ПОДЛИННИКЕ.

Все перечисленные авторы — сюда можно добавить еще десятки имен — согласно официальным источникам, жили задолго до Р.Х., то есть — за полторы, две тысячи лет до своего “переиздания” на латинском или НОВОгреческом языке.

Даже на вопрос о том, каким писчим материалом они пользовались в своей работе, не сможет вразумительно ответить ни один “специалист” — глиной, деревом, кожей, берестой? Египетские папирусы, дошедшие до нас, — единичны. Бумага появится через две тысячи лет. Вместе с ней — войдет печатный станок и тут же, КАК ПО КОМАНДЕ, вдруг восстанут из небытия “классики античной культуры”» [184] (с. 81).

Но так как никаких вещественных доказательств греческой или римской античности вообще не существует, то становится вполне очевидным, что:

«...указанных “классиков” НИКОГДА НЕ СУЩЕСТВОВАЛО.

Подлинников их произведений не удастся отыскать ни в одной библиотеке мира. ИХ НЕТ! И НЕ БЫЛО!..

Мои выводы очень “легко” опровергнуть, достаточно указать, где хранятся рукописи (или глиняные черепки!) принадлежащие ПЛАТОНУ...

Но этого НИКТО НЕ СМОЖЕТ СДЕЛАТЬ, потому что “классики античной литературы” (если такие вообще существовали) писали на ДРЕВНЕСЛАВЯНСКОМ языке» [184] (81).

А вот что сообщает о наличии обыкновенной эллинской школы на их якобы родном языке протоиерей Лев Лебедев:

«И ныне греки “школ эллинского учения” не имеют, и книги им печатают в Венеции, и учиться они ходят в Рим и Венецию...» [178] (с. 590).

То есть никакой письменной традиции за ними вообще не числится!

Так что античная история, столь нам подробно поведанная еще со школьной скамьи, что становится сегодня совершенно очевидным, является грубо сфабрикованной подделкой.

Но и не только античная. Вот кто является авторами части всемирной подделки истории, относящейся к нашей стране:

«Русская история до сих пор воспринимается нами такой, какой она вышла из историко-литературной мастерской Екатерины Великой. Она была Мастером, а Шлецер, Миллер и даже Татищев и Ломоносов, а тем более Карамзин были лишь подмастерьями, поскольку реализовывали чужой план» [146] (с. 10).

Однако же случившийся сговор, на самом деле, является заговором. Заговором масонства против Православия. И начало этой войны прекрасно прослеживается еще с первых походов так называемых «крестоносцев», которые несли с собой отнюдь не свет Христовой веры, но ересь латинизации. Такая же волна чужебесия надвигалась и с юга, где происходила еллинация Русской Церкви. Это был достаточно длительный процесс, и он полностью совпадает с веками имеющейся у нас истории.

Подделкой же ее является приписка еллинам и иным язычникам тех мировой истории веков, которые изначально принадлежали нам.

Потому сначала в каком-то одном кабинете масонами была полностью переkreоена история, а затем переписана на разговорные диалекты подвергшихся оккупации стран. И сам смысл переделки истины заключался в изъятии памяти у народа, изначально стоящего во главе мировой цивилизации. Народ же этот именуется Русским. И именуется так исключительно за приверженность своему Богу. И среди самых главных задач у захвативших власть в Европе во времена смутного времени сатанистов являлось изъятие у этого народа самого ценного, что связывает этот народ с его Создателем. Война же агрессора, что нами уже выяснено, велась против нашей возможности Славы своего Слова (Иисус Христос — Слово воплощенное). Именно с этой целью произошла та «бархатная революция», столь теперь заретушированная некоей якобы безприменной святостью правителей тех лет. Однако ж, накидыванию на свободного человека ярма крепостничества, оправдания не может быть никакого. И вот чем отличался лагерь Филарета, произведенного в «патриархи» Тушинским вором, от лагеря ему противостоящего:

«В 1608 г. Троице-Сергиева Лавра была осаждена шайками “тушинского вора”. Не раз являлся преп. Сергей архимандриту Иоасафу и пономарю Иринарху, укрепляя их и предупреждая об опасностях. Раз видели его окропляющим стены св. водой; другой раз он предупредил о готовящемся приступе, который и был отражен. Являлся преподобный и осаждавшим, так что многие казаки стали уходить домой, давая клятву никогда не воевать с православными» [123] (с. 164).

Им стало ясно, что:

«Не предаст Господь имени Своего в поношение неверующим...» [123] (с. 165).

И именно Филарет духовно окормлял эту паству, которая теперь, увидев на чьей стороне Сергей Радонежский, уходила из лагеря воинствующих безбожников, давая клятву больше никогда не вступать в противоборство с народом Русы, стоящим на защите подножия Его Престола. И ставшее затем столь знаменитым «Азовское сидение» полностью подтверждает, что донское казачество сдержало свое слово, встав на защиту Русской Веры и получив за это небесное покровительство, с помощью которого разгромило неприятеля, в десятки раз превосходящего своей численностью.

Вот теперь уже прояснились причины нашествия масонов времен секты жидовствующих, «первопечатника» Федорова, князей Вишневецких и князей Острожских. Между тем, становится теперь ясна и причина, по которой Михаил столь странным образом не пожелал принять отбитый казаками Азов в свое подданство. Он, как теперь выясняется, всегда находился или в польском, или в тушинском лагере и прекращение турецко-татарской экспансии с юга в планы приставившей его к управлению Россией секты совершенно не входило. Ведь задачей масонства было вовсе не возвышение нашей страны над иноверными, и не вещественные доказательства непобедимости ее Веры, связанные с уничтожением этого веками находящегося на рубежах степи и Турции места работорговли, но ее уничтожение. Потому Михаил столь странным образом и отказался от приобретения, произведенного казаками без его ведома.

Но так как войной нас победить все не удавалось, что и доказывало в очередной раз Великое Азовское сидение, когда пятитысячный отряд православных людей разбивает 200-тысячную турецкую иноверную орду, врагам следовало изменить сам уклад жизни русского человека. А этим изменением и являлось введение моды на границу.

Переписанная же масонством история призвана была внушить русскому человеку, что он еще совсем недавно снят с дерева. Вследствие же данного обстоятельства, как его разговорная речь, так и на ней основанная культура давно устарели и нуждаются в срочной замене — модернизации. То есть внушалось все то, что и по сию пору продолжает внушаться.

Однако ж сходу этот миф тогда еще не прошел: требовалось время, чтобы русские люди успели позабыть, кем являются на самом деле. А для этой цели в ход идут все средства: в том числе и изобретение нового языка, именуемого теперь «современным».

И вот, по прошествии четырехсот лет, язык у нас подменен — на старом, за его «не модностью», никто давно не разговаривает и уже многие его и вовсе не понимают. И теперь остановка лишь за малым: запустить заверченный к XIX веку новодел, именуемый сегодня «языком Пушкина», в нашу Церковь.

Ну а как соотнести все вышеизложенное с последними исследованиями в области языкознания?

Я.А. Кеслер произвел:

«...анализ 20 основных *современных* европейских языков, включая славянские, балтийские, германские, романские и греческий, выявил свыше 1000 ключевых слов, принадлежащих примерно к 212 общим для всех *балто-славянским* корневым группам и охватывающим *все понятия, необходимые для полноценного общения*. А это прямо говорит о том, что, по крайней мере, *до XIV века население подавляющей части Европы говорило на одном языке — и это был именно праславянский язык*» [40] (с. 4–5).

Но нет ничего тайного, что не стало бы, пусть и по прошествии сотен лет, когда-нибудь явным. И вот время настало: вся ложь, когда-то спроторенная масонами,

повылезала буквально из всех щелей и дальше ее как-либо продолжать упрятывать силам зла становится уже бессмысленным.

Потому, все же вскрывая давно слишком явно смердящие нарывы, которые замалчивать далее уже становится просто невозможно, Фоменки-Кеслеры подталкивают несообразность всей этой лжеверсии под другую лжеверсию: попытки придать Туринской плащанице роль иконы. Но не просто некой такой особенной святыни, но главной иконы Великой страны, все никак не поддающейся на посулы стучащегося в мир антихриста. Язык же наш древний, в чем упорствует тот же Кеслер, желают вывести не от СЛОВА, которым создан мир, но от древней полурусской мовы. Той, на которой некогда изъяснялись косноязычные колена служанок — Зелфы и Валлы. Потому Кеслер и К° изобретают на роль исходного некое такое особое *праславянское* наречие. Которым и хотят подменить наречие Русское. То есть язык белых прародителей Колен — старославянский (церковнославянский). Тот самый, благодаря молитвенного использования которого и были разбиты орды басурман под вышеупомянутым Азовом (см.: [206]).

* * *

Так в чем же заключалась задумка при изобретении мифа о «тысячелетней рабе»?

От нас требовалось отбросить некую свою такую уж особенную «отсталость», то есть Православие, после чего несложно просматривалось подведение человека Русы под иноверческое ярмо — западное чужебесие. Ведь именно ему и приписывались историями историков якобы создавшие цивилизации древности языческие вероисповеднические доктрины античности. И исключительно для воплощения в жизнь данного мероприятия и расплодил своих «птенчиков» Петр. И уж эти «птенчики» изначально предназначавшиеся для тотального разрушения вероисповедания отданной им для разграбления страны, просто обязаны были доистребить народность, поставленную к ним в полную зависимость четырьмя предыдущими правлениями.

А способов для наиболее успешного претворения в жизнь этой затеи всегда имелось лишь два: внешняя агрессия и агрессия внутренняя.

Следуя этому плану, все неподдающийся проявлениям внешней агрессии народ Русы связали крепостничеством, загнав в ужасающую нищету. И уже морально изничтоженное население попытались заставить отречься от Славы своего Слова. Но из этого предприятия ничего не вышло: несколькими правлениями вышибить из народа богоносца его высокое предназначение никак не удавалось — даже и в ужасающей нищете русский человек все еще оставался верен своим святыням.

Иной же вариант, предусматривающий иноземное порабощение, не годился и еще более: русскому человеку всегда легче было умереть, чем склонить голову перед басурманским ярмом иноземца. Однако ж умирая *за други своя*, что с особой яркостью продемонстрировала Великая Отечественная война, он всегда стремился уничтожить как можно большее количество врагов. От того и остался в конечном итоге все-таки непобедим.

Но таких попыток было и до этого предостаточно. Стоит припомнить лишь наиболее удачное в этом плане для врагов — Батыево нашествие, когда судьба Святой Руси висела буквально на волоске.

Однако ж и такая беда оказалась бессильной перед сокрушившим в конечном итоге орды врага народом-воином.

Потому масоны придумали третий вариант: расколоть надвое Церковь. Одна половина сразу запускала в поход за Туринской плащаницей, объявив свою ересь

неким таким-де утерянным в лихую годину *староверчеством*. У другой — изымались святоотеческие книги, заменяемые новоделом, век назад отпечатанным Федоровым. Основных канонів богослужения они не нарушали, но вводили в темный лес этих неких переводов с еллинского, латыни и «древнееврейского», то есть хананейского, где ветхозаветная история преподносилась в перевернутом виде.

И этот третий вариант на нас агрессии оказался наиболее действенным. Однако ж ожидаемого эффекта он достиг именно совместно с первыми двумя: внутренней и внешней агрессиями.

И со сбитыми набекрень мозгами наше уже теперешнее общество, утерев какой-либо хоть бы и примерный ориентир, перенацеливается Фоменками со компанией на восприятие именно того самого нами давно забытого культа, который так некогда помог вторжению татаро-монголов. Потому-то и столь необходимо все расставить по своим местам. Лишь в подобной ситуации появляется хотя бы чисто теоретически возможное отражение атаки третьей масонской волны, неотвратимо все надвигающейся не только с Запада, но в последние времена уже и с Востока.

Оглавление

Западня «клятвопреступления».....	1
Подмененное слово.....	6
Истоки смуты.....	13
Мировой масонский заговор.....	31
Чужебесие.....	39
Засилие иноземщины.....	48
Тайная миссия Сендивогия.....	64
«Патриарх» Тушинского вора.....	71